

Учиться нужно не писать, а видеть!

А. Экзюпери

Трафопан № 2(42)-2020

Альманах для любителей словесности

Издаётся с 2010 года

Основатель — Николай Година

Редактор — Александр Мишутин

АВТОРСКИЙ СОВЕТ

Абдуллина З., Белобородова Е., Гаспарян К., Дубровина Н., Калугин В.,
Китаева В., Кухтурский А., Мякушко В., Рудковский М., Ружин В.,
Федосеенкова А., Хрипко П., Шалыгина М.

СТИХИ

Галина Афимова Я увижу месяц светел.....	5
Тамара Барейшина Духом мы сильны	7
Валерий Дивянин Играла скрипка.....	8
Наталья Дубровина Шансон.....	8
Валерий Ильенко Боль людская, рвешь ты душу	8
Маргарита Кононенко Не сдавайся, душа!	10
Александр Кукушкин Ты сам — и Бог и человек.....	10
Анатолий Кухтурский Карымкина дорога.....	16
Ирина Осмачко Потянулось живое к солнцу	17
Лидия Осминина А может, всё мне показалось.....	19
Игорь Полинов Я знаю, где на свете рай	20
Ирина Приданникова Таял красочный мир, умирая.....	21
Лилия Приказчикова Малахитовая шкатулка	22
Ирина Светлова Как хорошо хотя бы помечтать.....	42
Вероника Смехова Чтоб новый день вас озарил	45
Ирина Соловьёва Как бренна жизнь и хороша.....	46
Алексей Фролов Одиночество августа	50
Марина Шалыгина Заново мир обрести.....	53

Игорь Щербаков	Давай помолчим о былом.....	54
Евгения Юдина	Если ты жив — значит, нужен.....	55

Проза. Драматургия

Мargarита Кононенко	Граффити.....	11
Александр Кукушкин	Два Сашки (роман).....	12
Наталья Паршукова	Глаза	20
	Чаепитие.....	20
Виктор Ружин	Моль.....	23
Татьяна Рыжкова	Скамейка.....	28
	Голос из прошлого (рассказ).....	30
Сергей Сергеев	Доктор Франкенштейн.....	43
Вероника Смехова	Иркина любовь	47
	Эх, Николай Николаевич!	47
	Папа, проснись!	49

Мемуары

Ирина Осмачко	Умер Сталин.....	57
Николай Шукшин	Своя ноша.....	58
	Преодоление.....	61
Нина Кысса	Деревенская история	64

Публицистика

Нина Кысса	Празднование Дня пожилого человека	67
-------------------	--	----

Юмор

Валерий Мякушко

Индикатор здоровья.....	70
Тест ДНК.....	70
Отстаём!	71
Они — тоже	71
Сидеть дома	72
Маска.....	72

Михаил Рудковский

Рваное ухо.....	73
-----------------	----

Гостевая

Александр Савенков В подтверждение таинства 75

Тильтан-Лаван Невыносимо 76

Пробник

Илья Весенин Жди, удача-недотрога, нас у Радужной реки..... 78

Анатолий Дёмшин Пред тобою просторы и пути 79

Нина Кысса О жизни..... 80

Молодо

Юлия Магалаева Я в этом мире странный гость..... 81

Детская комната

Диана Абдуллина И улыбнулась мама..... 82

Зухра Абдуллина Детские истории..... 83

Наталья Дубровина Сыночка..... 85

Владимир Кутуков

Клоун..... 86

Кошка..... 88

Ольга Большакова Кот забрался под диван..... 89

Победа 75

Николай Банных	Один из героев тех славных.....	90
Тамара Барейшина	Салют Победы	91
	Память сердца	91
Валерий Дивянин	А снится всё, как пули пели... ..	92
Наталья Дубровина	Родителям	92
Нина Калева-Прохоренко	Марфа.....	93
Владимир Кутуков	Здоровенный мужик.....	103
Наталья Паршукова	Мой дед	104
Лилия Приказчикова	Мы памятью на той войне... ..	104
Вероника Смехова	Цена часов — жизнь.....	106
Павел Хрипко	Лютая дорога жизни (рассказ)	107
Александр Яхут	Крещение из повести «На золотом краю России».....	110
	Жаворонок.....	112

Краеведение

Анатолий Кухтурский	Берёзовский редут	115
----------------------------	-------------------------	-----

Я увижу месяц светел

* * *

Ой, как сладко, сладко мне
Жить на розовой волне.
Ах, как горько, горько мне
Быть сокрытой в пелене.

Мало, мало лет душе,
Жить бы! Семьдесят уже —
Тело вянет, как цветок,
Жизнь несёт мне свой урок.
(Всё на будущее — впрок!)

* * *

Приоткроет глазки ветер,
Я увижу: месяц светел!
Налетит вдруг злая вьюга:
Плач и горе — смерть в округе.

Так расту я с опозданием,
Узнавая мирозданье.
Тучи ходят роковые,
А мечты все голубые.

* * *

Почему то Бог хранит,
Значит, так угодно, нужно,
Талисман мой Богом лит:
Пред любовью — безоружна!

Я ищу тепла, родства
И не жду разочарований,
Встречу праздник Рождества
Человеческим признанием!

* * *

Богоявления путь:
Часы показывают три,
Теперь уж точно не уснуть.
Твори!

Взглянула в небеса:
Сплошной там мрак — в полон душа.
Не видно звёзд, о чём писать?
Грешат!

Из гари заводской
Такой подарок для Христа?
Смываю грех святой водой.
Чиста!

Теперь я утро жду,
Молю Спасителя: «Прости!
Чтоб ветер сор к тебе не дул,
Крести!»

Зимние раздумки

Летят снежинки:
Что может быть прелестней
Зимы-картинки.

Мой взгляд волнует
Небесный белый праздник:
Пушинки — поцелуи.

Невероятны
Касанья их, как песни,
Душе приятны.

* * *

Красота вокруг!
Сонная ходит зима:
Снежная грусть.

Откуда печаль?
Пожалится — вернётся:
Разум на плечах.

Солнца луч в дверцы:
Не скрыться, не убежать,
Таёт лёд в сердце!

* * *

Первый чистый снег:
Чарующая радость,
Зимний оберег.

Хлопья полетят,
Понежат землю пухом,
Мир повеселят.

Красив и свят
Великого начала
Свет! Люди чтят.

* * *

Точит, точит жаль:
Вьётся длинною дорогой
Зимняя печаль.

Под ногами хруст:
Бодрит снег и радует,
Куда делась грусть?

Легче движенье:
Огонь бежит по телу,
Суть — исцеленье.

Вдохновение

Вчера все звёздочки светили
И две луны слились в одну,
Свет создавал покой идиллий,
Искру в сознание вдохнул.

Я выздоравливала сердцем:
Тревоги не было большой,
Особый дух единоверцем
Ласкал невидимой волной.

Ушла разбитость, вялость в теле:
Спустила мать покровá,
Была защита в главном деле:
Давался разум на слова.

Была гармония — порядок,
Не ощущала ночь чернил:
И воздух был приятно сладок,
И лунный свет собой бодрил.

Писала я стихотворенье,
Бежала радость из души:
Она взяла собой правленье,
Ликуя, нежила в тиши!

* * *

Сто солнц сияло мне в тот день:
Хотелось петь и веселиться!
Самообман — явилась тень:
Нарушила границы.

Интуитивно поняла,
Но сердце с грустью помирилось,
Такая доля — что могла?..
Я приняла ущерб за милость.

Попала в свой же я капкан,
Не зрела суть: могла предвидеть,
А годы — длинный караван,
Итогом смерть: болезнь твой лидер.

И вот плоды я в осень жну,
Печально вспомнить: чин по чину
Любили мы свою вину,
А мне хотелось, как по Грину!

Я помню Сретенье началом,
И свет тот — запредельный:
Небесным чудом — интегралом —
Метеорит смертельный.

Случилась радость в нашей жизни
Любовью на спасенье:
Хвалили Бога и отчизну,
Был знак на изученье.

Вопросом в сердце эта тайна:
Огнём летела сила,

Какими действиями на крайность
Нам вечность всем грозила?..

Дома тряслись, и были травмы,
Попадали и окна,
Но люди живы — громом слава:
Прошла беда та боком.

Душою больше убеждаюсь,
Что есть Христос — Спаситель,
Усилил веру и признание
Земной свидетель — житель.

* * *

Говорят, что фантазёрка,
Ну и пусть, что говорят,
В этом самом суть — приколка:
Есть огонь — глаза горят.

Жизнь я крашу на узоры,
Радость в грёзах и мечтах,
Для врагов держу затворы,
А с друзьями — на распах.

Будто в веке я античном:
Не от мира, мол, крыло,
Да такая, видно, птичка:
Резус-фактор не во зло!

Но хвалить себя не стану:
По бокам глаза — не вдаль,
Мой узор из слов как танец:
Есть в нём свет и есть печаль!

* * *

А хорошо бы почитать:
Набраться впечатлений,
Из всех блистательных цитат
Извлечь свой мир воззрений.

Я в руки книжечку беру;
Куприн — силён писатель!
Вот «Суламифь», в любви не врун —
Страстей живых приятель.

Хочу не прозу, а стихов.
Известная Марина:
Я преклоняюсь — верх верхов,
В искусстве слов — богиня!

Саморазвитием мытарь
Стучится молоточек,
Из тьмы выходит цензор — царь —
На ясный свет из строчек.

Потянут классики за нить
На Млечный Путь предлогом:
Хочу свой ум я напоить
Великим русским слогом!

ДУХОМ МЫ СИЛЬНЫ

Златик в гостях у инвалидов...

Нынче наше общество
 Златик посетил.
 «Чем вы занимаетесь?» —
 Весело спросил.
 Мы ему поведали,
 Гордость не тая:
 Вместе мы объехали
 Здешние края.
 Были фестивали
 И чемпионат.
 Мы завоевали
 Множество наград.
 Теннис и рыбалка,
 Вышивка крестом.
 Спортом занимаемся,
 Пляшем и поём.
 В выборах участвовать
 Право нам дано.
 В выборах на равных
 Участвуем давно.
 Хоть и инвалиды,
 Энергии полны,
 Но мы не сдаёмся,
 Духом мы сильны.
 Нас не ограничить
 И не удержать.
 Постарайтесь просто
 В этом нас понять.
 Дайте руку помощи,
 Только не жалеть.
 И тогда мы сможем
 Всё преодолеть.

* * *

У нас зима: мороз и вьюга.
 Я вспоминаю с теплотой
 Морской прибой, и солнце юга,
 И волн сиянье под луной.
 И, как песчинки, мы качались
 На остром лезвии волны,
 Но путешествие кончалось,
 И возвращаться мы должны.
 Мы в море Чёрное влюбились,
 Хотя не чёрное оно,
 А нежной бирюзой искрилось,
 Но жить в Крыму нам не дано.

А впрочем, на Урале тоже
 Чудес природы всех не счесть,
 Но нам завидовать негоже,
 А наслаждаться тем, что есть.
 А лучше всех в Феодосии,
 Где Айвазовский проживал.
 И был он гордостью России,
 Там написал «Девятый вал».
 Сфотографировав картины,
 Я восхищалась средь друзей,
 Что посетила домик Грина,
 Сестёр Цветаевых музей.
 У нас зима, но сердце просит,
 Я не устану вспоминать
 И верю, что судьба забросит
 На море Чёрное опять.

Сюжет как наважденье

Рука изящна и легка,
 Почти прозрачна.
 И фотокамера легла
 В руке удачно.
 И снимков в камере полно:
 Там чьи-то лица.
 И в этих кадрах, как в кино,
 Жизнь повторится.
 События ушедших дней
 С зимы до лета,
 Все в хронологии идут,
 Не канут в Лету.
 Умело автор подаёт
 Рисунок света,
 И этот снимок попадёт
 С утра в газету.
 И западёт сюжет на раз
 Как наважденье.
 Душа и чуткий, зоркий глаз
 Как приложенье.
 Вот этот снимок пред тобой
 (Его он жаждал),
 И получается такой
 Всего однажды.
 И снимок этот жизнь дала
 На обозренье.
 Убеждены все: ты талант,
 В том нет сомненья.

г. Пласт

Валерий Дивянчи**Играла скрипка**

Играла скрипка, для глухих играла...
 Кому-то в голову пришла идея,
 Устроить праздник вроде карнавала
 И слабо слышащих позвать людей.
 Скрипач всё знал. Он мог фальшивить,
 Мог даже не касаться струн смычком,
 Но он сыграл в глухом, беззвучном мире,
 Как не играл до этого никто.

И пела скрипка о любви и чуде,
 Грустила нежно о большом и сложном,
 Поплакала о том, чего не будет,
 Утешила, что в жизни все возможно.
 Скрипач закончил. В зале все поднялись,
 Он оглушительней овации не знал,
 Глухие люди скрипкой наслаждались,
 С лица читая, что скрипач играл.

г. Южноуральск

Наталья Дубровина**Шансон**

А знаешь, Зоя, я скажу тебе без трёпа:
 В мозгах моих почти одна теперь забота —
 Чтоб ты счастливою была
 Да в гору шли б мои дела,
 Всё остальное как по — нотам ла-ла-ла.

А для тебя я, Зоя, горы сворочу:
 Дрова в цене ещё. Продам, озолочу!
 Чтоб ты богатою была
 Да в гору шли б мои дела,
 Всё остальное как по нотам — ла-ла-ла.

Вот только дуру ты мне, Зоя, не валяй:
 Я на полянке. Ты не шастай, не гуляй!

Чтоб только б в гору шли дела
 Да больше б я сорвал бабла,
 Всё остальное как по нотам — ла-ла-ла.

Да оплачу тебе я этот силикон!
 Поставлю в Рошино один шикарный дом!
 Вот только б в гору шли дела
 Да ты бы умницей была...
 Все остальное как по нотам — ла-ла-ла.

Пока в лесу как сыч я, Зоенька, сидел,
 С тобою Васька на Багамы улетел.
 В любви обвал и в полном ступоре дела,
 Зачем, зачем меня как лоха развела?
 А начиналось как по нотам — ла-ла-ла...

п. Увельский

Валерий Ильенко**Боль людская, рвешь ты душу**

* * *

Ты близок нам, Христос, в своём величье:
 Покорный пред велением Отца.
 За наши за грехи за человечьи
 Пронёс свой крест до скорбного конца.

Сын Божий всех заставил разобраться:
 Не роскошь — цель людского бытия,
 Пятью хлебами может напиться
 Людей большая дружная семья!

Свое он тело отдал на мученье,
 Вкушая хлеб, чтоб всякий понимал:
 Жизнь отдана для нашего спасенья,
 Чтоб истину любой из нас познал.

Всем доказал Сын Божий: зло земное
 Не может правду, доброту убить.
 Спасёт от смерти вера всё живое,
 Она способна тело исцелить!

Христос воскрес: этим доказал всем,
 Что тело наше можно погубить.
 Но доброту и веру в этом мире
 Нельзя ни уничтожить, ни убить.

Из уст Христа та истина звучала,
 Пред Господом все нации равны.
 Для ненависти нет среди нас начала,
 Не может быть причин и для войны!

Все христиане — это братья, сестры,
 Не должно розни между нами быть.
 Мать Богородица Иисуса подарила,
 Благословила братьев возлюбить!

Тот, кто насытиться господством замышляет,
 Кто ложь и подкуп в ранг свой возведёт.
 Себя на гибель сразу обрекает.
 Земная кара все равно его найдёт!

Стихотворение мамам!

На свет произвела, вскормила молоком.
Как много ты ночей не досыпала,
Пока под стол ходили мы пешком,
Ты, мама, нас всегда оберегала.

Бывали в жизни трудные года,
Война нам наше детство опалила.
«Уйдут невзгоды эти навсегда» —
Нас мама верить этому учила!

Добро творить для всех людей,
Своим примером вдохновила
Христом его ниспосланных идей:
В единстве наций ты нас убедила.

Куда бы ни бросала нас судьба,
Что только с нами жизнь ни вытворяла.
Твоя любовь все долгие года
Нас берегла и в холод согревала!

\
Чтоб супостата в дом не допускать!
Страну отцы и деды отстояли,
Понятие, что Родина нам мать,
Мы с детства с молоком твоим впитали.

Здоровье мамам, долгие года.
Живите в радости, вы это заслужили!
Мы, дорогие, любим вас всегда.
Любовью этой вы нас одарили.

* * *

Боль людская, рвешь ты душу — ни понять, ни оправдать!
Славянин своего брата продолжает убивать!
Объясни, сын Украины, в чём вина этих людей?
Мы славянской ведь кровины, почему «москаль» — злодей?
Этих хлопцев из Донецка знаем не один мы год,
Были все в Стране Советской — добрый трудовой народ.
Службу на Балтийском флоте честно, преданно несли.
Братство, верность той присяге сквозь года мы пронесли.
Чем тебе не угодили дети, внуки тех ребят?
Армию на них пустили, танки, установки «Град».
Хладнокровно убиваешь женщин, стариков, детей,
Детсады огнём сметаешь. Кто отдал приказ — злодей!
Чем великий и могучий наш язык не угодил?
Он, правдивый и свободный, вместе нас объединил.
Вся история России — братство древнее славян,
Украинцев, белорусов... С ними — старший брат Иван!
Веришь в Бога иль не веришь, это вовсе не ответ:
Всё равно мы христиане более чем тыща лет!
Приняла Русь христианство, с самых древних тех времён
Чтим заветы того братства, до сих пор по ним живём!
Наши прадеды и деды завещали: будь мудрей,
Чтобы нас минули беды — чти отцов и матерей!
Чтобы справиться, ребята, с лихолетьем, злой судьбой —
Ближнего люби, как брата, вместе справитесь с бедой!
А сегодня где заветы, с нами что по жизни шли?
Кровь и слёзы! Где ответы? Братья! Вы с ума сошли!
Сотни лет объединяла Русь народы в мире жить.
Кто сейчас тебя толкает своих братьев истребить?!
Боль людская, рвёшь ты души. Кто устроил этот ад?
Нашей боли он не слышит, долларам он только рад!
Он людей не убивает — деньги платит, чтоб убить,
Одного не понимает: совесть, душу не купить!
Ты сегодня истребляешь женщин, стариков, детей,
Города огнём сжигаешь... Стань пред совестью своей!
Те герои, что в Донецке бой с наймитами ведут,
Несмотря на все лишения, свой народ не предадут!
С вами, братья, мы едины, никогда не предадим.
Если брату будет худо, всё, что надо, отдадим.
Братство всех народов наших освещало путь всегда.
Отступали все невзгоды, не страшна была беда.
Без обиды, без обмана, чтобы жить, любить, творить,
Нациям и всем славянам братство нужно сохранить!

Маргарита Кононенко

Не сдавайся, душа!

По заданной строке...

Я бывала счастливой, другие, наверное, тоже.
 Как про счастье писать о себе? Признаться, негоже.
 Не зелёный листок, а с годами плакучая ива.
 Всё ветра да шторма, то бомбят, то пророчат.
 Как же жить на Земле? Каждый выжить ведь хочет?
 Так стоишь под дождями, снегами, сгибаясь,
 Не без дрожи в ногах и фатально смиряясь.
 Засыпая, мечтаешь проснуться живой.
 И за что наказание? За что так со мной?
 Я бывала счастливой. Другие, наверное, тоже.
 Я молюсь за людей: сохрани всех нас, Боже!

* * *

Да, душа оказалась-то с норовом!
 Да, с тигриным рычанием-говором.
 Просто сладу мне с ней не найти.
 Что ж такое, куда с ней идти?..
 Ко двору не пришлась ведь она,
 Так и бродит, бедняга, одна...

Нет бы сдаться, и тихо скулить,
 И за всё, и за всех голосить...
 Но душа та была б не душой,
 если б стала пластичной такой.
 Пусть вокруг все отвергнут её —
 Не сдавайся, душа! Что моё, то моё!

Увельский район

Александр Кукушкин

Ты сам — и Бог и человек*

Никогда! Ни говори, нет!

Никогда!
 Не говори
 НЕТ!
 Когда больно
 станет
 в груди.
 Никогда!
 Ни говори,
 НЕТ!
 Только
 Бог
 указывает
 пути.

Даже
 если
 не
 в силах
 терпеть,
 даже,
 ноги
 не
 держат
 тебя

и
 обида
 горше,
 чем плеть
 и в глазах твоих
 слёзы
 дрожат.

Никогда,
 не говори
 НЕТ!
 Знай,
 «болезнь»
 потихоньку
 пройдёт.
 Вновь
 к тебе
 снизойдёт
 «свет».
 Обязательно
 СОЛНЦЕ
 взойдёт.

* Публикуется в авторской редакции.

Тайна

Нарисуй мне
в мечтах
свою
тайну,
поделись ей
со мной
откровенно
и она
журавлиною
стаей
мигом мысли
слетит
мгновенно.
Устремится
в полёт
высокий,
заберёт
и меня
с собою
и забудет,
что мир —
жестокий
и останется
сказкой-мечтою.

...подари мне
мечту —
свою тайну,
разделю
пополам
с тобою.
Я не тот —
прохожий случайный,
я хочу
стать
твоею
судьбою.

Я прошу:
воплоти её в жизни,
свою тайну,
её ты
лелеешь.
Подари мне
её
бескорыстно,
лишь тогда
пожнёшь, что посеешь...

Мир истин

Я рад бы в суете прозреть
и пробудиться в мире истин,
но СУТЬ, стремиться умереть.
За это мир мне — ненавистен.

В чём жизнь хранит её секрет?
Его пресечь не сможет выстрел.
Не описать её портрет...
Не уловить мгновенье мысли...

Бог-человек

Обцеловал он все кресты
На колоколенках Москвы,
Но не избежал пустоты.
Все чувства у него мертвы.

Пред аналогом тяжкий грех
Не замолить тебе вовек.
Не в церкви бродит твой успех.
Ты сам — и Бог и человек.
Поверь, не Бог тебя казнит,
а совесть тянет в полымя,
она одна в тебе кричит,
ты с ней сгоришь, себя кляня.

с. Долгодеревенское

Маргарита Кононенко

Граффити...

Граффити... в луже! Удивительное и неповторимое явление природы! Наверное, ни один художник в мире не сможет так изящно и выразительно передать все нюансы мгновенной картины, что отразились в линзе лужи. Это доступно только Её Величеству Природе! Это она, чаровница и затейница, украшает мир своими причудливыми красками и бросает их к нашим ногам. Смотрите! Любуйтесь! Удивляйтесь! Природа побуждает писать о своей красоте оды, вдохновляя на шедевры художников, музыкантов, поэтов, зовёт к созиданию, будучи всегда рядом, окутывая нас собою. Это сказка, которая может быть разной. А какой — зависит от настроения Матушки-Природы и от того, как мы к ней относимся. Будем добрее и бережнее к ней — и она вознаградит нас сторицей! А в ответ на зло разъярится, выпуская демонов возмездия. Всё относительно в этом мире.

Увельский район

Александр Кукушкин

Два Сашки*

роман

Книга первая. Прозрение

Часть первая. Солнце встаёт

Седьмая глава

Только он потянул дверную ручку, в ноздри хлынул пьянящий запах жареной картошки. В желудке инстинктивно засасало. Галя стояла вполоборота к нему у окна.

В комнатке было тепло. Видимо печь была недавно протоплена. В глаза сразу бросилось, что, что-то здесь не так, но что, он ещё понять ещё не мог. Она медленно подошла к нему, положила руки на плечи.

— Как долго тебя не было. — Он бросил взгляд на диван — кровать, мальчишка спал голышом, раскинув руки.

— Илюша ночью написал. — Сашка, резко обхватил её руками и буквально впился в неё губами.

Уже сквозь поцелуй он еле выговаривал — Ну и пусть... высохнет... — они оба так увлеклись, что их обоюдные ласки, казались им обоим, вечностью, но никак не могли оторваться друг от друга. Скользящие влажные губы то касались плеч, то медленно переходили к ушной мочке, то снова с лёгкостью обволакивали губы. Девушка буквально изнемогала от сладкой истомы. Из груди её невольно раздавался протяжный стон. Она чувствовала как плавки её буквально заливались обильной влагой. Уже со стоном, в каком-то полупьяном состоянии, она шептала: — Давай же я тебя покормлю... я картошку пожарила... хозяйка дала... мы вчера с ней до поздна разговаривали... такая милая женщина... всё спрашивала про Илюшу, про нашу семью... — но они, никак не могли оторваться друг от друга, — ты знаешь... я очень боюсь... оставаться... ночью... одна...

— Но, ты — же с Илюшей, — она так же, как через сладкий сон, через поцелуй, отвечала ему... — да-а... он за-щи-щал ме-ня, — и он, словно в эйфорическом полусне вёл разговор с любимой, — от кого?- и она, нежась в его ласках вторила ему, — от зло-де-ев...

Они не знали, сколько продолжалась эта сказка. Время, было потеряно для них.

Он с большим аппетитом уминал картошку и тут только, насыщаясь, начинал видеть те перемены, на которые сразу не обратил внимание. На единственном окне висела тюль и маленькие портьеры. Такие же портьеры были и на входных дверях. На чисто вымытом полу, лежали домотканые половики. Да и весь вид комнатки, как — то преобразился. Стало уютно и приятно глазу.

— Значит так, Галя, Илья проснётся, корми его и поедем, привезём все твои драгоценности со старой квартиры. Ну, а там... по ходу пьесы... идёт?!

Буквально часа через два они приближались к двухэтажному дому Гали.

— О, Валентина Ильинична опять настрогала!

— Что настрогала? — не понял Сашка.

— Да, вон, бельё на верёвках.

Тут только он обратил внимание на постиранное домашнее бельё, которое трепыхалось на ветру на двух верёвках натянутых между двух тополей.

— Только чур, уговор; подожди меня вон там, — и она указала на беседку детского садика.

— А, может...

— Никаких может. Всему своё время, — тоном, не терпящим возражения, добавила Галя.

— Ну, хорошо. Как вам будет угодно, девушка.

Она с иронией глянула на смутившегося парня.

— Фь-ю-и-ть! — присвистнул Сашка, глядя на количество узлов, сваленных в беспорядке в углу времянки, — это, что же за сокровища? Да тут грузовик нужен!

Вскоре они выгружали всё содержимое «сокровище» в свою келью. Шифоньер был полностью, до верха завален узлами.

— А остальное куда девать? — Спросил Сашка.

* Публикуется в авторской редакции. Продолжение. Начало в «Графоман» № 3-2019.

— Ну, часть я думаю, уйдёт в диван-кровать... а, остальное... остальное придётся, вот в этом углу сложить и накрыть простынёй. Другого выхода я не вижу. А может быть, с хозяйкой поговорить, может у них какое помещение есть?

— Ладно, придумаем. Так, что же это за сокровища? Ты мне так и не ответила.

— Я же тебе говорила, что работала в ателье. Ну, так вот, это — заказы клиентов, и я шью дома, а не в ателье.

— А где машинка?

— А вот машинки... так получилось...

— Ладно, ты давай разбирай свои завалы, а я поехал по делам, вернусь к вечеру, — и он, поцеловав её, вышел на улицу.

Он шёл в родительский дом и про себя размышлял: «Ну, надо же, столько лет жил буквально через дорогу от неё, а так ни разу и не встречались, а может и видел когда, да не обращал внимания? Да и когда? До армии то работа, то постоянно занят; то тренировки, то учёба в вечерней школе, да и занятие радиотехникой занимает уйму времени. А друзья, так они вечно безвылазно были у меня в комнате. Занимались магнитофонными записями, когда я сидел и что-нибудь паял. Единственный, с кем я практически был неразлучен, так это Валерка. Нас как-то познакомил Сашка Васильев, когда они с Валеркой учились в одном девятом классе. Но Сашка, окончил военное училище и... Кострома... женился... и всё... пропал с горизонта. Так оказывается, они все учились в одной школе, только в разных классах?.. Ну, Мирон-то с Танюхой начали жить ещё в десятом классе, им даже родители брали справку в райисполкоме, как не совершеннолетним, что бы они зарегистрировались в загсе», — он не заметил, как в размышлениях подошёл к дому, поднялся на пятый этаж, открыл своим ключом дверь. Было воскресенье. Все были дома.

— Ура! Сашка пришёл, — закричал младший брат и повис у него на плечах.

— Ну подожди, ну подожди, дай раздеться.

Он вошёл в зал. Отец лежал на диване, читал газету и словно не замечал прибытие сына. Мать сидела за столом и смотрела телевизор.

Она повернулась к сыну: — Саша, ты кушать будешь? Я пельменей настряпала.

— А что ему твои пельмени? Он даже не соизволил сказать родителям, где пропадал столько времени. Взрослый стал?! — Отец отложил газету и сел. Вот всыпать ремня под хвост!

— Мама, папа, я познакомился с женщиной. Мы сняли времянку.

— Времянку?! — отец негодуя посмотрел на сына. — А с отцом, с матерью ты посоветовался? Ночами не спим! Где сынок?! — Почти в крик продолжал отец. — А он... видите ли... времянку... снял... с... женщиной!.. Что же так-то, по-скотски-то? Вон, Серёжка... всё по уму-разуму... подали заявление с Татьяной... двадцать третьего... свадьба... всё по уму-разуму... все готовимся... всё по уму — разуму, как полагается... по уму-разуму, а он... видите ли, — всё больше расплылся отец, — времянку снял... с... женщиной!.. Хотя бы, привёл... познакомил... посмотрели бы мы с матерью... подойдёт тебе... или нет? По уму-разуму... она тебе? А то... видите ли... он... так решил!.. Он... видите ли... времянку... снял!.. Что, ... своего... жилья... нет? Времянку... он... снял! Богатым стал? Комната, пустует! Это, что? По уму-разуму? — горячился отец.

— Миша, да успокойся ты! А, сам-то много с кем советовался? Захомутил меня и в ЗАГС!

— Захомутил-захомутил... тогда, другое время было... вон, получил, как — то месячную пайку — булку хлеба на талоны... так, пока до общаги дошёл... и не помню, как её и съел... на столько, был голодный... все талоны... за... раз... съел...

— Ну, ты не равняй, сейчас другое время.

— Это нравы другие! Без загса... времянку... как это... без загса? Разве можно так-то это, а? Без загса? — Он помотал головой и махнув рукой, лёг на диван.

— Ладно, сынок, пойдём на кухню, я тебе пельмешков сварю.

— А с родителями, всё одно посоветоваться надо, — ворчал отец.

— Я мам, вообще-то сыт, но вот от пельменей... от пельменей не откажусь.

Они последовали в кухню, а Михаил Александрович, всё продолжал ворчать.

Мать поставила греть воду под пельмени.

— а зовут-то её как? Это не та девушка, что приходила?

— Да, та. Зовут её Галя.

— Симпатичная. Конечно, тебе выбирать, но, я бы сынок, тебе не советовала. Да и правильно отец говорит, ну сделали бы всё, по-человечески... вот, у Сергея двадцать третьего свадьба... все готовимся... что, уж для тебя бы сынок, не сделали... ещё бы лучше свадьбу закатали... ты всё-таки старший. Вон, Серёжке, целую тыщу собрали... да, ты же хотел после

техникума в институт поступать... на дневное отделение, а диплом твой теперь как? Я тебе тут тушёнки наварила, возьмёшь?

— Да мам, возьму. А можно у тебя твою швейную машинку взять, на время? Галя, оказывается, портниха. Работала в ателье первого класса, ну... там, где я всегда себе шью.

— Ну конечно бери... тут ребята тебе все обзвонились... каждый день по несколько раз... и Валера с Таней приходили... мы с ними долго разговаривали ... всё про тебя спрашивали... да и так, о жизни... Таня-то с Галей оказывается в одном классе учились... ну, а потом... она не знает... вот в больнице встретились ...а, отец всё-таки прав, ну давай сделаем всё, по-людски, да и от родни и соседней совестно... что, мы хуже всех живём?.. Саша, сынок, послушай меня... раз уж сам решил, так тому и быть... мы-то с Таней ... разговорились... мы — же с отцом-то... хорошо знаем... и Фёдора Ивановича, и... Валентину Ильиничну... ну, давай... сынок... по-людски сделаем... я уж, с Валентиной-то, поговорю... думаю, что они... не против будут. — Женщина поднесла свой маленький кулачок к своим губам, глядя на сына вопрошающе грустными глазами.

— Хорошо, мам. Всё будет нормально. Я тебе обещаю. И гитару с собой возьму.

— Да, возьми, возьми, всё, что вам нужно... а, может быть сюда, к нам переедете? Серьга с Таней там, у свата со сватьей жить будут, ...да и, что комната пустовать будет, ...да и за квартиру платить надо... всё же расходы... мы вам не помешаем...

— Хорошо мам, я подумаю... — он слушал мать рассеянно. В мыслях он был уже там... в своей, теперь уже, пусть во времянке, но всё-таки своей квартирке. И пусть ещё не с женой, но... с близкой и любимой ему женщиной.

Восьмая глава.

Фокусник

Если первая смена, по исчислению времени суток начинается с нуля часов, то вторая, естественно, согласно регламенту работы восьмичасового рабочего дня, начинается с восьми утра, из этого следует, исходя из порядка времени по циферблату часов, третья смена, начинается с шестнадцати часов дня.

Таков распорядок работы всех смен всей металлургической промышленности всей страны, всего неделимого и могучего, Советского Союза.

Прошли первые, золотые денёчки брачного периода нашего героя, за который, надо отдать должное ему, что кроме обоюдных ласк и поцелуев, дело дальше не заходило.

За это время, наш герой, как и в прежние времена, был на столько занят всеми своими делами, что и в добрачной, семейной жизни, что времени у него оставалось лишь на очень короткий сон.

Ну, а коли уж, суждено было ему так внезапно обзавестись семьёй, то следуя естественным путём, график его обыденной жизни, несколько уплотнился.

Как автор этого произведения, не хочу, да и не имею право вторгаться в личную жизнь своего выдуманного героя, ну, я бы так сказал, что это несколько, вносило в обыденный его распорядок, довольно существенные коррективы и теперь, он, приняв смену, сидел на своём рабочем месте в шестнадцать ноль, ноль, то есть, в третью смену.

Хотя я и сказал, что это выдуманный герой моего романа, но?

Как сказал мудрый классик далёкой древности, стене — предшествует основание, а смерти предшествует — жизнь, так и у моих героев, моего романа, так же существовали в реальной жизни определённые прототипы, со своей жизненной судьбой, а я, лишь обобщил и суммировал эти судьбы...

...круг идёт, — рявкнул селектор.

На экранах мониторов вывели марку стали. Круг и сляба, шли по другому рольгангу, мимо летучих ножниц. Кругляк диаметром сто пятьдесят миллиметров шёл сразу на адьюстаж, грузился в вагоны и отправлялся на Челябинский трубопрокатный завод. Сляба, на прямую шла на листопрокатный стан две тысячи пятьсот. И поэтому, в это время, работники вычислительной техники, либо занимались ремонтом технических средств, либо...

...оборудование работало исправно и Сашка, обладая недюжинным интуитивным, логическим мышлением и имея явно выраженную творческую жилку, сидел за пультом управления и размышлял о своей семейной бытности, в которую он так резко окунулся.

...не будем осуждать нашего героя за то, что он так близко воспринимает в своей душе, всё, что происходит с ним, и с теми персонажами, с которыми, он путешествует по этой, своей жизни...

...ведь, согласись, дорогой читатель, что наша жизнь, это — лишь маленькое путешествие, в огромном мире не иссякаемого времени в пространстве необъятного космоса.

Скажу больше. Только логическое мышление позволяет людям работать в сфере электротехники.

Только логическим мышлением можно определить неисправность там, где её не увидеть.

Наверное, именно поэтому, наш герой и трудился в области микроэлектроники, которая присутствует в электронных вычислительных машинах.

...он сидел и размышлял...

...думая о Галине, он ловил себя на мысли, что в данный момент, перед его глазами не стоят глаза Галины, как в первые дни. Семейная жизнь проходит в какое — то определённое русло, куда и надлежит ему катиться.

Хотя он всё так — же возбуждался при совместных ласках, но он, сдерживал себя. Да, мало ли у него бывало раньше каких ласк с поцелуйчиками?..

...думая о Галине, мысли его, вдруг перекинулись на Илюшу. Думая про Илюшу, мысли его направились в своё детство...

Ему почему — то вспомнился забавный случай, как ему всегда казалось. Лишь став взрослым и окунувшись в мир электричества, он с содроганием вспоминал тот случай и его последствия, в результате которых могли наступить не обратимые процессы.

...ему тогда было шесть с небольшим лет. Серёжка, его младший брат, только-только начал ходить.

Мать и отцом были на работе, который длился, четырнадцать часов и Сашка с братом были в своей землянке одни.

В землянке, даже в жаркий день было сыро и из стен, обшитых горбылём, то и дело выползали двухвостки и мокрицы.

В землянке всегда было прохладно, даже в жару и всегда, даже в солнечный день, было сумрачно. Маленькие оконца в комнате и на кухне были ниже уровня земли, поэтому солнечный свет, практически, не проникал в помещение, поэтому, даже днём, в землянке горел свет.

...вдруг свет погас. Сашка-то знал в чём дело. Он постоянно видел, как отец, если гас свет, шевелил рычажок в выключателе на стенке, который был не защищён крышкой.

Сашка, тут же взобрался на родительскую кровать и начал шевелить рычажок выключателя. Свет заморгал. Он постарался поправить рычажок, как его ударило током. Он отдернул руку. Детское любопытство заставило его ещё раз дотронуться до оголённого контакта. Током его не било, но за то, как резанный орал его брат Серёжка, его начало трясти, но руку Сашкину, он не отпускаял.

Сашка, отнял руку от оголённого контакта выключателя, Серёжка прекращал вопить. Он снова дотрагивался до контакта выключателя и опять, его не ударило током, а брат начинал орать.

Недолго думая, он побежал на улицу, где играли его сверстники.

— Ребята, пойдёмте со мной, я вам фокус покажу!

Ватага играющих ребятишек устремилась за ним.

Он попросил, что бы все встали в цепь и взялись за руки. Когда все взялись за руки, он держал одну руку мальчишки, другой рукой прикоснулся к оголённому контакту. Последний в цепи ребёнок начинал орать и его начало трясти. Так, Сашка повторял свой фокус с каждым ребёнком.

Последнего в цепи трясло, он орал, а остальные, весело хохотали.

Вечером, в землянку пришёл сосед, дядя Аркадий и Сашка слышал, как дядя Аркадий рассказывал отцу про Сашкины фокусы. Отец, этим же вечером поменял выключатель.

Теперь, свет в землянке больше никогда не гас самостоятельно.

Сашка, вспомнил почему-то этот случай, тут же, его мысли переключились на Илюшку. Он улыбнулся сам себе...

— ...вот, фокусник... так бы до фокусничал...

с. Долгодеревенское

Анатолий Кухтурский

Карымкина дорога

Вьется по лесу дороженька
Средь валежника и пней,
Позабыта, позаброшена,
Мало ездит кто по ней.

Перепутаны кореньями
Да травой все пути.
Знать, прошло немало времени,
Коль успела зарасти.

Не вернуть былого сызнава,
Время движется вперед.
Ту дороженьку Карымовой
С давних пор зовет народ.

По старинному преданию,
Так в народе говорят,
Жил когда-то в годы давние
Знаменитый конокрад.

Звали ворога Карымкою,
Говорят, не наших мест.
Он ночами невидимкою
Рыскал, словно волк, окрест.

Дерзкий был, но осмотрительный.
Да к тому ж фартовый вор,
Мог играючи решительно
Отомкнуть любой запор.

Прячь не прячь коня единого —
Подберется ко двору.
Не один мужик в Чудиново
Выл безумно поутру.

Перепробовали всякое:
Караулили с колом,
След пытались взять собаками,
Поджидали за селом.

Все напрасно. Словно чувствуя
Справедливый приговор,
В лес, в местечки захолустные
Уходил на время вор.

В глушь забравшись под заломины,
Спал в постели моховой,
Чтоб однажды ночью темною
Вновь пуститься на разбой

По дороженьке извиистой,
По шелковью муравы
Под печальный и прерывистый
Крик рыдающей совы.

Лишь под утро в муть белесую,
В час, когда всем правит сон,

Словно призрак меж березами
Появлялся тихо он.

Вел коня в ременной оброти
На лесной дороги твердь.
И в глухом неясном ропоте
Уловить боялся смерть.

А когда рассвет сиреневый
Заползал в продрогший лес,
Был и вор, и конь игреневый
Далеко от этих мест.

Глухоманью, хлябью топкою,
Иногда коню по грудь,
То дорожкой, то тропкою
Извивался в Троицк путь.

Там на ярмарочной площади
Торги были хороши.
Шли на конском рынке лошади
За большие барыши.

Сколько раз дорожкой дальнею
Вор Карымка приходил.
Столько раз добычу тайную
За собою приводил.

Сбыв коней, гулял отчаянно,
Отрешившись от всего.
Все трактиры знал и чайные,
Где знавали и его.

За вином, игрой азартною
Все, как есть, спускал дотла.
И дороженькой обратною
Возвращался на дела.

На дела свои разбойные,
Добрым людям вопреки,
Чтобы в ночи беспокойные
Сна лишались мужики.

Чтоб в луга коней стреноженных
Не пускали со двора,
Чтобы лаяли встревоженно
Псы в деревне до утра.

Но не зря в народе молвится:
Как веревочку нИ вей,
А конец всегда находится,
Будь она того длинней.

Сколь Карымка нИ разбойничал,
нИ чинил в округе зла,
Был однажды темной полночью
Взят с поличным близ села.

Не ушел, душа пропадающая,
Из расставленных силков.
И была расправа страшная
Озверевших мужиков.

Смертным боем били врага,
Вымещая зло и месть.
Заплатил он очень дорого.
Заплатил за все, как есть.

Не вернулся на дороженьку,
Где поникла мурава,
Где кричала одинешенько
В непроглядной тьме сова.

Времена минули давние,
Позабылся лиходеи.
Только в памяти предание
Сохранилось у людей.

с. Чудиново

Ирина Осмачко

Потянулось живое к солнцу

* * *

Мы с тобой родились в апреле.
Для весны законы просты:
Первоцвет открывает двери
И наводит к теплу мосты.
Потянулось живое к солнцу,
К его нежным первым лучам,
Через холод земной к оконцу,
Пробивая пути ручьям;
Чистым воздухом надыхаться
И принять совет мудреца:
Нужно в холод вместе держаться,
Чтоб согреть друг другу сердца.

Любовь, затерянная на войне,
Вот ночь зависла над плечом:
Стал сон — хождением по мукам.
И снова мы с тобой поймём:
Нет оправдания разлукам.
Бросая сердце в глубину
Уже несбывшихся желаний,
Зачем-то верим в чистоту
Своих непрожитых свиданий.
И если вспомним о былом,
О гамме всех прощальных звуков,
Мы пожалеем лишь о том,
Что распахнули дверь разлуке.
Годам, прошедшим вопреки,
Словам, что всеу прозвучали,
Мы силы наши сберегли
И утолили все печали...

* * *

Давай оценим прошлое,
Где все обиды сброшены:
Не как поля заросшие,
А как косою скошены...
Давай мы примем прошлое
Не как ошибки взрослого —
Как встречи те несмелые,
Что вишенки незрелые.

Ты знаешь, мы упёртые,
В мозолях руки твёрдые
И всё, что нас касается, —
Хорошим всё сбывается.

* * *

Вокруг суета и ложь обещанья,
как дверь неприятья,
окно пустоты.
Дай молот разбить мне в пыль
оправданья,
в пустые объятья
разрушить мосты.

Послевоенные ночи

Здравствуй, подруженька — ночка бессонная,
Крепко войной ты со мной обручённая.
Поездом мчится память-пророчица,
Что ей сегодня напомнить захочется?
Заря гасит ночи, но памятью сонною
Правит война, пусть давно побежденная.
Мстит за себя, уходит ей не хочется.
Вот так попутчица — злая пророчица.
Кровью облита земля воспаленная,
В страхе за близких душа поврежденная,
Юность в фуфайке, огнем опаленная,
Выжить назло хочет, непобежденная.
Раны, свинцовой болью залитые,
Днем на работе чуть-чуть позабытые,
Ночью, как водится, снова разноются,
Не успокоятся, только удвоятся.
Вот включена снова лампа настольная
(В точь, как у Ленина: светло-зеленая),
Музыка тихая, томик Волошина...
Чем же отвлечься? А память взъерошена...
Время не лечит, с законом не водится,
Не отпускает, как в русской пословице.
Лишь на рассвете с боем отброшена
Боль и бессонница томом Волошина.

* * *

Война, какой игрой
 Себя ты развлекаешь,
 Что судьбы всех людей,
 Как струны, обрываешь?
 Ты посланных в расход
 На миллионы множишь.
 Солдат последний вдох
 Чем оправдать ты сможешь?
 Война, какой водой
 Себе ты руки моешь?
 Ни горькою слезой,
 Ни кровью не отмоешь.
 Война, какой страной
 Сейчас ты управляешь.
 И в страхе всех людей
 На что опять толкаешь?

* * *

Вот уже не молодо
 И давно не зелено,
 Но где бы взять ума,
 Чтобы жить, как велено,
 Исполнять все правильно...
 И не сойти с ума.

* * *

Не славь осеннюю природу,
 Она предвестница конца.
 Там, впереди, ждёт непогода,
 И там же — розы для венца.

* * *

Что тебя сейчас волнует,
 Ум и сердце наполняя?
 Свет поймав, душа танцует,
 Крылья жизни расправляя.

* * *

Вдруг солнце за тучи ушло,
 И счастье смеяться устало.
 Зло сильное слово нашло
 И камнем на плечи упало.

* * *

Благословенна та душа,
 Которая любить умеет
 И по велению Творца
 От Духа тело хорошеет.
 Бог знал и верил, как лепить,
 Людей свободных создавая,
 От их умения любить
 Ворота в вечность отворяя.

* * *

Океаном душа оказалась:
 Из её неземной глубины,
 Из вулкана любовь извергалась,
 Поглощая ушедшие дни.
 Как лавина огня, что веками,
 Охлаждаясь бурлящей водой,
 Уж спокойно лежит под ногами,
 Умываясь прохладной водой.
 Так душа, исполняя законы
 Беззаконно свободной любви,
 На стихи надевает короны,
 Чтоб потом, успокоясь, уйти.

* * *

Ой вы, капли-ручейки,
 В речку превращаетесь.
 Ох вы, речки-маячки,
 В море выливаетесь.
 Ой вы, слезки-ручейки,
 Вы куда деваетесь?
 Неужели от тоски
 В душу выливаетесь?
 Мои слезки-маячки
 В платочки собираются.
 Их потом сожгу в печи,
 Чтобы мне не маяться.

Опус 4

(навеян сонатой 14 опус 27
 Л. ван Бетховена)

Нераскрытый подарок —
 в нём тайна чужая.
 Молча в сердце стучится:
 «К тебе можно войти?»
 Не спешу, не открою,
 в загадки играя,
 Чьё-то скрытое имя
 я пытаюсь найти.
 Как же смею развеять
 я душу подарка?
 Непростое искусство —
 о любви рассказать...
 Чуть касаюсь я ленты
 атласной и яркой,
 Но лежащую розу
 сердце хочет обнять.
 Аромат восхищает.
 Он шепчет: «Родная,
 вспомни вечер на море
 и на яхте рассвет».
 Что ж, довольно играть мне!
 Тебе представляя,
 Юность вспомнить хочу я —
 пусть прошло много лет.
 Аромат яркой жизни
 не выносит размерного.

В нём последней обиды
исчезнувший след.
Нет фальшивого сердца
и, конечно, надменного,
Значит, здесь есть любовь —
от неё тайны нет.

* * *

Под вечер поздний ниоткуда
Приходят думы и тревога.
И вот, сбегая от порога,
Смотрю я вверх: «Нуда-туда... —
Кричу себе: «Вот там подмога!»
И тут, чудовищно грозна,
К нам приближается гроза.
И сей источник восхищенья
Гремит тебе: «Пора, пора,
Здесь чаша выпита до дна!
Разбей её, в ней напряженье.
Какое будет наслажденье!»
Где нет разумного решенья,
Природа дарит вдохновенье.
Я к молнии стрелой лечу,
Как ангел, крылья расправляю,

Сомненья в ливень превращаю
И в миг прозрения кричу:
«Я обновления хочу!»
А дома свечку зажигаю,
Уют постели ощущаю
И чай с малиной крепкий пью...
И снова, жизнь, тебя люблю!

* * *

Я буду слушать твои повеленья.
Я полечу в мир твоих ожиданий.
В тебе нашла я своё отраженье
И мы не ждём пустых обещаний.
Твоя спонтанность сродни с простотой.
Я принимаю игру обожанья.
Мы наполняем любовь чистотой
И превращаем в искусство желанья.
Зачем ты будишь меня на рассвете?
Нам день предложит опять расстоянье.
Мы так давно не смеялись, как дети,
Отодвигая момент расставанья.

г. Миасс

Людия Осминина

А может, всё мне показалось

Портрет

* * *

Лицо недвижимо, спокойно.
Портрет сей смотрится достойно.
Касаясь взглядом осторожно
Раскосых глаз, крутых бровей,
Мне не отметить невозможно
Черты родства семьи твоей.
Черты те с юности знакомы,
Отмечены в душе моей.
Но для тебя я незнакомка,
И не для нас пел соловей.
Твой вид — защитная броня,
И взор направлен от меня.
И всё же я спешу к портрету,
Ему все тайны расскажу.
Он молчалив, хранит секреты
Мой друг портрет, им дорожу!

Взгляд, устремлённый на меня...
Я растерялась: свет лучистый
Был пронизательным и чистым,
Согрел мне душу без огня.
Таким не знала я тебя.
А может, всё мне показалось?

* * *

Ты не со мною, ну и пусть...
Мне повезло: ты есть на свете!
Но всякий раз наводит грусть
Мне за стеклом промокший ветер.
Ты не со мною, ну и пусть...
А прежде музыка звучала,
И растворялась тихо грусть,
И мир был в красках без печали —
Ты не со мною, ну и пусть!
Мечтала быть поближе, рядом.
Но ни касания, ни взгляда...

г. Пласт

Наталья Паршукова

Глаза

Глаза — это зеркало души. Миндального цвета смотрели на меня глаза. Скажете: «Ну и что. Все смотрят глазами. Ничего особенного в этом нет».

Эти глаза полны отчаянной тоски. Боль в этих глазах. Безысходность. Притягивают эти глаза. Они кричат застывшей в них слезой. Дотронуться до них хочется, нежно пальцами коснуться век — пусть отдохнут. Силой притяжения трепещет всё от этого взгляда, от этих глаз. Глаза принадлежат молодой женщине. Что же случилось с ней? Что? На этот вопрос так и не будет ответа. А хочется, чтобы у кареглазки всё стало замечательно и хорошо!

Чаепитие

Аромат по комнате плывёт от свежезаваренного чая. Кружевной розовой скатертью застелен стол. В невысокой вазе голубого стекла букет ромашек на столе. Вся комната залита светом. Утро. Костик из чашки с вишенками прихлебывает чай вприкуску с пряниками. Благодать. Мне приятно наблюдать за ним. Костик любит чай погорячее. Он складывает губы в трубочку. А когда обжигается, то морщится. И шевелит губами, как будто что-то шепчет. Занятное зрелище. На столе, как всегда, креманка с вишнёвой пастилой. Потом Костик наливает чай в блюдце. И прихлебывает чай с пастилой. Или просто пьет чай, когда заварен с мятой и молотой сушёной вишней в белом фарфоровом чайнике — пузатый такой, с рисунком на боку красных вишен. И такое утро уже на протяжении многих лет.

г. Челябинск

Игорь Полчнов

Я знаю, где на свете рай

Дождь

Город ещё тихо дремлет,
Ночные не кончились сны.
Лишь дождь сейчас он приемлет
С приходом внезапной весны.

С крыши ворвусь я потоком
С отчаянным ветром в окно.
Будто слегка, ненароком
Скользну по щеке, как руно.

В смоль твоих прядей игриво,
Вплету зорьки яркую нить.
Ты отмахнёшься сонливо,
Пытаясь свой сон сохранить.

Вырвавшись вихрем наружу,
Сыграю тебе на трубе.
С грохотом вылившись в лужу,
Оставлю твой запах себе.

Мотая на ось километры

Мотая на ось километры,
Пишу своей жизни пролог.
Пикеты¹, пикеты, пикеты...
Слагаются в песню дорог.

¹ Пикет — точка разметки расстояния на железнодорожных линиях, как правило, с шагом 100 м.

Не время вести разговоры,
Не время о чём-то грустить.
Опоры, опоры, опоры...
Контактная тянется нить.

Перроны, пути, перегоны
Мелькают, в туман уходя.
Вагоны, вагоны, вагоны...
Врезаются в струны дождя.

И сердцем чеканятся гаммы,
В мажорном, минорном ладу,
И пишутся кардиограммы
По стыкам на полном ходу.

Встреча

Лучом прожектор режет ветер,
Срывая чёрную вуаль.
Я знаю: ждешь меня весь вечер —
Упрямо сокращаю даль.

Перрон заснеженный, в испуге
Крик разлетевшихся ворон —
Спешу навстречу вновь к подруге,
Один остался перегон.

Всего один, и будет встреча.
Свершая нежный ритуал,
На стол поставишь тихо свечи,
Поманит запахом сандал.

Слеза из глаз твоих влюблённых
Счастливой каплей упадёт
В бокал от слов произнесенных.
И вот момент тот настает...

Забудутся все дни разлуки.
Любовью выстлана постель.
Под утро стихнут стонов звуки,
Окрасит мир луча пастель.

Протальник март

Ветров февральских стихли гуды.
Разводит солнце свой очаг.
Снегов, когда-то белых, груды
Сползают медленно в овраг.
Мужик в короткой кацавейке
Уже распахнутый идёт.

Ручей блестящей верткой змейкой
С разбега прячется под лёд.
Всё шире на дорогах лужи,
По зимнику отложен старт,
Ослаб мороз и злые стужи,
Вступил в права протальник-март.

Тринадцатое марта

Тринадцатое марта. Минус двадцать...
И что с того? Нам хватит нынче дров
От яблонь, прослуживших лет семнадцать:
Анис, шафран (да и других сортов).
Горит огонь спокойным тёплым светом,
Ты в это время напечёшь блинов,
Камин наполнит дом шафранным летом,
Напомнив нам цветение садов.
Трещат полешки. Плед и скрип качалки,
Розетка с мёдом и пахучий чай.
На подоконнике цветут фиалки —
Теперь я знаю, где на свете рай.

г. Троицк

Ирина Приданникова

Таял красочный мир, умирая

Катастрофа

Вижу озеро бирюзовое
В нежно-кремовых берегах,
Горы синие и лиловые
Утопают там в облаках.

Золотые дорожки мелькают
Так причудливо среди гор,
В нежно-розовой дымке тает
Из сиреневых скал дозор.

Безмятежно всё в зыбком мареве,
Но идиллия не навсегда,
Полыхнуло багровым заревом,
В край чудесный пришла беда.

Фиолетово-ужасно
Стали озеро и песок.
С гор помчался всё сокрушающий
Алой лавы густой поток.

Всё стихия перемешала,
Скалы кляксами разбросав,
Очертания гор поменяла,
В разноцветную глину смяв.

Таял красочный мир, умирая,
Забирала ночь чудеса.
Вот, во мраке чернильном мелькая,
Гаснет алая полоса.

Потрясённая странным сюжетом:
Целый мир в облаках погигбал,
Из окна наблюдала я это,
А ведь просто закат догорал.

Колдунья

В дремучем лесу, у опушки,
В старой маленькой тёмной избушке
Как-то бабушка зелье варила
Да чудные слова говорила.

При свете луны колдовала:
Корешочки в кастрюльку бросала,
Травку пряную в зелье крошила,
Ту, что с осени впрок засушила.

Ожиданьем себя томила,
Ароматные свечи палила.
Вот под уханье сов с волненьем
Угостила себя чудо-зельем.

Юной девушкой обернулась,
Потянулась, упруго прогнулась.
Побежала, в ручье искупалась.
И кружилась она, и смеялась.

Раз в году она зелье варит,
Себе молодость новую дарит.
Возвращается юность на сутки,
Дорожит она каждой минуткой.

Первый луч прикоснулся к порогу,
Собралась, и скорее в дорогу.
До ближайшей деревни неблизко
Но домчалась, однако, быстро.

Милый друг к ней вышел навстречу,
Ждёт их сказочный день, потом вечер.
Присмотрелась — он всё такой же.
Лишь седых волос стало больше.

Увела его в лес, как обычно,
В мир, где ей хорошо и привычно.
Далеко от деревни, от дома,
Но ему все тропинки знакомы.

Весь день он любил её нежно
На цветочных полянах безбрежных
На закате она попрощалась,
Легконогой косулей умчалась.

При луне вернулась в избушку,
Лишь коснулась кудрями подушки,

В сладкий сон уплыла безмятежная,
Длинноногая, тонкая, нежная.

А утром проснулась старушка,
Прядь седая лежит на подушке,
Вновь лицо бороздят морщины,
Вновь для радости нет причины.

Краски стёрты, звуки глухие,
Раздражают суставы больные,
Годы тяжестью пали на плечи,
А до юности новой далече.

Без труда обернуться может
Любым зверем и птицей тоже.
Но от старости ей не укрыться —
Будет дряхлым тот зверь или птица.

Чтобы юности вновь дожидаться,
Нужно год, целый год продержаться!
В её возрасте это так сложно,
Доживёт она, сможет? Возможно.

г. Миасс

Людия Приказчиков

Малахитовая шкатулка

Польша... Висла... Война... Но в окопе
С увлечением читает майор
О старателе-рудокопе,
Про Хозяйку Уральских гор.
Жил когда-то в родном Златоусте,
Чья эмблема — крылатый конь.
Сталь варил, а девчонке Усте
Он дарил рябинок огонь.
Скоро бой, но нельзя оторваться:
Очень хочется дочитать,
Как Бушуев сумел доискаться,
В чём булата секрет? Но опять
Раздались залпы сотни орудий.
Книга убрана в старый планшет.
Всё исчезло в дыму: танки, люди...
Встал над Вислой кровавый рассвет.
Бой был долгий и очень жестокий:
Нужно было плацдарм удерживать.

За Россию, Урал далёкий
Шли на смерть, шли врага побеждать!
Тишина наступила внезапно,
Оглушила своей немотой.
Не подняться, не встать в строй обратно
Тем, кто путь здесь закончил земной...
С удивлённым лицом, как споткнулся,
Возле танка уралец лежал.
А планшет сам собой расстегнулся.
И когда друг-земляк подбежал.
Кровь, листы... Сердце ёкнуло гулко...
Политрук книгу ту подобрал.
«Малахитовая шкатулка»,
П. Бажов», — он на ней прочитал.
...Талисманом родного края
Был всегда самоцвет малахит.
Память дней тех в душе сберегая,
Ветеран книгу сказов хранит.

г. Миасс

Моль

Начальник шахты Пряслов Алексей Егорович уговорил себя не то чтобы в Бога не верить, а просто на всякий случай отодвинул его от себя подальше, подальше от греха. А вот веру в коммунизм пододвинул настолько близко и плотно к себе, будто гвоздём прибил. И чем он лучше вобьёт слово гвоздём в коммунизм, тем лучше живёт.

Алексей Егорович в мальчишестве прошел всего три класса церковно-приходской школы, а когда, подросши, стал активистом, комсомольцем, то напористым нытьём и катаньем взял ВИК (высшие инженерные курсы). В математике, будь ты в доску расшибленная, буксовал. Иксы и игреки никак в голове его не укладывались, все куда-то разбегались. А вот прибавлять и отнимать — это он, ещё когда без штанов бегал, усвоил. Его пышная розовая головка не для иксов, а для земных благ, для сытости и блаженства. С молоком матери ему в голову засело, что не он создан для жизни, а жизнь для него, и её он должен крепко в руках держать. И тогда она же, жизнь-приданница, его же и возвеличит. А тут как раз и большевики затеяли коммунизмом народ обворожить, да так серьёзно и проворно, что не только у молодёжи, но и у старцев головы повернуло. И Пряслов смекнул, что случай сам подкатился, и игрища эти стал взаправду обыгрывать, чтоб не промахнуться, не прогагарить счастье. Ведь эти ребятки сами к его ножкам райскую аллею выстилают. И, вступивши на аллею изобилия, Пряслов не может её обхватить ни руками, ни мыслью. Перед родственниками и знакомыми Пряслов бил себя в грудь и изрекал: «Я сталинец». А после смерти Сталина бил себя в грудь и говорил: «Я ленинец». А уж как гордился он перед всеми, что прочитал всего Сталина и половину Ленина. Хоть и ничего не понимал, но люди, это написавшие, были для него особыми людьми, владеющие тайной могучего прорицания и предвидения. На всех собраниях Алексей Егорович горячо поддерживал большевиков. Без запинки изливал на слушающих поток слов, что их ждёт светлое счастье. А когда, вошедши в раж, чихал, ему кричали: «Правильно!» — и хлопали в ладоши. И прясловщина расстилалась по всей округе. Всем было хорошо, все радовались обещанному.

И стал Пряслов Алексей Егорович теперь идейным и важным.

Линию партии Пряслов вёл как полагается, был заядлым материалистом и хорошо знал, что материя — первична, а духовность — вторична. Но практичному Алексею Егоровичу мир духовности был далёк, его не поцелуешь и не обнимешь. А вот материя ему ближе и милей, её пощупать можно. И щупал он хорошеньких женщин, тревожил их мир, чтобы они своими прекрасными фигурками раскрашивали его чувства. Любил до безумия красоту.

С уверенным духом Пряслов умиленно ходил к своей любовнице за сладостью, не быть же ему ослом. У всех руководителей есть свои любовницы. И ему обязательно надо этим украшением обзавестись. Иначе кресло под ним зашатается. А так он крепким живчиком будет торчать в этом круге и не будут глядеть на него как на чужака и с упрёком сверлить свирепыми красными глазами. Бояться не будут, обнимут, в круг поставят и доверием облакают. И вот он теперь верно ходит и чётко блюдёт неписанные законы обряда. Блуд — это его пропуск, без которого не попасть в чёртов круг, не пустят. Пропуск этот никем не выдаётся. Пропуск этот — это образ жизни, образ мышления, образ поступков. А без суммы таких навыков ты простака, и дорога тебе в этот избранный круг с меткой чёрта закрыта.

Для удобства мужа любовницы Долгорукова Алексей Егорович посадил в тюрьму, чтобы не портил обряд любодейния совершать в комфорте.

Долгоруков был его помощником по производству. Вместе продавали уголь налево. Но по договорённости Долгоруков взял всё на себя в надежде, что Пряслов вытащит его из заключения. Мужу вначале дал понять, что уголёк можно и налево сбывать. Тот как это дело крепко освоил, Пряслов тут же под него статью и подвёл: «Расхищение советской народной собственности». И на этом он крепко утвердился в своей должности как зоркий блюститель социалистической идеи и законности. И убил сразу двух зайцев. Укрепился во власти и устранил помеху в блюде. Да и завидовал он своему помощнику Долгорукову, уж больно красавица у него жена. А теперь вот оно, всё свершилось то ли по его мановению, то ли по логике тропы, по которой он идёт, одному мраку только известно. И вот он идёт к ней. Идёт в пальто из добротного чёрного сукна с воротником из чёрного каракуля, в чёрной каракулевой папахе, теплых добротных меховых кожаных перчатках, в тёплых белых фетровых бурках. Идёт Пряслов, а ему встречные старушки завидуют.

— Какой культурный человек! Какая нравственность! И как он идёт это, воспитанно и морально устойчиво!

Любовница была насколько красива, настолько же и дура. Пряслов спал с ней в кровати, в которой она была амазонкой и управляла конём до полного его бессилия. И в этой упряжке Алексей Егорович был покорным. Любовница для Пряслова была отдушиной от производственной рутины, от семейного удушья и истощающей праздности. Его всегда тянуло на реальную радость. Он мог с ней откровенничать и говорить обо всём, выкладывать накопившийся груз плохих мыслей и выплёскивать негодующие эмоции, да и оставлять у неё всю свою чёрную энергию. С женой он этого не мог, она его не слушала, не хотела и не понимала. А любовница была к нему мила, принимала его всякого. Она делала вид, что его слушает, понимает, и сочувствует, и во всём ему угождает, в чём он так нуждается. И только здесь он погружается в состояние уютной уравновешенности и душевной организованности.

И любовница нуждалась в нём и пользовалась его покровительством. Она работала продавцом в продуктовом магазине и своё воровство преподносила Пряслову как недостачу, чтобы он поспособствовал это дело загладить. И Алексей Егорович охотно на это отзывался, ему было лестно хлопотать за бедный люд, хоть и ушлый этот народец, но что делать, ведь свой. И по указанию Алексея Егоровича списывали всё воровство на усушку, на утруску, и всякие мелкие недостатки оформляли всякими производственными нуждами. Покрывали все грехи производственной необходимостью. Пряслову нравилось быть добрым дядей, этим он наводил комфорт и в своей душе.

Любовница была коварна и за пазухой на социализм всё-таки камень держала. «Удобное дело социализм. Начальничек посадил моего мужа, теперь по своему же тротуарчику ко мне же любовничком и похаживает. А как удобно воровать, одно удовольствие. Страна народная — воруй да воруй сколько влезет. Даже дурак и ленивый, и тот этим промыслом орудует. От всего этого народ только нахочется, и опять вперёд. Так вот и живём: воруем и смеёмся; и главное — конца и краю этому нет. Вон она страна — большая, бескрайняя. А народ, он чё, он сносливый, всё стерпит, всё сдюжит, утрётся, и ладно». Тайно, но крепко сидели в её голове эти мысли. Да и у многих в голове эти мысли приют находят. Шахта была главным объектом расхищения в посёлке. Подозрительный скучно — суровый простолюдин воровал от злости, чтобы солёно отомстить начальникам, мучивших его. Спасаясь от нищеты, он воровал всё, что попадёт, кончая рабочей спецовкой и резиновыми сапогами, в которых ходил и зимой, и летом и в которых умирал.

Разворовывалось всё, от болта и до винтика, никто не хотел жить на голом энтузиазме. Пускай идейный дурак живёт нищим, а мы хотим жить нормально в нашем социализме. И воровство стало главным бичом, разворовали и идею большевизма сами же большевики. Зло было наяву, скальпа жаждала агрессивная толпа со всякого, кто был не похож на неё.

И вот идёт Алексей Егорович после ублажений любовницы довольный, в приятном расположении духа и, чтобы попутно, заодно глаз оживить и разнообразием обновиться, заворачивает в клуб. «Ну-ка зайду гляну, как там у меня культура работает. Что там творят сукины дети». А сукины дети, пацаны, обтирая клубные углы, шкойдой тешутся, шпануют да скалятся в проказах.

Не выдержав от увиденной наглости мальцов, Пряслов стал этим неоперившимся юнцом нравоучением совесть будить. Как надо по-коммунистически жить, как надо правильно, честно себя вести.

— Почему болтаетесь без дела?! Как вам не стыдно время зря убивать! Стены бездельем подпирать! Уроки не учите, ничего не читаете, ничего не хотите знать! А ну марш по домам!

И наполнившись достоинством, удовлетворившись высказанным, отправился домой. Алексей Егорович стоял на взглядах обязательных: «Детей надо обязательно сечь во имя их же счастья, и крепким словом и твёрдо закатывать сучью мерзость». Только вот своим детям он желал другого: дети его должны быть в небесах и ангелочками парить над всеми. Алексей Егорович Пряслов был настолько горячо сторонником своих убеждений, насколько же заложником всех чёрных и светлых поползновений, что даже и не понять, где сам Алексей Егорович, а где наносное, чужое. Главное — ему лестно, что он повелитель, что он всё может, что он всемогущ.

Пацанва над ушедшим Прясловым только ещё громче смеётся и, хохоча, бранится: а у самого-то сынки дундуки дундуками, не башки у них, а пустые котелки, двух слов связать не могут. И на Алексея Егоровича свалилась карикатура, появились на всех клубных дверях, и на других учреждениях и заведениях нарисованные мелом комичные круглые рожицы с подписью: «Пряслов».

Прежде чем выступить на собрании, Алексей Егорович тренировался дома. Репетировал, как он будет говорить и о чём говорить. Избрав жертву, на кого он будет обрушиваться, ругать. «Мы же вышли из водяных предков. А кто там царствует — акула! Вот и царствуй,

Алексей Егорович. Хорошая жизнь этому народу только во вред. Они до хорошего не доросли. Им нужен только кнут и пряник. Этим сукиных выкормышей нужно плетью стегать, чтобы рысцой бегали да послушны были. И перед всеми создастся вид, что вот он какой радивый и прозорливый начальник». Прорепетировав перед сном, он, полон удовольствия, уснул.

В памяти Пряслова был очень наглядный урок — это урок живодёрни. Как-то он в детстве увязался за старшими мальчишками и учителем по весне в поход в лес. Бегая по ложбине, мальчишки поймали суслика. Учитель взял у детей суслика, достал из кармана перочинный нож и на глазах учеников стал кромсать живое существо. Хладнокровно он резал ножом и ковырялся ещё в теплом теле, извлекая окровавленные части организма. Доставал и показывал изумлённым детским глазам, демонстрируя свою безжалостность и силу, спокойно, садистски объяснял, как называются и для чего нужны эти органы. И этот жестокий урок остался в памяти у Пряслова на всю жизнь: «Не ты, так тебя будут потрошить».

Насколько искренне Пряслов верил, что жизнь надо менять, настолько же не понимал, как это можно сделать. «Сделать свободу, равенство и братство, сделать-то сделать. А как это рукотворно сотворить? Вот овощ весной посеешь — осенью возьмёшь. Почти как идею коммунизма. Что посеешь, то и пожнёшь. Тут, пожалуй, всё ясно. А вот как быть со свободой, равенством и братством. Эта же штука не растёт, а значит, и урожая нет». И эту штуку он за всю свою жизнь не видел и так и не смог увидеть. Так как не было её в реальной жизни. И махнул он на это своей пухлой рукой.

Утром, встав, ободрившись туалетом, позавтракав, Пряслов вышел неспеша за калитку, где ждал его извозчик Прохор. Прохор его, как полагается, поприветствовал. Пряслов на приветствие кивнул головой и грузно погрузился в бричку. Извозчик натянул вожжи, и лошадь тронулась.

Пока Прохор ожидал, сидя в бричке, Пряслова, когда тот позавтракает, ему в голову лезли всякие мысли.

«Россию нахлобучили коммунизмом, и народ задыхается. А кто пробует выкарабкаться — голову рубят. Вот и киснет он в этом колпаке в тупости да в дурости. Большевики — вожди-и-и! Да какие они вожди и учителя, из грязи да в князи. Чему они могут научить, только брехне. Наплодили чинушей, а они вшой народ подъедают. Да и Россию мало кто учил — только мутили что смутьяны, что вожди да всякие попы-хриstopродавцы и душу народу так попортили, что она в издыхании исходит. Неужто России ходить вечно в пасынках, в незрелости да вне рассудка. Коммунисты состязаются, кто ловчей сумасбродную идею красочней обрисует. И все пыжатыся враль в правду оформить. И так её врисовали в жизнь, что и сами теперь не знают, как из этого сумасбродства выбраться. И эта бесовщина-шельма лживая ими теперь крутит и управляет. О настоящем жизнеустройстве и людях никто и не помышляет, все бредят призраком будущего, спятили все несбыточной целью. И в этой вакханалии Россия балагурит. Как можно серьёзное дело строить, коль Россия всегда заполонена водкой и шутовством. Светлые мысли грязью испохабили. Размножились ловкачи-подлизунчики и томят здравое в чахлости. Бедолаги эти, волчки, не понимают жизни, они толкутся в угаре баловства и желаний. Много развелось лживых патриотов, которые разъедают дух народа. Счас вон как стало. Грехи считают за нормальную жизнь. Всё перевернули вверх дном».

Извозчик много за свою жизнь настрадался, всякого хлебнул и усвоил, что откровенным быть нельзя. Простофили да простаки всегда в этой жизни биты. И Прохор вывел себе правило: говори одно, а думай другое.

Алексей Егорович быстрой езды не поощрял, обожал ехать плавно и спокойно. Поэтому для него была выбрана лошадка умная, степенная, чтобы резвостью не беспокоила начальника, не огорчала рывками и не нервировала скоком. И лошадка привыкла к важному шагу, по-видимому, понимала, что везёт важную персону. Прохор первым разговор не начинал, держал субординацию. Если начальник соизволит говорить, тогда он его, конечно, и подхватит, и говорит не невпопад, а улавливает тон и поддерживает доброжелательность и обязательно, как само собой разумеющееся вставит, что партия — дальновидный и мудрый орган. Для страховки. Пряслов, конечно же, солидно подтвердит:

— Да!

А про себя Прохор думает: «А ведь ты, Пряслов, моль въедливая, щипач паскудный, вагончики-то угля умыкнул в институт, чтоб твои оболтусы-детушки там без натуги преуспевали и гладенько по курсам шли. Да и потом в тёплые места встроились и валунами на жизни лежали. И какие они будут специалисты: вялые, только жизнь будут мучить. Но пристроятся неплохо. Царапать да подсасывать будут народную силушку да снимать густенькие пенки».

— Ты за что, Прохор, срок отбывал? — пошёл в разговор Алексей Егорович.

— А всё за женщин.

— Что, бабником был?

— Да как вам сказать, Алексей Егорыч.

— Да так и говори.

— Так будешь, пожалуй, бабником поневоле. Мужиков-то всех на фронт позабирали, а меня оставили маяться, командовать имя. Мастером я был у них на железной дороге. А бригады были, сам понимаешь, из одних баб. А баба, она и есть баба, чё с неё возьмёшь. Вот авария тут как тут и случилась. Меняла бригада рельсу, закрепить её не успели, как вывернул поезд — ну и под откос ушёл. Меня тут цап-царап и взяли да и упекли за вредительство. Вот так оно.

— То я смотрю: ты хмурый.

— Будешь, пожал, смурный за то, что я насмотрелся. Всякого брата повидал и наслушался. Сидел и вращался со всякими: и с высокими начальниками, и с разной шпаной да шантрапой. А так-то я раньше, в молодости, весёлый был. Ну, правда, баловался, попивал. Как поеду, бывало, в город регистрировать рождённых ребятишек и как до этой бесовки сорокоградусной доберусь, так тут же добрый такой делаюсь, лоб путаницей разбухает, и всех сразу сыновей в Сашки записываю, а дочерей в Машки. А когда я добрый, у меня память куда-то и выворачивается из башки, и, как жена наречь детей велела, всё птицей выпархивает.

На каждого-то рябетёночка не наездишься в город в регистрацию, вот и копили до кучи, чтоб сразу махом всех в книгу и вписать. Из-за этого у нас с женой разлад шёл. Она называет дома детей по-своему, а я по-своему, по записанной регистрации, и весь дом шарается в неразберихе, весь на ушах, торчком стоит. Дети не знают, на что откликаться, молчат иль прячутся. А вот в зоне я от этой беспутницы водочки совсем отучился и теперь на трезву голову и мысля ползёт, ну просто прорвой прёт, и глаза стали много обхватывать.

— У тебя много детей?

— Много. Все уже в основном к жизни своей пристроены, но вот только один при мне ещё толкётся.

Доставленный лошадкой на шахту Пряслов молодецкато зашёл в свой кабинет. Взбодрённый, он позвонил начальнику участка Белопупову.

— Ну-ка, пошли-ка ко мне Мирохина.

Заходит в кабинет оробевший рабочий Мирохин и замер у дверей, руки его повисли плетью по швам. Только пугливые его глаза бегают в вопросе: «За что?»

— Здас-стуй, Ляк-ксея Ег-горыч, — вымолвил с запинаящемся языком он.

— Здравствуй, здравствуй! Да ты проходи!

Почувствовав дружественный тон, Мирохин сделал несколько шагов к столу.

— Ну как дела?

— Да ничё, Ляксей Егорыч, живём помаленьку.

— Выпить хочешь?

— Ну дак это, Ляксей Егорыч, как скажете. Так мне ж только на работу.

— Ну дак ясно — на работу. Не счас же. После работы. Ты же отличный шахтёр. Как вылезешь с шахты, помоешься, тогда и выпьешь.

— Тогда, Ляксей Егорыч, конечно, можно будет и выпить с благодарностью, как следует.

— Ну вот видишь, как хорошо. Так вот я тебе в этом и помогу. Ты хороший человек и после работы тебе и не грех расслабиться. Только вначале пойдёшь в кассу, там у кассирши распишешься на получение пятисот рублей в ведомости взаимопомощи. Как получишь у неё деньги — на бутылку себе возьмёшь, а остальные мне принесёшь. Хорошо?

Вначале Мирохин смутился, не понимая, но потом, собравшись, улыбнулся и угодливо кивнул головой.

— Хорошо, Ляксей Егорыч.

— Ну, давай по рукам и иди работай.

Мирохин, молчаливый, забитый мужик, и Пряслов знает, что он не развяжет язык, будет держать его за зубами. И таких, с языком за зубами, он использует сполна и многое число. И это число тоже довольно, бесплатная бутылка не помеха, она и горло от угольной пыли промывает и душу взвеселит.

От этого события Мирохин обомлел и стал счастливым, он стал теплиться радостью и переполнился гордостью, что его вызвал в свой кабинет сам Пряслов и так просто с ним разговаривал. Он был доволен, что видал, как большой начальник с ним обходится, вот так просто с ним общался, не обошёл, нашёл время уделить его, Мирохина, вниманием. Значит, стало быть, думает о нём да и заботится. Эт здорово!

А Пряслов думает: «Таких, как Мирохин, дураков-простаков много. Они дают нам кислороду, чтобы искуснее играть с ними в их коммунизм. В этом игровом ореоле нужно им подпевать, и правда им замерцаёт. На их наивности нам расширится озаряющий горизонт уверенной власти».

И счастливый Пряслов в хорошем настроении от провернутой сделки вспомнил, что сегодня он должен по запланированному плану ругать, и он отправился на собрание.

Раскомандировка гомонила, набитая рабочими. Шло собрание. Взяв слово, Алексей Егорович по заученному сценарию стал громко, до покраснения, войдя в раж и размахивая кулаком, разносить бригаду Столярова.

— Ну как же так, ну не годится так, товарищ Столяров. Плохо работаешь ты и вся твоя бригада. Мало добычи даёте. Ну это ни в какие рамки уже не лезет. Где ваши обязательства. Ну что же это такое. Наяву факт разгильдяйства и безответственности. Это же безобразие полнейшее.

— Плохая кровля, — стал, с места приподнявшись, пояснять Столяров. — Песчаник. Много сил и времени уходит на крепёж.

— А плохому танцору всегда яйца мешают, — махнул рукой на бригадира Пряслов. — Не хотите работать, вот и пеняете на кровлю. Можно сколько угодно найти причин, лишь бы не работать. Знаю я всё это, все ваши сказки.

Рабочие зашумели, и в этом галдёже ничего не разобрать. Ведущий собрание стал стучать по графину.

— А ну уймись, чево разгалделись.

Пряслов ворчал под нос председательствующему: «Вот с кем мне работать приходится. С варварами!»

Алексей Егорович был убеждён, что пустобрёхом и враньём защитишься и легко на лаврах почивать будешь, да и наверняка дорогу наверх себе пробьёшь.

Телефонный аппарат для Пряслова был волшебным устройством, этим механизмом он умилял и сотрясал слушателей на другом конце провода. Эта маленькая чёрненькая оказия была для него возбудителем, он смотрел на эту штучку завораживающе, и боялся, и любил. Боялся, когда ему звонил высокий чин, он трепетал, терялся его голос, и как человек Пряслов исчезал. А если звонила подчинённая мелкота, то тогда в нём поднимался громовой голос, и пренебрежительным тоном он уничтожал звонившего. А радовался, когда звонил в магазин завмагу, чтобы ему припасли и уважили дефицитным продуктом и товаром. С подчинёнными Пряслов был не то чтобы суров, но поблажки старался не допускать.

— Значит так, любезные соратники. Вы мне не подсовывайте читать липовые отчёты, у меня галиматьи и так читать хватает. Лучше, товарищи, отчитывайтесь голоском, на слух для всех. Если выдержите эту порку, то выживете. Не выдержите — зачахнете. Таков закон природы, товарищи.

Пряслов понимал: чем меньше бумаги, тем больше неуязвим он. Благодаря своей пугливости, он и держался поплавающим в людоедской трясине.

В сознание Мирохина как вложили, что самые великие на свете — это Ленин и Сталин, и для него больше великих не существует. Эти вожди против богатых, они только за бедных, значит, и за него, Мирохина. И что советский строй — это самый лучший, самый справедливый и совершенный. И Мирохин рад, что он родился и живёт в такой прекрасной стране, переполненной счастьем. И что у него есть мечта купить легковую машину, чтобы любить её и ухаживать за ней.

Спустившись в шахту, оскорблённая Прясловым бригада стала отмывать позор рекордом, что в их руках может гореть работа. Стиснув зубы, мужики бросили силы на высокую добычу. И увлечённые азартом большого угля, они не обращали внимание на усиленное крепление кровли лавы. Авось выдюжит. Но не выдюжила кровля и, рухнув, погребла собою бригаду. Четверых насмерть, восьмерых переломала, только троим удалось избежать её страшной мощи, откупиться испугом.

В момент обвала член бригады Топоркин находился в вентиляционном штреке, это его и спасло. При откапывании заваленных ему пришлось вытаскивать из завала почерневших от удушья мертвецов. Этому уверенному и сильному мужику сделалось дурно. Топоркин не мог смириться, что его друзей, с которыми он выпивал, шутил и балагурил, делил тяжёлую шахтёрскую долю, уже нет. С теми, которыми он шумно радовался бригадным успехам и весело проводил праздники и переживал неудачи и невзгоды, лежат неподвижными, беззвучными. А несколько часов назад они громко говорили и смеялись. Глядя на мёртвых, он не может понять и поверить, почему произошло такое. Свершилась такая страшная несправедливость. По чьей воле произошла кара? В его сознании разлом. Какая сила уготовила расправу и почему распорядилась, кому жить, а кому умереть? Как это можно понять и осмыслить?

От случившегося Топоркин несколько дней ходил в бреду и, не вытерпев, вломился в кабинет к Пряслову.

— Ты сидишь здесь, а ребята в земле лежат, падла!

И он схватил стул. Но Пряслов, уже хлопнув дверью, выбежал из кабинета на улицу. Стул, стукнувшись о дверь, упал, развалившись от силы удара. Разъярённый Топоркин выбежал вслед за Прясловым и устремился за ним. Они стали бегать вокруг здания комбината. Пряслов кричал: «Вызовите милицию!» А Топоркин кричал, гоняясь за Прясловым: «Падла, падла! Ух, падла! Стой шкура!»

Вскоре приехала милиция. Поймав Топоркина, они повязали его и, затолкнув в машину, увезли. Так в буйном помутнении Топоркин оказался в психиатрии.

Пряслов подспудно улавливал, что он и его окружение ничего не могут поделать с упрямым временем. Идти против него и идти с ним в ногу не получается. Это им неподвластно, и не обуздать им вредно, вихрастое время. И не вытянуть проблемную Россию на задуманные рубежи, она нахрапом не берётся. Лучше смириться и плыть по течению, куда вынесет, да попутно скоблить её, соскребая для себя пенки, эта есть у него возможность: хоть как-то сохраниться, выжить в этом мутном водовороте.

Пряслов был по-своему психологом по жизни. «Что народ в России доверчивый, только делай серьёзный убедительный вид, и ты добьёшься успеха. Будешь в глазах людей выглядеть правдивым и честным, с чистой совестью». Он боялся физических страданий. «Лучше страдания выражать на лице, и ты проскочишь жизнь в стране-сумятице в колеснице святого мученика за идею».

В преклонности в размышлениях Пряслов стал вызывать свою душу на чистую воду. «Я не верю в Бога, не верю в коммунизм, надеясь на что-то. А что это такое — что-то? Ничто! Всё пусто! В вере в Богаходимцы, в вере коммунизма тожеходимцы. Остаётся одна материя. Но это мертвое тело. Деньги, золото — это холодный песок. А время — это страх. Страх ожидания смерти, ожидания ничего. Я надеялся вырасти в мысли, а пришёл к пустоте и боюсь яркого света».

г. Копейск

Татьяна Рыжкова

Скамейка

Август щедро обдавал теплом, но солнце уже не обжигало, как недавно в июле. Бабушка и её десятилетняя внучка не спеша шли по аллее парка, густо усаженной с обеих сторон вытянутыми вверх берёзами и разросшимися между ними кустами сирени. Внучка, с удовольствием вслушиваясь в доносящиеся издали весёлые ребячьи голоса и предвкушая скорое катание на каруселях, незаметно для себя ускоряла шаги. «Мороженое, кому мороженое», — раздалось совсем близко за кустами. Бабушка присела на скамейку, вынула кошелек:

— Сбегай, внученька, за мороженым. Мне, если есть, фруктовое.

Внучка мигом метнулась напрямки на соседнюю аллею и вскоре вернулась с двумя брикетами в руках:

— Только такое было — пломбир, но зато с изюмчиком!

Бабушка сняла обёртку.

— Зачем ты её сразу всю содрала?

— А как надо?

— Понемногу открывать, чтобы не окапаться.

— Ну да, ну да. Не сообразила. Теперь уж не наденешь. На-ка выбрось в урну.

Бабушка откусила маленький кусочек, с удовольствием прижмурила глаза и заоправдывалась:

— Это я по старой привычке.

Внучка, уже успевшая вымазать язык и губы в сладкой белизне, с интересом смотрела на бабушку.

— В наше время мороженое не так продавалось. Берёт продавец пустой вафельный стаканчик, из большо-о-ого ведра накладывает мороженое и на весы, чтоб, значит, точно отвесить. И никакой тебе бумаги — бери и ешь. — И словно лицом просветлела: — Я так вот на скамеечке этой и ждала свой стаканчик...

— Как на этой?

— Прямо на этой, внученька. Они, скамейки-то эти, навечно ногами своими в бетон закованы. Видишь, боковины и спинки у них чугунные, старинные, а доски — их меняют, конечно, со временем.

Внучка с интересом взгляделась в чугунное литье. Оно не казалось тяжёлым и было с лёгкими выточенными временем щербинками, но красивым до сих пор.

— А с кем ты тут сидела и кто тебе сюда мороженое приносил?

— Не догадываешься? Дед твой и приносил. Эта скамейка, вторая от края, наша с ним была.

Здесь мы и поджидали друг друга по воскресеньям. Кто первым прибежит, тот и дожидается другого. И берёзки эти на молодёжном субботнике мы сами сажали. Помнится, их целую машину из леса привезли, тоненьких, с тебя ростом, а вон какие вымахали — солнышко заслоняют.

— Вы что, только по воскресеньям с дедом встречались?

— Так после войны работали много, допоздна, не до встреч частых и было.

Шло время. В парке открывали памятник погибшим в Афганистане воинам-интернационалистам. Девочка, уже подросток, была на открытии вместе с мамой. Они просто не могли там не быть: её отец офицер, не вернулся оттуда...

Когда отгремели речи и фанфары, они направились было к выходу, но вдруг мать повернула к крайней аллее:

— Давай ещё чуточку погуляем. Денёк-то выдался на диво! — И грустно улыбнулась: — Я тебе что-то покажу.

Они вошли в аллею, посаженную берёзами и сиренью, и девочка, обогнав мать, с разбегу опустилась на вторую скамейку:

— Эта твоя?

Мать удивлённо смотрела на дочь:

— Откуда?..

— Бабуля мне о ней давно уж рассказала!

— И о нас с папой?

Девочка отрицательно качнула головой. В горле так же, как прежде у памятника, колюче заворчался комок...

Прошло ещё несколько лет. Девочка превратилась в прелестную юную особу. Она оканчивала школу, и впереди у неё маячило то страшное, что без дрожи и произносить не получалось, — выпускные экзамены. А весна удивлённо и радостно смотрела отовсюду цветочными глазами и пахла свежестью, молодостью и жизнью! А ещё — мечтами.

Девочка мечтала о медицинском. Она обязательно станет военврачом и будет спасать военных, ведь если бы тогда, в далёком и страшном Афгане, папе вовремя оказали медицинскую помощь, он, возможно, и выжил бы...

Теперь она часто приходила в парк, чтобы на свежем воздухе готовиться к экзаменам, пробиралась на маленькую полянку, обнаруженную ею случайно в зарослях сирени, расстилала прихваченный из дома бабушкин самодельный коврик и жадно вслушивалась и всматривалась в ароматно-будоражащее пространство вокруг. О чём думалось в эти минуты, она позднее не смогла бы отчётливо вспомнить: ей просто было безмятежно, тихо-волнующе и хорошо здесь. Учебник литературы чаще всего так и оставался неоткрытым...

Однажды, направляясь домой по крайней аллее, она увидела на их скамейке... его, Игоря из параллельного класса, спокойного парня с такой необыкновенной глубокой синевой во взгляде, от которой она почему-то каждый раз в смущении опускала глаза и старалась поскорее улизнуть.

— Привет! — Он поприветствовал её первым.

— Здравствуй, Игорь. — Она остановилась около него. — Ты что тут делаешь?

— Наверное, то же, что и ты, — заметив в руках девушки учебники, усмехнулся он, — пробую готовиться, да только ничего не выходит. Почему-то.

Они посмотрели друг на друга и расхохотались как два заговорщика, отлично понимающих, о чём идёт речь.

— У вас первым устным экзаменом поставлена...

— Литература.

— А у нас — химия. А я в ней — как...

— Это ж так легко и интересно!

— Сказанула! Вот физика или геометрия — это да! А по химии... я чувствую, что на химичу. А она мне и не нужна вовсе: я ж в военное собрался, в танковое.

Сердечко девушки мгновенно скакнуло куда-то к самому подбородку.

— Мой папа оканчивал это училище. — И вдруг твёрдо добавила: — Приходи завтра к десяти и подготовь вопросы, в которых «плаваешь», я тебе помогу разобраться.

— Спасибо, конечно, но как-то неожиданно, как будто я напросился.

— Нормально! Приходи!

Испугавшись, что он может отказаться, она сорвалась с места и на ходу ещё раз крикнула:

— Приходи!

— Так куда приходиться-то?

— На эту вот скамейку и приходи!

Голос из прошлого (рассказ)

Глава I

В небольшом зале городской библиотеки города Н-ска ни шатко ни валко начиналась презентация новых книг стихов трёх заезжих, областного масштаба поэтов, присланных в «народ» писательской организацией в качестве окультуривание масс: 40-летнего седеющего журналиста, успешно пописывающего статейки в областную газету и поднаторевшего в складывании вирш Виктора Трошина и двух молоденьких девушек — студенток филфака, только-только пробующих себя в поэзии, но уже имеющих нешуточные амбиции, бесстрашно пробивая путь на Парнас на родительские средства, материализованные в виде малюсеньких книжек-брошюр с младенческими текстами. Справа от них на приставном столике, словно извиняясь за скромность таланта, невысокими пирамидками топорщились их творения, ещё не истерзанные человеческими руками, с отливающим на солнце гляncем мягких обложек, пахнувшие типографской краской.

Зная, что послан руководством «тяжёлой артиллерией» для поддержания юных дарований, исходящих сейчас мелким мандражом (будто перед открытием большого занавеса в самом Большом театре) и потому изо всех сил старающихся напустить на себя солидности и возраста, Виктор Геннадьевич шепнул на ушко вертящейся около них заведующей библиотекой, чтобы она объявила девочек первыми, а уж он выдаст всё, что нужно, в завершении. После чего, откинувшись на спинку стула, он спокойно стал осматривать прибывающую публику — весьма однородную по далеко не юному возрасту и, судя по видавшим виды пиджакам, галстукам и тяжёлым брошам на тщательно отутюженных блузках, именующуюся местной интеллигенцией.

Но вот, совсем неинтеллигентно щебеча, в зал впорхнула весёлая стайка молодых девушек, по виду учащихся, и под удивлённые взгляды первых рядов быстро опустилась на свободные стулья у дверей и прилежно замерла. Можно было начинать.

Краснея и путаясь, юные филологини рассказывали о нелёгком «творческом пути», подражая мэтрам, «с чувством» читали свои стихи, им одобрительно хлопали, подбадривали добрыми понимающими улыбками.

Объявили Виктора Геннадьевича. Он легко поднялся с места и, снисходительно глядя на студенток, произнёс: «У нас, как говорится, молодым, конечно же, дорога, но старикам — почёт!» И, по тому, как отреагировал зал на его каламбур, понял, что завладел его вниманием.

Он заговорил заученно приподнятым тоном, каким по его наблюдениям и нужно было говорить с подобной публикой, не утомляя, кратко и с юмором обрисовал свою биографию, а затем, мастерски управляя голосом: то твёрдокаменно гремя, то понижая его почти до шёпота и делая многозначительные паузы — перешёл к чтению стихов из нового сборника.

Примерно через полчаса, когда он окончательно вошёл в раж, краем глаза зацепил, что в последних рядах началось легкое брожение. Зав. библиотекой нервно вскидывалась каждый раз, когда в зале начинало что-то приглушённо звучать и двигаться, и осторожно, чтоб не заметили гости, осуждающе покачивала головой, но на неё никто не обращал внимания. «Пора закруглятся, перекормили своими “шедеврами”, — сработало в голове у Виктора Геннадьевича, — лимит восторгов у публики иссяк». Театрально склонив в поклоне голову и поблагодарив за долготерпение, он предложил всем «очарованным их творчеством» получить в подарок книги с автографами авторов.

И вдруг оттуда, с задних рядов, легко перекрывая поднимающийся шумок, зазвенел и повис над головами вопрос: «А вы сами откуда? Сибиряк?» Он уже долетел куда надо, этот вопрос, но воздух по-прежнему продолжал чисто звенеть, точно натянутая тетива лука от только что выпущенной на волю стрелы. От неожиданности Виктор Геннадьевич вздрогнул, быстро развернулся, стараясь угадать, кто задал вопрос. Голос. Этот необычно и высоко

звонящий голос. Где он слышал его? Когда? У кого? Он не помнил. Но не было сомнения в том, что он его хорошо знает, он его уже слышал, слышал, слышал! И в унисон этим звонящим вибрациям вдруг неожиданно и часто застучало в груди. Нет, он должен вспомнить этот голос. Кому он принадлежал?! Да чёрт возьми, почему принадлежал — он принадлежит! Как мог спокойнее Виктор Геннадьевич произнёс:

— Видимо, девушки невнимательно слушали или подошли позже экскурсии в моё прошлое, поэтому я охотно повторю: я не местный, но всё равно ваш земляк, потому как родился в Сибири, а сибиряки — все земляки, не правда ли?

В ответ ему улыбалась вся «галёрка», и он так и не сумел угадать, кто задал вопрос. И тогда, испугавшись, что голос, его голос, может легко выпорхнуть за дверь и раствориться подобно мимолётному видению, он широким жестом пригласил девушек к столу за книгами.

И выделил её сразу, по первому порывистому движению, с каким она начала свой полёт к столу, а когда вновь заговорила-зазвенела, извиняясь за свой глупый вопрос, почувствовал, как больно холодеет где-то в затылке и немой судорогой сводит враз высохший язык, челюсти, губы... На него, смущённо улыбаясь, смотрела Ульяна, Уленька... Не может быть! Что за чертовщина! Не могла же она остаться такой молодой, ведь всего на пару лет его моложе...

К нему бойко подсунулась конопатая толстушка:

— Виктор Геннадьевич, я староста группы. Мы все учимся в местном культпросветучилище и, представляете, тоже на библиотекаря. Так вот, не могли бы вы организовать подобное выступление прямо у нас в училище? Для всех наших? — И, хитро скосив глаза на сторону, дипломатично добавила: — В порядке шефской помощи.

Виктор Геннадьевич плохо понимал, о чём его просят: он смотрел на Ульяну или на ту, что поразительно, до умопомрачения, походила на неё. Его опередили шустрые филологини, восхищённо залепетавшие, что конечно, непременно, как студенты студентам — шефскую помощь... просто обязаны...

— А бывших студентов в свою команду принимаете? — он повернулся к юным дарованиям. — Или сами с усами?

Его куда-то несло, несло повелительно, мощно, он осознавал это ясно, как и то, что легко поддаётся этому наваждению и чувствовал, что не может и не хочет сопротивляться.

Студентки были в восторге: как всё неожиданно удачно складывается, и даже этот седой сноб оказался не таким уж и снобом, а вполне симпатичным дядечкой, настоящим собратом по перу.

Виктор Геннадьевич смотрел на Ульяну:

— Тогда до следующего воскресенья у вас в училище.

Щеки девушки слегка порозовели. Она в замешательстве молчала. А ему нужно было, совершенно необходимо было вот сейчас ещё раз услышать её голос.

— Так до воскресенья?

— До воскресенья.

До областного центра три часа с гаком на автобусе. Виктор Геннадьевич удовлетворённо подумал о том, как хорошо, что не за рулём своего «жигулёнка», а ведь ещё вчера чертыхался и злился из-за его поломки — можно не отвлекаться на дорогу. Устроившись у окна, он тотчас прикрыл глаза, давая понять спутницам, что дорожных разговоров не будет, и мгновенно опрокинулся в то далёкое далеко, где он, вчерашний выпускник школы, отправился с дядей-геологом в самую настоящую экспедицию.

У Виктора тогда образовался временной вакуум: позади окончание школы, осенью — призыв в армию. Это было железной традицией, раз и навсегда заданной схемой в их семье: после десятилетки — армия, а после институт. Так было у деда, дольше других задержавшегося в армии, отца, трёх его братьев, теперь у него, Виктора. Дядя Сеня — так звали дядю-геолога, вечного бродягу и холостяка — выделял крепыша Витьку из других племянников, с удовольствием возился с ним в короткие дни отпусков. Когда тот попросил, сам отвёл его в спортивную школу на самбо и с пристрастием следил за успехами племянника. Собравшись в очередную экспедицию на поиск каолина в район реки Барзас, он предложил Виктору, не знавшему, чем занять себя до осени, пойти с ним в качестве простого рабочего. Предложение было безоговорочно принято, и через пару дней, не переставая улыбаться всем без разбора, он с четырьмя маститыми геологами ждал на автовокзале в Кемерово автобус в сторону Березовского прииска.

Две недели партия пробиралась по бездорожью вверх по течению извилистого, в крутых берегах, Барзаса, задерживаясь в местах выхода горных пород. Здесь разбивали лагерь на несколько дней, копали, брали образцы. В один из таких дней и случилась с Виктором беда: правая нога поехала вниз на крутом уступе и провалилась в узкую расщелину.

Вызволённая, она сильно ныла, а на утро превратилась в обездвиженное бревно. На наскоро сооружённом плотике вдвоём с дядей они направились вниз, туда, где в Барзас впадала маленькая таёжная речка со странным названием Дедушкина, на заимку лесника, хорошего знакомого дяди, к тому же неплохо разбирающегося в знахарском деле.

Захар Петрович, так звали лесника, осмотрев ногу, возражать не стал:

— Оставляйте, чего уж там. Поправим молодца. К вашему возвращению как новый будет.

Проводив дядю, он не медля принялся колдовать над ногой, густо смазал её какой-то невыносимо вонючей тягучей мазью, обмотал сначала лопухом, потом бинтами, а поверх обернул осиновой корой, превратив её и по цвету и по размеру в слоновью. Витька заметно скис. Кто ж думал, что так вот закончится его путешествие по тайге. Понимая настроение парня, Захар Петрович решил его ободрить:

— Не горюй! Будет тебе компания: на днях внучку привезут. Бедовая она у меня! С ней не заскучаешь.

Настроение Витьки опустилась до нуля. Даже не пытаясь скрыть своего отношения к этой новости, он буркнул:

— Ага, только девчонки мне и не хватает.

— Да она у меня знаешь какая, — слегка обиделся за внучку Захар Петрович, — любому парню сто очков вперёд даст!

Витька не слышал, как ещё до света лесник отправился на станцию встречать внучку. Он безмятежно нежился в постели (нога наконец-то перестала ныть), когда во дворе послышалось громкое: «Тпру-уу! Приехали». И в следующее мгновение оттуда понеслись пронзительные, чистые вибрации такой высоты, что он, ошарашено, сдёрнул с себя одеяло и прилип к окну. Захар Петрович распрягал лошадь, а вокруг телеги, в лёгком цветистом сарафанчике кружилось тоненькое гибкое создание с венком на вытянутых руках. Оно словно танцевало с венком. Да нет, точно танцевало и смеялось задорно, звонко, невыносимо звонко, приговаривая: «Вот мы и дома, дома!» Этот звон быстро наполнял собой поляну, поднимался к верхушкам сосен вокруг заимки и легко проникал сквозь стекло к изумлённому парню.

Он едва успел натянуть одежду, как звон влетел на порог дома и озорно завибрировал совсем близко:

— Не прячься, вылазь! Я про тебя уже всё знаю, горе-геолог.

Обогнув печь, существо остановилось напротив окончательно смущённого парня:

— Я Ульяна, а лучше Улья.

В голове у парня почему-то неожиданно мелькнуло: «Так быстрые ручейки поют, сбегая с крутого берега в Барзас».

— Виктор.

— Ты не переживай! Дед тебя мигом на ноги поставит, — Улья засмеялась, зазвенела, — вернее, на ногу. Он в прошлом году охотника, помятого медведем, вылечил, а врачи отказывались.

И стремительно полетела навстречу входящему Захару Петровичу:

— Вот он у меня какой, мой дедулька!

— Ты, егоза, угомонись-ка чуть-чуть. А то вихрем навалилась на мужика. Ему к твоему звоночку ещё попривыкнуть надо. Иди-ка за шишками: самовар ставить пора.

— Во дворе, дедуль?

— Ну а где ж ещё? Лето, чай.

Захар Петрович проводил выбегавшую внучку тем особым взглядом, в котором без труда угадывалась беспредельное ею обожание:

— Одна она у меня с матерью её, моей дочкой, значит, остались на всём белом свете.

Бабка наша в позапрошлом годе от нас ушла, а отец её давно уж, Улья ещё маленькой была, сгинул в старательской артели. Всё за длинным рублём гонялся, вот и лежит теперь незнамо где.

Виктор молчал. Резкая перемена его существования на заимке так ошеломило его, что он не знал, как на это реагировать. Понятным становилось пока лишь одно: тихой, размеренной жизни больше не будет. И вдруг в мозгу радостно мелькнуло: «И скучной»

Чай пили с привезёнными Ульякой гостинцами — плюшками, пирогами и диким мёдом, добытым Захаром Петровичем у диких таёжных пчёл. Улья, едва дотрагиваясь до еды, подкладывала и подкладывала на тарелки мужчин, рассказывая, как они с матерью два вечера выпекали эту вкусноту.

— А ещё мама наказывала, чтобы я за тобой следила, каждый день тебя, дедуль, свежим супчиком кормила и чтобы ты за своими перемётами на лодке плавал, а не лез в воду ногами.

Хитровато прищуриваясь, дед слушал внучку, согласно кивал и похваливал дочкины пироги:

— Дай-ка мне ещё кусочек во-он тот. Уважаю с сушёными грибами.

Через пару дней пребывания Ульки на заимке Виктору казалось, что он был знаком с ней всегда, всю свою жизнь, словно они жили в одном дворе по соседству. Эта девчонка обладала таким невероятным магнетизмом, что он легко сносил все её насмешки, беспрекордно садился чистить картошку или рыбу и всё время удивлённо и радостно вслушивался в её необыкновенный звонкий голос.

— Это она в свою бабушку Глашу звонкая такая. Та, бывало, как заговорит, так на другом конце деревни отдаётся. А уж ежели запоёт вечером на сходках, так никого из девчат уж и не слышать было, — внёс ясность Захар Петрович. — Вот, продолжение её на земле в Ульке теперь. А мне-то в радость, вроде как саму Глафиру и слышу...

Однажды, после вечернего чая, они засиделись во дворе вдвоём. Было тепло, душно, тихо, и лишь ночные мотыльки, бесстрашно кружившие над пламенем костерка, производили слабое движение жизни. Вдалеке гулко ухнул филин, и опять всё стихло, охваченное зыбкой ночной мглой.

— Ты стихи любишь? — Улька пытливо смотрела на парня. — Есть у тебя любимый поэт?

Захваченный врасплох, Виктор удивлённо смотрел на девушку, а потом дурашливо выдал:

— Урок литературы начинается?! Я, между прочем, школу уже окончил, если что.

— Я серьёзно.

— Ну, не знаю. Так, Маяковский более-менее производил впечатление.

— Чем же?

— Стихи у него отличаются от других: взрывные, резкие — сильные, в общем. Да и писал их не как все, вроде лесенки какой-то.

— Но у него есть и другие стихи. — Улька подняла лицо к небу:

Послушайте!
Ведь, если звёзды зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — кто-то хочет, чтобы они были?
Значит — кто-то называет эти плевочки
жемчужиной?
Значит — это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!

— Ну как?

— Совсем на него не похоже.

— Это не поздний Маяковский.

— О чём он, о звёздах?

Улька молчала.

— Или, может быть, о ком? — неуверенно предположил Виктор.

Девушка с любопытством пристально смотрела на парня:

— Может, о поэтах, о их космической миссии. Они ведь как звёзды среди нас, обычных людей. Вот послушай, как он понимает предназначение себя как поэта, помнишь?

Светить всегда,
Светить везде,
до дней последних донца,
светить — и никаких гвоздей!

Виктор подхватил:

— Вот лозунг мой —
И солнца!

Девушка улыбнулась:

— Помнишь — молодец!

— Так это ж в школе проходили! Все знают!

Виктор с нескрываемым почтением смотрел на Ульяну:

— А ты-то откуда всё знаешь, ведь Маяковского проходят в десятом классе?

— У меня мама библиотекарь. Я, можно сказать, между библиотечными стеллажами росла, читать ещё до школы научилась и читала всё подряд. Не могу без книг.

Она говорила не спеша, и её звоночек словно отдыхал, неторопливо перекачиваясь, словно вода на речных перекатах. И вся она была сейчас другая, непривычно тихая, сосредоточенная, не по возрасту знающая. Виктор откровенно любовался ей, и ему было необыкновенно хорошо сейчас на этой окружённой лесом заимке, у догорающего костра, с этой удивительной девчонкой.

— А у тебя какой поэт любимый? Не сомневаюсь, что есть такой!

— Его зовут Федерико Гарсиа Лорка. Слышал о таком? Это испанский поэт, родившейся в Гранаде, той самой, которую позднее воспоёт наш поэт Михаил Светлов. Его схватили франкисты и расстреляли прямо на обочине дороги, но остались его стихи. Удивительные!

Она опять смотрела в небо, а голос звучал упруго и взволнованно:

Есть горы — под небосводом
они завидуют водам,
и как отражение неба
придумали звёзды снега.
И есть иные горы,
но та же у них тоска,
и горы в тоске по крыльям
придумали облака.

Она взмахнула руками, развела их в стороны, словно собираясь взлететь и, смутившись, быстро опустила, тихо спросила:

— Как?

Виктор молчал, не понимая, чем больше покорён: стихами ли или этой неожиданно и необычно раскрывшейся перед ним девочкой, совсем не походившей на его недавних одноклассниц.

С этого вечера былая лёгкость в их общении исчезла. Они так же непринуждённо балагурили в присутствии Захара Петровича, но оставаясь наедине, почему-то сразу начинали чувствовать неловкость, перекидываясь словами лишь по необходимости. О стихах больше не говорили. Да и Ульяна загоралась и громко звенела теперь только в присутствии деда. Между тем нога заметно подживала, и Виктор ковылял теперь с одной тугой повязкой, опираясь на сухой сосновый сук.

Как-то раз Захар Петрович собрался вытаскивать из воды перемёты, поставленные им с вечера, они увязались за ним. Улька запрыгнула к деду в лодку и, ловко загребая веслом, направила её к небольшой заводе, отгороженной от стржня намытым молом. Виктор остался дожидаться на берегу, с любопытством наблюдая за происходящим на реке. Когда перемёты были доставлены к берегу, Захар Петрович распорядился:

— Вы рыбку тут и выпотрошите, а я тем временем вон на ту сопочку сбегая, проверю, не шалят ли браконьеры: куница там водится, вот они силки и ставят, уродуя зверька.

Рыбы попалось немного, поэтому управилась с ней быстро. И опять навалилась непонятная, волнующая обоих неловкость. Сидели рядом и молча наблюдали за струящейся мимо рекой.

— Я купаться пойду, — вдруг заявила Улька и, быстро сдёрнув с себя сарафан, кинулась в воду.

Виктор, забыв о ноге, вскочил за ней, но остановился, услышав звонкое, повелительное:

— Тебе нельзя! — И её улыбка — лучистая, белозубая, смущённо-манящая...

— Ничего! Вот в следующий раз приеду и тогда утащу тебя за ноги на дно, не радуйся!

— А ты приедешь? — Она вскарабкалась на берег и теперь стояла, вся охваченная солнцем, в искрящихся капельках воды и оттого казавшаяся полупрозрачной. — Правда?

Виктор смотрел на её остро выпирающие ключицы, хрупкий овал плеч, на стыдливо топорщившуюся ткань над тугими бугорками, и ему невыносимо сильно захотелось дотронуться до неё. До такой вот — всей в мокрых каплях. Дотронуться руками, губами.

Они шагнули оба, он ощутил её прохладное тело, а затем мгновенный пронизывающий жар от прикосновения к её пахнущим рекой губам. Это было чудо, потрясение. Он целовал её робко, неумело, а она была подрагивающей натянутой струной с крепко сжатыми глазами, и только губы — мягкие, пугливо-податливые — раз за разом устремлялись к его губам. Так они и стояли — открытые солнцу, ветру, струящейся внизу воде, познавая разницу

между мужским и женским и соединяясь этой тайной: вселенской, древней, изначальной, всесильной, которая будет с ними теперь навсегда.

А через день за Виктором приехали. Дядя сумел сообщить родным про его несчастье, и дед прикатил за внуком на своей старенькой «Победе». Захар Петрович отсоветовал ехать по тайге в ночь, потому решили отправляться рано утром.

В их последний вечер опять горел во дворе костёр, они молча сидели подле и не очень понимали, как теперь вообще можно расставаться.

— Ты любил кого-нибудь? — тихо спросила Улька.

— Не знаю. В седьмом классе очень нравилась одна девчонка. Спать по ночам не мог, мучился, записки писал, в кино приглашал, а потом как-то всё само собой прошло.

— А сейчас? — Она смотрела в сторону, в темноту.

— Сейчас не так. Всё не так. — он взял её руку в свою и, не зная, что дальше говорить, неожиданно для себя спросил:

— А ты как бы хотела, чтобы тебя любили?

— Так, как у Лорки. Там ведь всё — любовь, — продолжая смотреть куда-то за деревья, чуть слышно ответила Улька.

— Я напишу тебе, говори адрес. Как приеду, так сразу и напишу.

— Запомнишь?

— Даже не сомневайся. И вот ещё что, не провожай меня завтра.

Улька удивлённо посмотрела на парня.

— Мы рано выедем. Но дело, конечно, не в этом. Хочу тебя вот такой запомнить: освещённую костром, а не грустную.

— Говоришь так, как навсегда прощаешься.

Виктор крепче сжал руку девушки:

— Не дождёшься! Ты мне своего Лорку ещё не всего прочитала.

Утром, как он и просил, она не вышла во двор, а провожала его через окно...

А потом пошло всё не так. Виктор Геннадьевич, поёрзал на автобусном сиденье, словно хотел отодвинуть от себя те воспоминания. Дед, его ещё крепкий дед, который приезжал за ним на заимку, вдруг оказался в больнице с обширным инфарктом, и врачи не смогли ему помочь. Через две с небольшим недели у могилы деда кладбищенские рабочие обнаружили бездыханной бабушку, каждый день бывавшую тут. Эти страшные дни Виктор и сейчас не мог вспоминать без жгучего разлива в груди и почему-то вновь и вновь возникающим чувством вины перед любимыми стариками. А вскоре объявили призыв в армию. Покалеченная нога по ночам ещё давала о себе знать, но Виктор, отменяя уговоры родителей отстрочить уход на полгода, решил не сообщать о травме в военкомате: выносить тяжёлую домашнюю обстановку становилось всё труднее.

И закружила, понесла его армейская жизнь так, что и предполагать не мог. Как спортсмена и самбиста его отправили под Рязань в учебку с дальнейшим прохождением службы в особых частях. К тому времени уже год, как наши войска стояли в Афганистане, и особые войска вполне могли оказаться тем самым ограниченным контингентом интернациональных войск, что впоследствии и оказалось страшной действительностью. А пока — ранний подъём, марш-броски с полной амуницией, занятия на спортплощадке, политзанятия и опять марш-броски в ночь или перед рассветом. Нагрузки в родной спортшколе теперь казались Виктору детскими забавами.

Домой писал редко: и оттого, что уставал, и оттого, что не хотел жаловаться на жизнь. И Ульке не писал тоже. Не хотел, не мог врать про хорошую и лёгкую солдатскую жизнь. Он дал себе слово, что напишет ей сразу, как выйдет из учебки и распределится в одну из частей.

И вот настал день выпуска. Они стоят на плацу ровными коробочками по отделениям и ждут, ох как ждут, что сейчас скажет ещё моложавый, но уже густо убелённый сединой, полковник, начальник учебки, побывавший в горячих точках. Последний месяц ходили слухи, что их прямым ходом в Афган, но командиры уклонялись от прямых вопросов, обрывая на полуслове. Полковник медлит, на его груди ярко поблёскивает звезда Героя Советского Союза, наконец произносит:

— Для прохождения дальнейшей службы ваш выпуск направляется в интернациональный ограниченный контингент войск в Афганистане. Если кто-то отказывается — выйдите из строя. Вас не будут спрашивать о причине отказа, просто отправят служить в войска на территории страны.

Из их взвода не вышел ни один. А потом быстрая переброска на самолётах в Узбекистан, оттуда в страшную и одновременно манящую своей непохожестью страну, где, как им объяснили на политзанятиях, всё не так: от религии и уклада жизни до идеологии и представлениях о смерти.

Афганистан оглушил, ослепил, заставил в считанные дни превратиться из юнца в мужчину, воина, которому, чтобы остаться в живых, нужно убивать себе подобных, пусть и говорящих на другом языке и живущих по другим законам. И среди этой испепеляющей жары, опасных горных троп, грязно-жёлтых скал и сливающихся с ними таких же грязно-жёлтых пыльных кишлаков, среди этой чудовищной жестокости, вероломства и непонятного чужого фанатизма, крови и смерти он вдруг начал писать стихи. Не о погибших товарищах и их героизме, а о голубом небе, бескрайней тайге, и это не было лишь ностальгией по мирной жизни. Это было что-то иное, что он и сам не мог себе объяснить, а только чувствовал; это как тёплый летний дождь, под который хочется подставить ладони, как свежий весенний ветерок, дурманящий черёмуховым ароматом, как бесшумное порхание бабочки с цветка на цветок в поле, и само это поле: зелёное, с россыпью красноватой каши и стайками белых ромашек, или...

Пару его стихов поместили в полковой стенгазете, но как-то при случае замполит посоветовал:

— Ты, Трошин, про своих боевых товарищей бы написал, а про цветочки потом, в мирное время допишешь.

Но у него почему-то про подвиги не выходило ничего путного. А вот ребята из их отделения в часы затишья грубовато, словно делая ему одолжение, просили:

— Витёк, почитай давай, что там ещё насочинял.

В такие минуты он и вспоминал Ульку. Но случилось невероятное — он забыл её адрес, вернее, половину адреса: название улицы и номер дома вылетели из памяти напрочь, даже приблизительно не помнил. И клял себя за то, что не назвал ей тогда, при расставании, свой домашний адрес.

А потом произошло то, что случается на войне ежедневно во множестве раз, только теперь это произошло с ним. Их отделение бросили отбивать подбитый духами наш вертолет. Он только хотел перебежать за следующий камень, как перед ним возник чёрно-огненный столб и мощная горячая волна швырнул его на землю. Больше он ничего не помнил и не ощущал. Очнулся уже в госпитале от нестерпимой, разрывающей боли в животе и груди. Над ним склонилось женское лицо:

— Потерпи, потерпи. В самолёт уже грузят, сейчас и тебя понесут.

И опять немая чёрная пустота.

Сознание возвращалось медленно. Сначала он ощутил лицом свет, потом ноющую непонятно где боль, различил далёкие голоса, попытался открыть глаза, повёл головой и застонал от мгновенно пронзившего всё тело обжигающего жара.

— Ну вот и хорошо. С возвращением! — услышал совсем близко и невероятным усилием приподнял веки.

Перед ним стоял пожилой мужчина в белом халате:

— Давай, парень, карабкайся наверх. Больно, говоришь? Так с того света тебя доставали, ещё б не болело.

В ташкентском госпитале он провёл девять месяцев, перенес несколько операций, и в результате был подчистую комиссован из армии. Здесь, в госпитале и произошла судьбоносная для него встреча с военным журналистом. Тот заинтересовался, что это Виктор записывает в блокнот, и, узнав, что это стихи, решительно протянул руку. Почитав, спросил, писал ли Виктор прозу, а, услышав отрицательный ответ, посоветовал:

— Попробуй. Про тех ребят, что там остались.

И у Виктора неожиданно получилось. Прочитав его наброски, журналист твёрдо заявил:

— Тебе, парень, прямая дорога на журфак. Иди без сомнения. Прошедших Афган без конкурса принимают.

Понимая, что геологом ему уже не стать, Виктор как-то очень легко принял подсказку и вскоре оказался на студенческой скамье факультета журналистики.

И почти сразу рядом оказалась Абелия Блюм — Бэлка. Экстравагантная, одетая по последней моде маслиноокая и медноволосая юная красотка и спортивный воин-интернационалист смотрелись в паре очень эффектно.

Им об этом говорили не раз, и он перестал прислушиваться к тому смутному тайному чувству, что иногда, слабо тревожа, взбрыкивало внутри.

Глава 2

Плавнo покачиваясь на ровном асфальте, автобус подкатил к автовокзалу. Новосибирск встречал вечерними огнями. Не обращая внимания на нахлынувших таксистов, Виктор Ген-

надьевич не спеша направился к трамвайной остановке, медленно, с неохотой возвращая себя в шумную городскую реальность.

Дверь открыл сын и, предвидя отцов вопрос, скороговоркой отрапортовал:

— Ужин на столе, я уже поел, мама придёт поздно. У неё там какой-то просмотр.

Бэлка работала на местном телевидении редактором телепрограмм и часто задерживалась на работе допоздна. Сегодня это было очень кстати.

Виктор Геннадьевич отужинал в одиночестве, заглянул в комнату к сыну, четырнадцатилетнему крепышу, сильно нашибавшему лицом на мать, дежурно спросил:

— Как прошёл день?

— Всё тип-топ!

Потоптавшись около сына и чувствуя, что мешает, Виктор Геннадьевич вышел, включил телевизор, машинально пощёлкал с канала на канал...

Чего он вообще-то так поддался этим воспоминаниям юности? Жизнь, кажется, задалась: семья, интересная работа, уважение коллег и собратьев по перу, достаток, наконец. Всё это у него имелось и устраивало. И всё же...

Он слышал, как открылась и мягко захлопнулась входная дверь, как с размаху плюхнулась на обычное место на столике Бэлкина сумочка. Зажёгся свет.

— Ты чего в темноте сидишь?

— Да так, задремал, наверное. Ужинать будешь?

— Нет, поздно уже, и устала. Только чашечку чая.

Это был завуалированный приказ ему, Виктору. Он поднялся, прошёл на кухню, поставил на газ чайник. Вскоре, переодетая в атласный халатик, вошла Бэлка, примостилась на краешек стола:

— Устала — сил нет. — Приняла чашку с зелёным чаем, сделала несколько маленьких глотков. — Всё, спать. Поставь, пожалуйста, будильник на полшестого: в семь планёрка и утверждение материала.

Она первой выпорхнула из кухни, он последовал за ней, на ходу чуть обидно подумав, что не поинтересовалась, как он съездил. И тут же заступился за неё: «Да и зачем это ей? Своих проблем невпроворот. Он ведь тоже прилично устал. Спать!»

Привычно ткнувшись в него чуть пониже плеча, Бэлка ровно задышала. Прикрыв глаза, Виктор лежал не двигаясь, боясь спугнуть сон жены. Было приятно, тепло, уютно и привычно комфортно в спальне под карельскую берёзу. Вдруг неожиданно подумалось, что даже в тяжёлые смутные годы, они не испытывали нужды. Удивился — с чего бы об этом? Но странное чувство, будто он перед кем-то виноват и теперь оправдывался, зажило в нём, неприятно щекоча в груди. Да, надо признать, что Бэлкины родители — Аким Гуранович, востребованный местной элитой портной — и Анна Вениаминовна — стоматолог-протезист — были в городе людьми небезызвестными, уважаемыми и делали всё, чтобы молодая семья дочери ни в чём не нуждалась материально. Но в отношениях с Бэлкой ему порой доставало перчика. Как-то уж очень быстро их жизнь, особенно после рождения Эдика, плавно, без выяснения отношений потекла по иной колее — спокойной, размеренной, без взрывов, потрясений и предъявления друг другу претензий — ровной. Став матерью, жена слегка округлилась, потеряв трепетную, так волновавшую его девичью лёгкость, но это её ничуть не испортило, наоборот придало соблазнительной женской манкости. Ему завидовали, и это нравилось, но быллой безудержной, как после свадьбы, страсти к жене не вызывало. Завидовал ли он себе? Он никогда прежде не задавался таким вопросом. Наверное, для этого не было поводов. Он снисходительно посмеивался над чрезмерно откровенными душевными переживаниями коллег, про себя называя их хлюпиками. То ли дело у него — всё крепко, стабильно, сыто, ухоженно и предусмотрено. Одним словом, прилично или, как любила выражаться тёща, — пристойно.

Правда, дядя Семён, приезжая в гости, не раз говаривал:

— Барином ты стал, Витька!

И непонятно было: то ли он в силу лёгкости характера шутит, то ли осуждает. После Виктор ещё долго вспоминал слова дяди, каждый раз испытывая внутреннюю неловкость. Сегодня происходило что-то подобное. Кто-то невидимый, тревожа и не отпуская, будто заставлял с пристрастием взглянуть в собственную жизнь. Виктор Геннадьевич осторожно отодвинулся от жены, выскользнул из постели, бесшумно вышел. На кухне плеснул в чашку из ещё не остывшего чайника. Улька, Улька... Он не решился напрямую спросить о ней и сейчас корил себя за этот приступ малодушия. Пребывать в неведении целую неделю казалось теперь невыносимым. Он отчётливо сознавал, что выбит из седла.

Может, не ехать, и всё пойдёт как обычно — дом, работа... Словно отмахиваясь от секундного слабодушия, он неловко вскочил со стула, и тот с грохотом опрокинулся. Ругнувшись, Виктор Геннадьевич быстро поднял стул, прислушался. В квартире по-прежнему

стояла тёмная тишина. «Не разбудил», — подумал с облегчением. Меньше всего ему хотелось, чтобы жена или сын вошли сюда сейчас.

Он взял чашку с остывшим чаем, подошёл к окну. Там, за стеклом, освещённый жёлто мерцающими фонарями и синевато-зелёными неоновыми витринами, на ходу спал большой город.

Шуршали колёсами проносящиеся авто, спешили куда-то редкие прохожие; позвенкивая и болтая на стыках вагонами, бежал в депо последний трамвай. Виктор Геннадьевич представил, как через несколько часов на улицы выплеснутся толпы людей, и всё закрутится, завертится, разгонится и понесётся с немыслимой ошалелой скоростью. И в этой круговерти есть и его место, он также будет крутиться-вертеться, кому-то отвечать, с кого-то требовать, куда-то ехать, давиться на ходу горячим кофе... И ему невыносимо, до зубного скрипа, захотелось оказаться на тихой таёжной речушке со странным названием Дедушкина, в совсем ином мире, с другим измерением времени, там, где когда-то была Улька с её удивительным голосом, звонче и чище которого он ничего на свете не слышал.

Неделя растянулась почти на месяц: за заболевшего коллегу его срочно услали в длительную командировку на Северный флот — освещать службу моряков-сибиряков на одной из подводных лодок. По возвращению нужно было обработать и передать материал к печати. Командировка оказалась интересной, привезенный материал одобрен начальствам, но она не смогла переломить желание поехать в Н-ск.

Найти в маленьком городишке культпросветучилище не составило никакого труда, но как найти ту, у которой даже имя было неизвестно, поставило Виктора Геннадьевича в затруднительное положение — не по голосу же искать. Сидя в машине и размышляя, как поступить, он, в выпорхнувшей на крыльцо стайке девушек узнал ту самую толстушку-старосту. Это было везением!

Извинившись, что не смог приехать, как обещал, и назвавшись их должником, чем сразу расположил к себе старосту, он без труда узнал всё, что было нужно. Девушку звали Лиза, она не училась, а работала в библиотеке училища, и сейчас находилась на больничном.

Подъехав по указанному адресу к выдавшему виды старенькому дому с невысокой, выкрашенной в синий цвет оградой палисадника, он увидел во дворе пожилую женщину.

— День добрый, — как можно приветливее поздоровался Виктор Геннадьевич, — могу я увидеть Лизу?

— А ты кто таков будешь? Чую, нездешний будто? — Женщина смотрела на него выцветшими умными глазами. — Зачем она тебе сдалась?

— Журналист я, из области. С Лизой мы уже знакомы. А приехал я к ней по делу, она знает.

— Ну, хорошо, коль так. Звать-величать тебя как?

Виктор Геннадьевич назвался.

— Не свезло тебе, Геннадьич, увезли Лизку к матери. Приболела она чуток, вот мать и увезла её к себе на заимку травками лесными подлечить. Я-то ей тётка по матери буду, Евдокия Васильевна, значит.

— На Дедушкину речку!?

— Туда. Вижу, бывал там?

— Бывал. Правда, давно, в юности ещё. А что же там Ульяна делает?

— И её, стало быть, знаешь? — старушка всё с большим любопытством вглядывалась в лицо незнакомца. — К Ульке, что ль, приехал-то?

— К ней.

— Вона как! Так замужем она. С мужем своим Николаем Фомичём и проживают теперь на заимке взамен помершего в третьем годе отца её Захара Петровича.

— Как замужем? — Он почему-то не мог представить рядом с Ульяной какого-то мужчину.

— Так, как и любая баба. Пришла пора — вот и вышла за хорошего человека. Николай Фомич тоже из семьи лесников. Его отец с Захаром-то Петровичем большими приятелями были, а потом и вовсе породнились детьми. — Поглядев на Виктора Геннадьевича, добавила: — Да ты, милоч, никак расстроился?

Тот и вправду растерялся и не знал, как теперь поступить. Что он, в самом деле, себе навообразил? Не могла же она все эти годы быть одна. Вот и дочь у неё — мог бы сразу сообразить.

— Да ты поезжай к ним, коль в такую даль ехал. Чего ж не повидавшись возвращаться? Поди неспроста ехал? Встретят и приветят, не сомневайся. Николай у неё мужик понятливый, без дури, хорошо живут меж собой. А людям в их глуши завсегда рады. Поезжай.

Виктор Геннадьевич молчал, на чём свет костеря себя. Ну возможно ли было взрослому мужику втянуть себя в такое ребячество?! Что за бредовые идеи застряли в башке,

зачем ему всё это? Припорол за почти полтыщи вёрст тревожить чью-то жизнь, ну не кретин ли?

— Ты вот что, Геннадьич, мой сын к себе на лесопилку собирается. Как раз в ту сторону, так подбрось его, коль уж вам по пути. Он и дорогу тебе укажет, — ничуть не сомневаясь, что он поедет, попросила старушка.

И Виктор Геннадьевич словно с горы сорвался: «Была не была. Лучше позор, чем жить и мучиться безвестностью».

— Зовите сына, едем!

Он удивился тому, что, оказывается, хорошо помнил эту лесную с глубокими колдобинами дорогу. Она и тогда была такой, только теперь лес молодой порослью смелее подступал с обеих сторон, делая её уже. К заимке подъехали, когда начинало смеркаться. Разговорчивый попутчик Миха, оказавшийся на деле двоюродным братом Ульяны, легко переиграл решение к ночи добраться до места:

— Погощу на заимке, а уж с утра — на лесопилку.

Виктор Геннадьевич с облегчением выдохнул: «Вдвоём — не один».

Увидев чужаков, залиvisto понеслась навстречу охотничья лайка, за ней другая. Выйдя из машины, Виктор Геннадьевич нервным охватом увидел всё сразу: во дворе под навесом у летнего очажка копошилась женская фигура, с крыльца дома, легко пружиня ногами, сходил высокий здоровяк с трубкой в руке.

И крыльцо было новым, приподнятым, и навес — его не было тогда, и очажок пере-ложен по-иному.

— Вот, Николай, гостя тебе привёз, — шумел Миха, треся руку хозяина, — Ульянина старого знаконца будто бы. Уль, что стоишь? Иди, встречай!

Она оторвалась от очага, порывисто, как и тогда, шагнула навстречу, перехваченным голосом поздоровалась:

— Здравствуй, Виктор. Каким ветром к нам занесло?

Смешавшись, он не знал, что ответить, лишь смотрел на неё и, наверное, глупо улыбался. Улька! Такая же, как прежде, изящная тростиночка, только с мягким окатом плеч, построжевшим, чуть усталым лицом, стояла рядом и спрашивала:

— Что, постарела? Не узнать совсем.

— Что ты! А ты меня сразу узнала?

Она уже справилась с собой и теперь глядела прямо, светло:

— От машины. Сразу и узнала. — И обернулась к мужу: — Это Виктор Трошин, знакомец мой и дедов. Здесь на заимке и познакомились двадцать годков назад из-за несчастья с ним. Дед ему покалеченную ногу выхаживал, а я тогда как раз гостила у него.

— Милости просим в дом, — пригласил хозяин, и Виктор подивился мягкости, с какой этот здоровяк произносил слова. — Как раз к ужину поспели.

Миха, сославшись на ранний подъём, первым поднялся из-за стола, за ним отправился и Николай:

— Тоже не буду вам мешать. Вечер воспоминаний без меня у вас интереснее выйдет. — И мягко попросил: — Мне бы что-нибудь подстелить да накинуть на себя, на сеновал пойду, на воздух.

— Может, и мы на воздух? — быстро предложил Виктор. — Вспоминать так уж как тогда, с костерком!

Николай одобрительно хохотнул:

— А давайте! Улька это дело с молодости обожает. Да, жена?

Ульяна дёрнула плечами, невпопад ответила:

— На сеновале всё есть. Иди уж, зубоскал, спокойной ночи.

— А вам — приятной! Только смотрите, не целоваться чтоб!

И не дожидаясь предсказуемой реакции жены, быстро полез на поветь.

Вроде бы всё было как тогда: на свет костра слетались ночные мотыльки, вокруг поляны стражами высились столетние сосны и так же гулко и жутковато ухал вдали филин, но всё это было только похоже.

— Расскажи о себе, — тихо и виновато попросил Виктор, — как жила?

Она перебила:

— Как ты нашёл меня? Зачем?

— Случайно. — и вдруг вспомнил: — А дочь твоя, Лиза, она же здесь должна быть?

— Отпросилась к подружке в соседний посёлок. Чуть полегчало — и удрала. — И, догадываясь о чём-то, удивлённо посмотрела на Виктора:

— Это не о тебе — странном дядьке, что приезжал к ним на творческую встречу, она рассказывала?

— Может быть. А что она тебе рассказывала?

— Только тот стихи свои читал, — Улькин голос завибрировал на удивлённых полтонах, — ты что, стихи пишешь?

— Да какие там стихи, — впервые смутился за свои творения Виктор, — так, рифмую помаленьку. Для души.

— Почитай.

— Извини, не сейчас. Не время как-то.

Они замолчали, и это тягостное, напряжённое молчание быстро приближало их к тому, мучившему обоих вопросу, который неизбежно должен был прозвучать.

— Почему ты так внезапно и навсегда исчез тогда?

— Как тебе объяснить в двух словах, Улька? — Он взял её руку в свою, слегка сжал пальцы. — Жизнь оказалась не такой простой, как нам тогда представлялась. Я не предал и не забыл, просто так сложилось.

Он мучительно искал, как рассказать так, чтобы поверила, поняла и не осудила. Для него сейчас было главным — чтобы поняла. И вдруг он заговорил про сон, которым бредил в госпитале, до конца не осознавая, наяву это с ним происходит, или снится. Он рассказал про залитую солнцем поляну с молодыми сосёнками и густой травой, а в траве как чудотворное пушистые, светящиеся ярко-белым солнечные зайчики. И они вдвоём собирали их в корзинку и смеялись. Улькина рука, он отчётливо ощутил это, всё больше напрягалась, потом она тихо спросила:

— Почему ты оказался в госпитале?

— Я служил в Афганистане, Уля, был тяжело ранен и отправлен в Ташкент, в военный госпиталь.

— И не написал, не сообщил?

— Мне стыдно признаться, но я наполовину забыл твой адрес.

Она высвободила руку:

— Когда это произошло? Госпиталь, сон.

Подумав, он назвал месяц и год.

— Посиди. Я сейчас.

Она поднялась и быстро пошла в дом, потом побежала. Вернулась с ручным фонариком и пухлой тетрадь в твёрдом перелёте.

— Это мой дневник тех лет. Ты уверен, что назвал правильную дату?

Виктор согласно кивнул:

— Такое не забывается.

Что-то отыскивая, Улька торопливо прощуршала страницами и, не глядя на него, начала читать: «Октябрь 1980 г. На дворе уже зима, всюду валит снег, по ночам до минус 10. Скоро первые в этом году школьные каникулы, но к деду не проедешь, дороги в лесу перебиты.

А так хотелось бы, ведь там живут мои воспоминание о Вике. Он уж точно забыл глупую провинциальную простушку, а я вот не могу забыть. Сегодня видела его во сне, удивительном сне. Будто идём мы с ним по просеке, усаженной молодыми сосёнками по очень сочной, зелёной, густой траве, а по ней раскиданы... солнечные зайчики, и они светятся мягким ровным светом. У меня в руке корзина. Я наклонилась и начала собирать их, таких тёплых, пушистых, абсолютно невесомых. Вик стал помогать, и скоро корзина наполнилась ими до краёв и тоже начала светиться. Мы радовались, как дети, что-то кричали, смеялись, и казалось, будто высокое синие-синие небо, яркое солнце, белые облака радуются и смеются вместе с нами».

Виктор ошалело смотрел на неё, потом с силой потряс головой, словно пытаясь что-то стряхнуть:

— Не может быть! Нет, так не бывает! — он взял из её рук дневник, прочёл дату. — Что это, Уля? Выходит, мы одновременно видели один и тот же сон? Но как?

Мгновение она колебалась, потом решила:

— Кажется, я поняла, что это за сон, Виктор, — это твоя победа над невозвращением. Мы собрали с тобой много, целую корзину, солнечной силы, и она влилась в тебя, возвратив к жизни. Так получается. Ты же сам сказал, что ранение было тяжёлым.

— И, выходит, ты мне помогала возвратиться?!

Она быстро склонилась к его плечу, легонько ткнула в него и так же быстро отстранилась:

— В жизни много чудесного. Просто мы редко это замечаем и принимаем.

И начало отпускать, и дышалось уже легко, как тогда...

— Улька, Улька! Как же я рад!

— Чему, Виктор?

— Да всему! — Он повёл рукой. — Вот этим пушистым великанам, пламени этому, тебе, всё такой же лёгкой, задорной.

Они говорили и говорили, рассказывая друг другу, как прожили эти годы, не замечая, что давно погас костёр, как посерела и быстро начала исчезать ночная тьма, а с речки потянуло сырой прохладой.

— Вот и ночка закончилась, — Улька подняла глаза, — смотри, над лесом зорька сейчас запыляется.

Она зябко повела плечами, легко вскочила на ноги, запрокинула вверх лицо:

— Зорька, ну же, выходи скорей! Я жду и хочу показать тебя — молодую, красивую, яркую — этому сидящему мальчику, чтобы понял он, какую ясною зорюшкой был для меня тогда.

И, увидев над верхушками сосен алую полоску, засмеялась-завенела так, что казалось, прогоняя прочь сонную тишину, смеётся и звенит вся округа.

— Улька! Ну какая же ты... хорошая!

Ему захотелось поднять её на руки, кружить и смеяться вместе с ней, и он уже готов был исполнить это сумасшествие, как услышал заспанный, ворчливый голос Николая:

— Чего шумите, полуночники? Весь лес всполошили.

— А это моя вечерняя зорька, — повернувшись на голос, прозвенела Улька. — С нею за горизонт и закачусь! — И закончила одними губами: — Так и живу — между двумя зорьками...

Николай уже спрыгнул с повети и босым шёл к ним по росистой траве, с удовольствием ворчливо приговаривая:

— Коза! Как была козой, так и осталась. Звонком своим всех птах распугала.

И словно в подтверждение его слов, с сосны сорвалась и с криком понеслась прочь какая-то большая птица.

Все трое невольно рассмеялись.

— Мне пора, — неожиданно проговорил Виктор и, опережая Ульку, склонился к её руке:

— Благодарю за эту ночь, этот разговор... очень важный для меня. — Выпрямился, взглянул в глаза: — Словно тяжёлый камень с души снял...

Она потерянно улыбнулась:

— Может, чаю на дорожку?

— Да вы приезжайте к нам с женой, детьми, — перехватывая инициативу у жены, приглашал Николай, — рыбалку и грибы гарантирую.

— Конечно, приезжайте, будем рады, — справилась с собой и Улька, — лето пока радует погожими деньками.

И, озорно сощурясь, глянула на Виктора:

— Эдика твоего со своей Лизкой познакомлю.

— Такой же козой, как и сама, — опять, с удовольствием, уточнил Николай.

Внимательно всматриваясь в утреннем полумраке в каждую колдобину, Виктор Геннадьевич осторожно вёл машину по лесной дороге, с наслаждением вдыхая прохладный хвойно-травянный коктейль, а перед глазами всё ещё стояли две фигуры: одна высокая, крепкая, бережно прижимающая к себе другую — маленькую и хрупкую, с поднятой в прощальном приветствии рукой...

Наконец машина выбралась на трассу, и прямо перед собой он увидел большой, яростно пламенеющий шар, быстро поднимающийся в размытую синеву утра.

— Здравствуй, Ярило! Я рад тебе, как никогда! — Он проговорил-пропел это громко, искренне, и засмеялся во весь голос... И неудержный поток мыслей, смешанных с восторгом, закружил, заметался в его радостно возбуждённой голове, вытаскивая из глубин сознания то потаённое, то смутно желаемое, что только теперь стало обретать ясные реальные образы. Он приедет домой, посадит перед собой Бэлку и расскажет ей всё о своей... «командировке». Он не сможет ей не рассказать — умной, всё понимающей его Бэлке — ведь должен же кто-то услышать и почувствовать, что ему сейчас хорошо так, как давно не бывало.

А потом, он возьмёт её, Эдку и привезёт на лесную речку, где они будут ловить рыбу и купаться. И, уловив момент, он схватит Бэлку за ноги, утянет под воду, а потом будет удирать от неё — орущей... И вообще, к чёрту этот юг с его декоративно яркой помпезностью, толпами развалившихся на горячем песке безумцев. Сюда и только сюда, в тайгу, он будет приезжать с семьёй и друзьями, ловить рыбу, собирать грибы, смотреть на огонь костра — такой вечно манящий, согревающий, живой...

Не замечая, он давил и давил на газ, пулей несясь по пустой ещё автостраде, навстречу солнцу и нарождающемуся дню. И как-то по-особенному обрадовано продолжал думать о

том, какая всё-таки удивительная штука эта жизнь, как непредсказуема и хороша она своими нечаянными сюрпризами.

Машин на трассе заметно прибавилось, нужно было следить за дорогой, невольно при- тушивая в голове радостные обороты. Перед городом, взобравшись на разъездное кольцо, он нашёл взглядом темнеющую полоску тайги и прощально, светло подумал о том, как благосклонно обошлась с ним судьба, подарив в самом начале пути тихую лесную речуш- ку, маленькую займку, эту чистую, звонкую девочку с первым безгрешным их поцелуем. И... солнечные зайчики.

«Благодарю тебя, Небо, за осознанный только теперь бесценный подарок, за эту улыбку счастья».

г. Миасс

Ирина Светлова

Как хорошо хотя бы помечтать

Схлынули холода

Стало чуть-чуть теплей —
схлынули холода...
Можно почти спокойно
порассуждать о личном.
Выдохнешь осторожно,
чтобы не сглазить: «Да-а-а!»
Между жизнью и смертью,
видимо, всё вторично!»

Вновь у соседей бунт —
прямо с утра штормит.
Якорь сорвало, к рифам
утлое тащит судно.
Кто-то цинично шутит
что-то про лодку и быт,
Не ожидая, что свой день
он приближает судный.

Всё-таки есть ещё
что-то меж двух стихий:
Свет созиданья — вот что,
это всегда первично!
Схлынули холода —
нам отпустили грехи,
А остальное, друзья мои,
всё-таки всё вторично.

Центральная часть пазла

Я же женщина. Только женщина!..

Полина Санаева

Я только женщина — не больше и не меньше.
Что требовать, за что меня ругать?
Природа так придумала для женщин:
Быть частью пазла, то есть совпадать.
Где надо — узко, широко — где надо,
Есть выемка — где надо, бугорок...
И так должно сложиться, чтобы рядом
Лишь мой мужчина поместиться мог.
И я — не для себя, я — для кого-то,
Из левого или правого ребра.

Картинку складывать — моя работа.
И с каждым днём чуть лучше, чем вчера.
Там будут дети и, надеюсь, внуки.
Болячки, ссадины, зелёнка, валидол.
Косички, бантики... Истерики. Разлуки.
И вечный спор: балет или футбол.
Мне не хватает твёрдости в скелете.
Я не борец и счастья не кузнец.
И не добытчик разных благ на свете.
Я, впрочем, априори не кузнец!
Я лишь всему сораднуюсь и всем довольна —
Мгновеньям жизни, мчащимся звеня.
Что там преподавали дамам в Смольном?
Варить варенье? Это для меня!
Принять и успокоить мыслей вихри,
Чтоб к вечеру устало, но легко
В той выемке, что на твоём плече, затихнуть
В центральной части пазла моего.

Давай поговорим о пустяках

Давай поговорим о пустяках:
О том, что разгулялась непогода,
Что осень растянулась на полгода
И царствует в истерзанных умах.

Давай не будем что-то выяснять
И недоговорённость подытожим.
Из слов несказанных воздушный замок

сложим —

Как хорошо хотя бы помечтать.

Промозглый ветер иссечет до слёз,
Но изменить действительность бессилён.
И взгляда твоего немой вопрос
Загадке смысла жизни равносильно.

Чёрная дыра

Здесь всё не так. Здесь чёрная дыра.
В квартире этой — беспросветный ужас.
Здесь нищета и смерть в обнимку кружат,
На вечность выдавая ордера.

Как будто тяжкий рок иль наказание —
Опять грядёт жильцов чередованье.
И завтра — безнадежней, чем вчера.

На алтаре от пальцев грязный след
И лик Христа недоумённо-строгий.
Здесь потихоньку умирают боги,
В которых веры не было и нет.
Лишь стонут мухи в пыльной паутине,
Бликует солнца луч в пустом графине,
И плещется полночный лунный свет.

Из каждого разбитого угла
В пространство извергаются проклятья,
А стен безмолвных липкое объятье —
Как будто бы прикосновение зла.
Мне видятся уже не люди — тени,
Печальный сонм беспомощных видений
Затягивает жертвенная мгла.

Захлёбываясь, тонет в этой мгле
Последнее взывающее слово...
Но если ад мы здесь принять готовы,
То что нам рай на адовой земле?!

Рабочая честь

Посвящается 50-летию завода «Сигнал»

Мы были и есть со своею страной,
Рабочую честь мы хранили и чтили
Не ради победы и славы мирской,
А лишь для того, чтоб мы счастливо жили.

Шли в ногу со временем, этим гордясь,
Рабочих часов и минут не считая,
К заводу стремились — в свою ипостась,
Он друг, и учитель, и школа родная.

Был каждый на месте, и каждый — герой!
Нелёгким трудом, но завод отстояли.
Менялись правительства и рулевой,
И цены, и ценность, и флаги менялись...

Но было всегда неизменным одно:
В лихого безвременья тяжкие годы
Вставала незримой, но крепкой стеной
Великая стойкость простого народа!

Мы были и есть со своею страной,
Рабочую честь мы хранили и чтили,
Не ради победы и славы мирской,
А лишь для того, чтоб мы счастливо жили.
г. Челябинск

Сергей Сергеев

Доктор Франкенштейн

Что он делал с ними? В чем была его сила? Он сам не знал ответа на этот вопрос, да и, честно говоря, даже никогда и не задумывался об этом. Он просто общался. Видел в каждой её душе, особый мир, свою вселенную. Влюблялся ли он? Конечно! Всегда! Без остатка! Как трепетно любят летний солнечный день после ненастной ночи, или шум дождя за окном, или огонёк свечи в романтический вечер, или запах свежескошенной травы на лугу, или цветок подснежника на проталине, или урчание любимой кошки и её пушистый тёплый бок... Он питался эмоциями любви, жил ими, не мог существовать без них. Был ли он вампиром, высасывающим кровь из жертвы, после которого оставалась одна бледная, безжизненная оболочка? Трагических случаев, слава богу, не было. Кто-то, чертыхаясь, плевал ему в лицо, поняв, что не заполучит желаемое, кто-то разочарованно кривил свои губки, кто с тоской, кто с обидой, кто со слезами и истерикой вычёркивал его из своей жизни, но помнили весь остаток своих дней его все!..

А как было не запомнить?! Женщина, прожившая до него вроде бы и не одна, с мужем ли, с детьми ли или даже окружённая вниманием большого количества интересных мужчин, но всегда имевшая для обмена эмоциями, энергией, духовную связь — «проводник» не больше чем в палец толщиной. — и это в лучшем случае — вдруг получала оптоволоконный кабель диаметром больше неё самой! И через этот канал её накрывало, пронизывало и пропитывало всю без остатка таким счастьем взаимопонимания, нежности, любви и страсти, что сравнить это можно было, наверное, только с ударной дозой тяжёлого наркотика... А наркоманов, как известно, бывших не бывает... Попробовав раз, всё, что было до и после него, навсегда становилось пресным и тусклым. Он, словно инопланетное существо, игнорируя их волю и разум, сливался с ними, окружая снаружи щитом внимания и заботы, решая все проблемы одним словом, одним жестом, легко, словно волшебник, а внутри создавая целый мир тепла и уюта, такого, что целые дни с ним пролетали одним мгновением. А пространство вокруг и вовсе теряло смысл до совершенной безразличности: где находились, куда ехали и надолго ли. Одна проблема была с ним. Нерешаемая... Невозможно

было удерживать его на цепи! Срывался с любой: хоть с чугунной, стальной ли, титановой или золотой...

Один раз случился у него прокол. Склепала незаметно титановую цепь, спрятав её в сахарном макраме, одна зеленоглазка с золотыми волосами... Испытывать эту цепь на прочность не стала, хитрее была. Представила ему щенка глупого, беспородного, завшивленного и с лишаями... Со словами: «Вот мой избраннык, как тебе?.. Ты же хочешь, чтобы я была счастлива! А он так меня любит! Почти как ты!.. Ну, я его не так, как тебя, конечно, но ты же вольный, тебе самому выбирать, что делать...»

Да... Не успел он цепь порвать и исчезнуть без следа. Сил не было. Появлялись силы, когда на цепь пытались посадить, а тут, вроде и не цепь а макраме сладкое...

Заставила наблюдать всю пьесу «Хозяйка и щенок». Мол, смотри, породистый, на кого тебя меняю, смотри, смотри, не держу тебя, не уговариваю. Всё в твоих руках! Сделать шаг, или нет, думай сам!.. Содрала шкуру с броненосца, а под мощными костяными пластинами оказалась беззащитная плоть, всё как у всех. Превратился матёрый капитан в сопливого обсиканого юнгу... Ладно хоть не обкаканого, да и то только по причине мышечного спазма, а так бы полный комплект получился.

Вот так выстраивал он независимость, по крупичкам: «Я крутой! Серьёзный! Зацепить меня нечем! Всё у меня в порядке! Бизнес, деньги, уважение и связи». И так хорохорился, красовался сам перед собой, что и не заметил, как кадык его оказался уже прочно зажат в пассатижах!.. И глаза вылезли от нестерпимой боли, и слюна закапала из сведённого судорогой рта, из которого донеслось лишь жалкое мычание... А любимая женщина стояла рядом и с интересом и жалостью смотрела в глаза, словно спрашивая: «Э-э-э-эй-й! Кто же это передо мной? Что за жалкое зрелище? А кто сейчас тут обсикается? А кто обкакается?! Ой, ой, ой! А что за лужица? А чем так нехорошо тут пахнет? Мальчик, мальчик! А ты не видел тут такого серьёзного дяденьку? Сильного! Красивого! Не видел?! Странно... А куда же он делся?!»

И чувствовал он, что пассатижи неумолимо сжимаются и сжимаются, и крик застрял в глотке, из-за боли и слёз в глазах, уже не стало видно родного лица, а только размытое пятно перед ним, и понял он... И тут наконец понял, что он конченный м...ак и полное ничтожество, а никак не «крутяк», которым он себя представлял...

Самое скотское во всём этом было то, что детище доктора Франкенштейна рыкнуло на своего создателя... Ведь он слепил эту «зеленоглазку» по частям. Из того, что осталось от неё после ударов прежней жизни. Соскреб со стен глаза, с потолка уши, с пола подобрал душу растоптанную, всё остальное, в фарш перемолотое, по пыльным углам нашёл, согрел любовью своей, вдохнул жизнь с поцелуем и единственный раз в жизни влюбился по-настоящему. В то, что получилось. В красоту, в гармонию, в совершенство! И стал ей и отцом, и любимым, и стеной надёжной, и псом верным... Последнюю роль он играл, конечно, но в какие игры ролевые не поиграешь когда рядом твой идеал?.. Пигмалионом захотел стать, а стал Франкенштейном... И тут вдруг, пока она цепь титановую сладким макраме маскировала, захотела на него ещё и ошейник нацепить и бирочку на ухо приклепать с данными: порода, пол, возраст, кличка... И в ряд поставить со своими дворняжками да левретками, в коих, как выяснилось, недостатка не было... «Сучка крашена», как назвать по-другому?!

Сорваться с этой цепи было безумно больно. К каждому позвонку, ко всем органам приросла она острыми крючьями, малейшие попытки вызывали дикие страдания... Рванулся! Прошел, как сквозь ножи мясорубки. Теперь настала его очередь размазаться кровавым фаршем по стенам... Пять кило плоти осталось на тех крючках, так «схуднул» за четыре дня новой жизни. Друг сказал тогда:

— Переживёшь и это, только теперь будешь совсем другим.

— Каким другим?

— Да таким, как я! Холодным и циничным! Но не переживай, так намного легче жить...

Совсем холодным и совсем циничным он не стал, но и тем мальчиком в шортиках с разноцветными камешками в кармашках и букетом ромашек в одной руке и бабочкой в другой он перестал быть навсегда...

Когда захочешь спасти кого-то, знай, что для настоящего спасения придётся пожертвовать собой, иначе это всё просто пустая, циничная и жестокая игра.

г. Магнитогорск

Чтоб новый день вас озарил

Живу не торопясь

Живу, живу не торопясь я, словно черепашка.
И панцирь на меня надет, что тверже всех рубашек.

В глаза вселенские смотрюсь, в них чудеса возможны.
Я тихой радостью прольюсь на вас так осторожно.

— Пусть тают дни, летят года, — подумаю беспечно. —
И времени течет река. По ней плыву я в Вечность.

Мой домик, что с собой ношу: на нем все части света.
Куда сейчас свой путь держу? На юг: там нынче лето.

На окне Чеширский кот

На окне Чеширский кот...
Нынче модно слово «код».
Нас кодируют от пьянства,
Тучности и хулиганства.
Как котов, пиар-артистов,
развелось специалистов.
— Станет новой жизнь сейчас,
Были б денежки при вас!
Коль стоите пред дилеммой,
Приходите, нет проблемы!
Закодируем на счастье,
На любовь и от ненастья,
От куренья, раздвоенья
И рассудка помутнения.
Только вы не бойтесь нас,
Были б денежки при вас!
Коль стоишь перед дилеммой,
К нам скорей, и нет проблемы!
По ночам вам плохо спится,
Ревизор по следу мчится,
Или грозный ваш проректор,
Иль налоговый инспектор?
В ночь не тяжелеют веки —
К нам скорей, уснешь навеки...
Ну, а если вы при нас,
Да и денежки при вас,
Сдайте их без лишних слов
В Фонд всемирных дураков!
На окне Чеширский кот.
Нынче модно слово «код»
Кот — повеса из повес —
Улыбнулся и исчез...

Предвечерние колечки

Дух фиалок. Скоро вечер
С алым привкусом зари.
Предвечерние колечки:
Звук цикад и фонари.

Мальчик — паж венецианский.
Гордый норов, острый взгляд...
Ах, наивная девчонка!
Много, много лет назад.

Большеглазый, смуглолицый.
Итальянское вино...
Как могла я не влюбиться?
И забыть не суждено...

Ну что ж, соприкоснемся духом

Ну что ж, соприкоснемся духом.
На ваших горних крыльях весть.
Да будет в этом вам порукой
Моя душа и ваша честь.

Что в вышине искать незримой?
Всё очень явственно, увы...
И жесткий смех неумолимый.
Но это все, мой друг, не вы...

Неоспоримый верный страж —
Чудесный кот Мурлыка.
Ему скажу: хоть ты уважь,
Дружище, слух музыкой».

Чтоб новый день вас озарил
В юдоли жизни зыбкой,
Наполнил вас и вдохновил
Прелестницы улыбкой.

г. Магнитогорск

Ирина Соловьёва

Как бренна жизнь и хороша

В дрёме

Я лежу — глаза закрыты,
Мысли — роем в голове:
Рифмы-строчки сочиняю:
Что как лучше сделать мне.

Сон не сон, и в нём работа:
Расставляю по местам:
Все дела свои, заботы,
Фрукты, овощи и хлам.

Вот теперь уже другая
Вдруг картинка в голове:
Куклам лица прошиваю.
Получилась как живая
Старушенция в руке.

Что ж, в печать стихи не взяли —
Не беда, переживём.
Продолжаю, сочиняю
Я про то, как мы живём.

* * *

С каждым днём солнце греет сильнее,
Пробуждая почки и росточки,
И уже к середине апреля
Мы увидим листки и цветочки.

* * *

Солнце землю в любви согревает,
Открывая проталины-глазки,
Где в ответ на любовь закивают
Первоцветы — прекрасны, как в сказке.

Дедушкин участок

Я никогда не знала деда,
Что землю брал себе под сад.
Родителям он был соседом,
А как он жил — никто не знал.

Сарай добротный строил дед:
Уж много лет, как деда нет,
Сарай стоит такой же крепкий.
Заброшен сад. Не ездят детки.

Дед посадил в саду клубнику
И сливу, вишню, ежевику,

Смородины краснеют грозди,
Малина у сарая, возле.

С сараем рядом, среди клубники,
Разных цветов растут люпины,
Под зарослями облепихи
Собою радуют картину.

Но семя каждый год бросают,
Вокруг уж всё заполонили,
Собой клубнику вытесняют.
Красу картины погубили...

Такое злое видя дело,
Отцветшие люпинов ветки
Я каждый год ломаю смело,
Чтоб сохранить клубнику деда.

Я каждый раз, приехав в сад,
Хожу на дедушкин участок.
И чувствую, что он мне рад.
Благодарю я деда часто.

И деда, и землю-мать,
Что дарит нам свои плоды.
И собираю на участке
Не только ягоды — грибы!

И понимаю, приходя
На брошенный земли кусочек,
Как бренна жизнь и хороша,
Земля же вечна, это точно!

Так, наблюдая год за годом,
Как зарастает «пустота»,
Я вижу: матушка Природа
Заполнит полые места.

В природе нет пустого места,
Заполнится всё чем-нибудь.
Когда растеньям станет тесно,
То слабый завершит свой путь.

А у кого хватило силы
Наперекор стихиям жить,
Тот стал красивейшим и милым.
Ну, значит, так тому и быть!

Ещё одно понятно стало:
Пока нас помнит кто-нибудь,
Мы живы. Как ведь это важно,
Чтоб каждый помнил Рода путь!

г. Снежинск

Иркина любовь

Ирка влюбилась. Но аппетит не пропал, значит, это не настоящая любовь. А она так мечтала полюбить, чтобы забыть про еду и сон! «Как бы я тогда похудела!» — думала Ирка. И вообще, пока думала, рассуждала о том, что же это за любовь? Настоящая или нет? Любит — не любит, плюнет — поцелует. Пока рассуждала, Генка свалил, сказав ей о том, что у неё чёрный пояс по кулинарии и может убить одним биточком...

Нельзя сказать, чтоб Ирка любила готовить. Она наслаждалась чистым воздухом своей уютной красивой кухни, блестящей новой посудой, вечно цветущей геранью на подоконниках. Зачем утруждать себя приготовлением еды, когда много разных полуфабрикатов от производителей? У неё пусть мелкий, но бизнес: недорогой качественный трикотаж. Симпатичная точка в торговом супермаркете, дающая стабильный достаток. Она не сидит на мешке с деньгами. Ей есть с кем поделиться и кого поддержать. Отцу дав на строительство новой бани и увидев его до слёз тронутые глаза, радовалась вместе с ним. Когда уступала в цене пожилым клиенткам за товар, видела их радостные лица. Деньги любили Ирку, текли через её руки как благодатный ручей. Рядом есть близкие, друзья. Но так хочется семью. А её нет. Непонятный народ эти мужики. Проще понять инопланетянина. «Всё! О мужиках хватит!» — решила Ирка, собираясь в баню. Интересно все же, а там, в других мирах и созвездиях, есть ли мужики, и, главное, какие они? Генка много чего мог рассказать об этом. А ведь ей было с ним так интересно, спокойно и комфортно: совместимость. Любовь — это селекция. У них с Генкой могли бы быть замечательные дети. Она уже в той поре, когда подруги давно замужем и есть дети, дружные семьи. А Генка взял и свалил. Так неожиданно, внезапно и, главное, без предупреждения... Но ничего не бывает случайным. Ирка, придя в общественную баню, полностью «обнулила» свой образ мыслей. Нет, анорексичек она, конечно, видела по телевизору, но вот чтобы рядом с собой, совсем близко. «Женщина с косой», только вот волосы распущены слабые, жиденькие. На фоне обнажённых женских тел разных пропорций. Анорексичка напоминала героиню графических листов Дюрера. Оживший ходячий скелет. А может, кто-то пошутил и оживил египетскую мумию из саркофага? «Скелет» двигался, заходил в парную, выбирал место, и, как назло, именно рядом с Иркой! Хотя другие женщины не шарахались от неё, как она, общались дружелюбно и просто. Ирка же вылетала из парной как ошпаренная. Видимо, анорексичка почувствовала это, когда Ирка сверлила её исподтишка своим взглядом. Как ужасно быть такой! Разве можно смотреть на эту молодую ещё в принципе, нестрашную женщину? Чего хотела? Перестала есть нормально, чтобы «откорректироваться»? И чего добилась? И какой ценой? Вот живёт эта анорексичка, цепляется за каждое мгновение жизни, карабкается вверх, как скалолаз, по отвесному крутому склону, и без всякой страховки. «Уж лучше быть бройлерной курицей, чем ходячей мумией», — думала Ирка, возвращаясь домой своим ходом. Она жадно и с удовольствием вдыхала воздух с легким морозцем, любуясь привычным городским пейзажем.

«Буду есть, сколько захочу, что захочу и когда захочу! А Генку верну. Приготовлю завтра грибную солянку под коньячок, любимый его салат и домашние пельмени. Сил не хватит отказать такой умной, красивой и самой лучшей женщине на свете!»

Плавное течение мыслей прервал телефонный звонок. Звонил он — Геночка!

Эх, Николай Николаевич!

Он главный конструктор завода металлических форм, которые наше предприятие поставляет для домостроительных комбинатов всей страны. Небольшой скромный заводик, затерянный в пустынях Казахстана. Время апогея перестройки. «Лучше, стремительнее, качественнее!» Кто не помнит эти лозунги? У него желтоватая, аккуратно натянутая на череп кожа, немигающие сверлящие глаза. Природа не вложила в него хищную агрессивность. Просто движется, просто медленно думает, просто переставляет свои длинные ноги вверху загнутых башмаках. «Наверное, в уцененном магазине их купил», — рассуждает Надька, инженер-конструктор второй категории нашего конструкторского бюро. «Маленький Мук» — эта кличка приклеилась к нашему начальнику с лёгкого Надькиного языка. Мы, три женщины, молодые, интересные, различающиеся разве что комплекцией и семейным статусом. Каждая из нас прячет за кульманом свой мир, надёжно защитившись от бдящего взора Маленького Мука. Главное, вовремя выдать блеск инженерной мысли и получить

подпись «Утверждаю» Николая Николаевича, что было сделать очень непросто. Ничто не могло его вывести из себя. Даже если в отдел влетал разъяренный пожилой Гольман, главный специалист по сбыту готовой продукции, облегчающий свои чувства с непринужденностью портового грузчика. Пиджак с единственной на нём пуговицей колыхался от астральных вихрей. Мы молча забавлялись, глядя на эти «тёрки». Но Маленький Мук был принципиален и не собирался что-то менять в конструкторской документации.

— Ну, мы же не в Японии живём, ё... мать! Зачем такая скрупулезность? Кому это нужно?! — кричит в неистовстве Гольман.

— Затем, чтобы всё было предельно точно, — твёрдо отвечает невозмутимый Николай Николаевич.

Когда Маленький Мук выходит из отдела, начинается свобода. Думаю, если бы наш шеф использовал подслушивающее устройство, у него бы уши в трубочку свернулись. За что так Надька не любит его? Или все-таки у женщины, как у ядовитой змеи, должен стекать яд хотя бы из одного зуба, и лишь бы не на родного мужа? Она преуспела в этом. Надька сообщила нам с Ольгой, что жена у него учительница английского языка в одной из школ города. Есть взрослая дочь. Надьке доставляет особое удовольствие знать всё про всех. В этом она тоже преуспела. Однажды, когда наступило лето и пора долгожданных отпусков, наш босс радостно сообщил нам о своём предстоящем отпуске. Мы искренне порадовались за него. Туапсе, где его ждала родная квартира, и время, которое можно провести в кругу семьи, заботливой жены, морского побережья, — все это самым приятным образом отражалось на лице Николая Николаевича в открытой дружелюбной улыбке.

Мы от всей души поздравили его, предвкушая целый месяц долгожданной свободы. На следующий день во время чаепитий и плавного течения событий в размеренном ритме нашего заводика произошло то, что напрочь перевернуло наше представление о дорогом нашем Николае Николаевиче, ответственном руководителе и примерном семьянине... Ну, конечно же эта Надька, «юный следопыт», залезла в его стол с бумагами, как будто искала какой-то нужный для нее технический справочник.

— Ой, девочки, что я нашла! Смотрите!

В папочке с надписью «Трубопроводы». Надька нарыла аккуратно завернутую в рабочий чертёж стопку любовных писем «до востребования». «Дорогой Коленька! Я в приятных воспоминаниях о нашей минувшей встрече. Не нахожу себе места от радости, от сознания того, что ты думаешь обо мне, помнишь обо мне, что я нужна тебе. Милый, тысячу раз любимый мой! Скоро у тебя день рождения. Что тебе подарить, дорогой мой человек? Как бы я хотела спеть песню для тебя, ведь она так точно отражает мои чувства к тебе, любимый мой!..»

— Вот! Видите, девочки, видите! А ещё прикидывался примерным семьянином! Все они, мужики, такие! Вы ещё незамужние. Вот через что вам пройти предстоит! «До востребования» письма получал, а жёнушка родная здесь на работу ему визиты заботы и нежности наносила. Ха-ха!!!

Безудержному восторгу Надьки не было, казалось, конца. Жизнь продолжалась. Отдел выдавал в срок чертежи без подписи Николая Николаевича. Мы чаевничали и непрестанно обсуждали личные дела шефа. Но отпуск Маленького Мука закончился, и он, сияющий бронзовым загаром черноморского побережья, в белоснежных брюках и рубашке, осыпавшись своим появлением. Мы выразили искренний восторг по поводу его обновления. Размеренная жизнь нашего конструкторского отдела продолжилась в прежнем ракурсе. После обеда, пока впрягались в бремя своего нелегкого труда, слушали по радио нашу любимую ежедневную передачу радиостанции «Юность» под названием «Песни, идущие рядом». Кто-то кому-то чего-то желал, кто-то кого-то поздравлял. Пока желудок активно переваривает обед из заводской столовой, а инженерно-техническая мысль дремлет в наших светлых головках в ожидании положительных эмоций. Вдруг неожиданно для нас троих, звучит песня: «Что тебе подарить, человек мой дорогой? Как судьбу благодарить, что свела меня с тобой?» Мы дружно вытягиваем из-за кульманов свои любознательные лица, глядя в упор на нашего Николая Николаевича. Он продолжает изучать технический документ, что-то подсчитывая в уме. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Разочарованию нашему нет предела.

Каждый имеет право на загадку. И мужчина тоже, даже, если он и главный конструктор. Но только причём тут «Трубопроводы»? Эх, Николай, Николаевич!

Папа, проснись!

«Бог дает людям счастье стать родителями. Дети — ангелы, которые вовремя говорят нам, взрослым, именно то, что нужно здесь и сейчас, именно в этот момент жизни. Слушайте своих ангелов. Они рядом».

Наталья, учительница немецкого языка одной из школ солнечного городка Казахстана, раскинувшегося на побережье Каспийского моря, далеко не красавица. Но есть такие женщины, от которых исходит свет и сияние, из самых глубин их мудрых, радостных и добрых глаз. Семья небольшая: она, муж и хрупкая как былинка четырёхлетняя молчаливая дочь Ксюша. В этом городе, находящемся на самом краю Мангышлакского полуострова, они живут уже третий год. Раньше жили в Калининграде. Муж Эдик окончил там политехнический, где и познакомился с Натальей. Решив соединить свои судьбы в единое целое, они переехали сюда, где легко разрешился жилищный вопрос. Молодым специалистам была предоставлена просторная, светлая двухкомнатная квартира с видом на море. Судьба, закинувшая их в пучину драматических событий, чем-то похожа на Каспий. Он, то спокойный и безмятежный, то, мятущийся и шквалистый, с неистовством опрокидывающийся на пирсы городских пляжей. Родных нет. Только друзья. Однажды Наталья, пригласив к себе в гости, добавила: «Обязательно приходи, мы с дочуркой будем очень рады тебе». У дочки Ксюши большие выразительные синие глаза и тёмно-каштановые вьющиеся волосы.

— Вся в папу, — с гордостью говорит Наталья. — Дочь, а покажи тётке свои игрушки.

Я обращаю внимание среди мира игрушек маленькой Ксении на огромного медведя. Наталья перехватывает вопрос в моих глазах. Грустно улыбается и приглашает меня на кухню, где тихо и неторопливо поведала мне следующую историю. «Эдик работает на вахте. Подолгу с Ксенией мы живем одни. Но какой праздник потом, когда приезжает папа! Однажды глубокой ночью, когда Эдик был на вахте, вдруг Ксюша начала метаться во сне. Я думала, она заболела, начала трогать лоб, но признаков температуры не было. Ксения не просыпается, а только переворачивается резко с боку на бок во сне и громко восклицает: “Папа, проснись! Огонь! Скорее! Проснись же! Вставай!” Непонятно откуда свалившаяся тревога овладела и мной. Поняла, что ребёнку снится пожар. Вздрагивает во сне всем тельцем, что-то бессвязное бормоча во сне. Так я и продежурила возле нее до утра.

На другой день не повела ее в садик. Думаю, пусть ребенок дома побудет, да и у меня в этот день уроков, к счастью, не было. И вдруг, уже ближе к обеду, приезжает Эдик со всей своей рабочей бригадой. В руках большая сумка, а в ней этот самый медведь и много-много дорожных конфет. Самые лучшие, какие тут только есть.

— Это тебе, доченька! Вовремя разбудила папку своего...

А случилось следующее. В проводке вагончика, в котором жили вахтовики, видимо, случилась неисправность. Возгорание произошло в полночь, когда все спали крепким беспробудным сном после трудового насыщенного дня. Эдику приснилась маленькая Ксения: “Папа, проснись! Огонь! Скорее! Проснись же! Вставай!” Эдик вскочил, мгновенно оценив ситуацию, разбудил бригаду. Пожар сумели ликвидировать до приезда пожарных».

— Вот мы и возвратились, Ксюша, живые. Слава Богу! Прими, деточка, от нас наше горячее спасибо. Этот Мишка пусть теперь тебя охраняет. Смотри, сколько конфет! Шоколадные, самые вкусные!

Ксюша, прильнув всем своим существом к Эдику, крепко держит его в своих объятиях.

— Папа! Я знала, что ты вернёшься!

— Если б не ты, доченька, не стояли бы мы сейчас вот так, все вместе.

Ксюша бережно вытирает ладошкой слезу с щетинистого лица папы Эдика.

— Папа, а разве мужчины плачут?

г. Магнитогорск

Алексей Фролов

Одиночество августа

Лох серебристый

Лох серебристый.
 В развилке гнездо.
 Вербы опушки
 как лапки кошачьи.
 Северный ветер
 выносит тепло,
 Как из избы,
 с этой степи казачьей.

Бродит казак
 по холодной степи.
 В небе луна.
 Небо чинно и чисто.
 — Кто ты, козаче,
 и чому не спишь?
 — Був я козак,
 нині лох сріблястий.

Фианиты

...Фианитами сверкают
 На ладошках жменьки снега.
 Паутинками свершают
 Пауки свои набег

На сушёные бурьяны,
 На оттаявшее поле,
 На луга и автобаны,
 На апрельское раздолье.

Хорошо гонять по лесу,
 Ветер радости глотая,
 По опушкам, как по детству,
 Безмятежность вспоминая,

На простом велосипеде
 Лёгкой бабочкой неслышной,
 И вытряхивать из кеда
 Льда последнего ледышки.

Где-то там, за перевалом,
 Брызжут цветом эти лета —
 Впереди ещё навалом
 И заката, и рассвета,

Где душистые покосы,
 И растрёпанные косы,
 И наивные вопросы.
 А в ресницах —
 только росы...

Ленивое солнце

Ленивое солнце.
 Будто в июле.
 Только снега
 не закончили таять.
 Кот-маниак,
 рядом кошку почуяв,
 Ей начинает
 настырно сигналить...

Дикие звери.
 Дикие люди.
 Бродит весна
 в каждом дышащем чреве.
 Кто-то придумал,
 что всё это будет,
 Вывесив яблочко
 красно на древе.

Кто-то решил,
 что глаза ваши станут
 Центром и главной
 звездой мироздания —
 Будь небосвод
 каждодневно затянут,
 Мы не заблудимся
 в наших скитаньях!

...Каждой весной —
 снова жажда признанья.
 Жадные взгляды.
 Вальсы и кольца...
 Трепетность душ.
 Талых капель дрожанье.

И —
 будто в июле —
 ленивое
 солнце...

Одиночество августа

Одиночество августа —
 в крыльях местных стрекоз
 Слепит блёстками радости
 от любимых волос,
 Дарит голоса пение
 из жужжания пчёл
 И недели забвения,
 если дождик прошёл.

Одиночество августа —
 в кучевых облаках,
 В ослепительных зайчиках
 на согретых волнах,

В водах, всё предъявляющих
аж до самого дна,
Как твоё одиночество:
спорь не спорь — ты одна.

Одиночество августа —
в перелётах стрижей,
В синеве остывающей
летней жизни твоей...

В блеской ряби, взрывающем
ветре гладь серых вод;
В электричке, не знающей,
что меня привезёт!

Последние гастроли сентября

Последние гастроли сентября!
Сенсационно тёплые гастроли!
Луна, софитом бешеным горя,
Доводит сердце до безумных колик.

И солнце утром, вечером и днём
Согласно только на туманный ропот.
И в мире наступающем моём
Чуть слышен счастья
полу-
сонный
шёпот...

Штормовка

Снег шуршит о штормовку,
В ночи падает наметь.
Отведённый неловко,
Взгляд царапает память.

Мгла сереет над степью.
С расстояньем отходит
Анальгетик похмелья,
Только солнце не всходит.

Солнце просто не хочет,
Солнцу всё надоело:
И метельные ночи,
И ночные метели.

Сколько можно пытаться
Сквозь кордоны пробиться —
Неприступная цаца
Наша с вами граница.

Только я под штормовкой
Теплю лучик надежды...
Хоть какая, но польза
И от верхней одежды!

Млечный Путь

Как домотканую дорожку,
Ночами Млечный Путь трясти
Глазами, полными морошки,
В надежде пристань обрести.

И в чудаеса опять поверить,
И в то, что можешь только ты
Морями нежность не измерить,
А океанами — мечты.

И оживает любопытство:
В каких пределах, кто и как?!
И ты готова на бесстыдство,
Чтобы раздвинуть прошлый мрак.

И счастье ты опять находишь
В закатах и рассветах дня,
Но в суете желаний тонешь
Ты только в поисках меня.

...Как домотканую дорожку
Стелить глазами Млечный Путь...
Когда уходишь понарошку —
Сказать об этом
не забудь.

Переживём

Причуды лиственниц
у горных троп
Манят, как в сказку,
в золотую осень.
Переживём
любой потоп,
Когда т а к и м
нам души сносит.

Когда друзья —
к плечу плечо,
Когда открыты
все дороги,
А впереди —
и суп-харчо,
И все девчонки-недотроги!

Зачем

Свой взор, как бусинки, даря
Туземцу берегов заречных,
Зачем ласкаете, маня
Дыханьем юности беспечной?

Зачем вы рвёте лёд реки,
До дна казавшейся простывшей?
Со стен срываете всю крышу.
Не отнимаете руки...

Куски времени

Мансуру

В пыли и мгле
нам быть кусками времени,
Пока не ждут
ни дома, ни в раю.
И солнце бьёт
магнитами по темени
В не нами выбранном
всполошенном краю.

Ветра и зной,
неведомо уныние —
Напарника
глаза через плечо...
Как караван
с безмолвными рабынями,
Недели времени
покорно-горячо

Бредут, бредут
без толку и немерены,
Не оставляя
в душах ни следа,
В таких шайтан-степях
и днях затеряны,
Куда там ваша
Верхняя Салда!

Сердец, лишь верно
ждуших
отрицание,
Безумие
способно
отвести.
За это —
пик
земных красот —
мерцание

Околиц
вечно Млечного
Пути.

Задумчивость лугов

Задумчивость лугов перед рассветом
И пенье первых петухов —
Не всё кончается на свете
От ненарошных грубых слов.

Но вера в первые свиданья
И тишина пустых озёр
Надежды колотые раны
Любовью лечат до сих пор.

И осликом по кругу бродишь,
И выхода из круга нет.
Себя разлукою изводишь,
Не слыша дробы кастаньет.

А рядом тлеет ожиданье —
Не взрыва алых парусов —
Калитки старенькой рыданья
И эха по двору шагов.

Не всё кончается на свете
От пары выщербленных слов.

А-ля

А-ля старинный
газовый
фонарь
Пытается согреть
мороженный перрон.
На колокольне
заспанный звонарь
Спросонья льёт
на город странный звон.

Хрустальный перелив колоколов
Возносит в ночь
покойницу-любовь.

Ну, наконец,
Иссякли все пути —
Вокзал закрыт.
И некуда идти...

Середина апреля

Лёд озёрный изойдет туманом,
Обратится в бисер на ветвях,
Фокусником ибн Сулейманом
Растворится в затяжных дождях.

Весна на Ньютоне¹

Алексею Малышеву

Гнездо сорок на фоне монолитов,
Где мат и рокот строящихся дней.
Закаты солнца в стеклах ризалитов —
Второй рассвет — на стороне теней.

Как опиум сердцам среди апреля
Разящий амбр распоротых корней.
Бульдозер, экскаватору не веря,
Ломает целину былых полей.

И свай тела становятся корнями,
Под уханье закопченных копров,
Растущих на полях высотных зданий
Взамен колосьев злаков и бобов.

А кранов расфуфыренные цапли,
Весну почуяв, тянут этажи
Туда, откуда дождь роняет капли,
Где «МиГи» с ястребом рисуют виражи.

¹ «Ньютон» — строящийся жилой комплекс в Челябинске.

Весенний призыв 10 мая 1981 года

Прострел морозного утра,
Комок у горла на «Ура!»
Сошла с ума сирень
В десятый майский день!

И все мы с бритой головой,
И каждый пред своей судьбой,
Оставив все дела —
Как мама родила.

г. Челябинск

53

Графоман № 2(42)-2020

Марина Шалыгина

Заново мир обрести

* * *

Трель маленькой флейты, радости горсть:
В комнате бабочка — утренний гость.
И на холсте неотбеленном стен
Движений её вечнопамятных тень.
Менуэт ли, полёт ли, гавот —
Нет помехи для танцев. Но вот
Время дня моего истекло —
Бьётся бабочка о стекло.
Отворяю двери, окно —
Бьётся пленницей всё равно.
Осыпается крыльев пыльца,
Этим пыткам не вижу конца
И ловлю её детским сачком,
И лежит она в сетке ничком.
К звёздам вечным из комнаты — прочь!
Приголубь нас, пресветлая ночь.

* * *

Тонкие пальчики мальчика
Лепят дома и людей,
Ящеров древних и зайчиков —
Мальчик — творец! И злодей:
Возьмёт все создання и слепит
Из них разноцветный комок,
Наденет сандалии, кепку,
Защёлкнет на двери замок,
Гуляет до самого вечера,
Потом — за уроки, и спит.
А крошево мира и сечено
В коме на полке лежит.

* * *

Не убаюкивай, море, шумом своим колыбельным,
Не обнимай, как ребёнка, блаженной своей синевою;
По камням, по песку, жаром юга отбеленному,
Не разбрасывай жемчуг — уведёт меня завтра молчунов кипарисов конвой
В сумрак бед грозовой, где мороки разбился кувшин узкогорлый,
Где сухой ежевичник колючий хмуρο чёрную ягоду-милость подаст,
В ледяные просторы завлечут меня горы,
И ловушки пустот мне расставит предательский наст.
Свяжут ветры на острых уступах вершины:
Де, покайся за вины и заново мир обрети!
И увижу с высот четырёх океанов пучины
И открытые солнцу до горизонта пути.

г. Кыштым

* * *

Юность и старость, возможно, похожи —
Неясностью замыслов, тонкостью кожи.
Старость не радость
и не наказание —
Мерцание неба, дыханье, касание.
Новых бессонниц звёздные восходы,
Космос открытый бездомной свободой.

* * *

Уткнись в уголок и заспи
Полнолуние, пятницу, тринадцатое число.
Может, после сна изменятся к лучшему
Погода, страна и люди, искусство и ремесло.
Откуда-нибудь появится
Постоянная мастерская с видами на залив.
Выявится и проявится,
Ради чего от Бога тебе
Иное зрение, воображения взрыв ли, прилив.
Усни, моя умница,
Забудь сомнений зубную боль.
Напишешь завтра из того, что есть под рукой,
любовь,
И да пребудет с тобой!
Спи, погружайся с доверием
В бездонный грядущей гармонии океан,
Летай, любуйся каппадокийским светом!
Хотя не пойму, чем же хуже
Реальности здешней нежно-серый осенний
туман.

Игорь Щербаков

Давай помолчим о былом

* * *

Пока в этом мире я просто прохожий,
Пусть время блестит сединой у виска.
Но знаю: изменится всё. И, быть может,
Всё к лучшему? Ну а пока, а пока...
Всё будет иначе, я чувствую кожей!
За что ни возьмусь — будет лёгкой рука.
Никто не осудит, ничто не встревожит.
Всё сбудется. Только потом. А пока...

* * *

Давай помолчим о былом.
Ведь было ж бывшее когда-то?
Привидятся как наяву
События, лица и даты.
О том, что нас ждёт — помолчим,
О том, что когда-нибудь будет,
Что чувства в душе воскресит,
И к жизни, быть может, пробудит.
Пройдёмся в тиши не спеша.
Вот звёздочка — видишь? — упала.
Наверное, чья-то душа,
Наверное, просто устала.
Давай помолчим о делах,
Давай помолчим о погоде,
О наших несбывшихся снах,
О нашей неброской природе.
Ни слова о наших врагах —
Такие же, в общем-то, люди.
Про нас же — пускай говорят,
От этого нас не убудет.

Азия — Сибирь

Аксакал. Арык. Артек.
Аргмак. Аркан. Абрек.
Анаша. Ахмед. Анвар.
Автомат! Аллах акбар!
Север. Снег. Стакан. Сосед.
Ссора. Суд. СИЗО. Семь лет.
Срок. Сибирь. Сержант Степан.
Стук сапог. Сосед-пахан.

* * *

Верх — низ, свет и тени, наркозный туман.
Халаты снуют странно близко.
Как видно, судьбой в этот час суждено
Вот так уходить, по-английски.
Это мне снится? И может, не мной
Играет злой рок в чёт и нечет?
А может, всё это уже за чертой,
Где дух беспределен и вечен.

* * *

Это лев, а это слон,
Вот овечка — это клон.
Был генетик очень крут,
Клоны — это очень ГУТ!
Вот уже пасётся в поле
Миллион овечек Долли!
До чего прогресс дошёл:
Шерсть и мясо — ХОРОШО!
Есть для нас открытий масса:
Ботокс, силикон, пластмасса!
А потом придёт... КАПУТ,
Что уже не очень ГУТ!

Видение

На грани слепоты в изломах отражений
С глазницами пустот незрячих полусфер
Парит нездешний Дух над бездной
возражений,
Пронзая истин мир и праведных афер.
Лишь для него века раздвинули границы,
Прозрачна связь былых и будущих времён.
Сияющим лучом божественной десницей
Его высокий путь всечасно осенён.
И нет преград его небесным озареньям
На стыках бытия и зазеркальных грёз.
Но не дано ему изведать наслаждений
Земной любви и боль бессильных слёз.

* * *

Ночь напролёт у костра, но её всё равно
Не хватает.
Смотрим куда-то сквозь небо, а там уж опять
Светает.
А мы говорили всю ночь до утра
Слова.
И ты оказалась во всём, как всегда,
Права.
Притом, если честно признаться,
Едва ли
Друг друга с тобой мы во всём до конца
Понимали.
Туман, обернувшись дождём, слезами с ресниц
Стекает.
Грусти неясной следы из памяти нашей
с тобой
Смывает.

г. Кыштым

Если ты жив — значит, нужен

Годы меня не пугают

*Годы меня не пугают.**Мне нравится мой возраст***Л. Татьяничева**

Я не боюсь своих лет.
 Сколько осталось — не знаю.
 Лишь бы прожить их без бед.
 Не поддаваться недугам!
 Не заражаться бы злом.
 Рядом есть друг иль подруга —
 Значит, тебе повезло.
 Лечат: любимое дело.
 Близкие люди, друзья,
 Творчество...
 Действуйте смело
 Возраст?! Сдаваться нельзя!
 Не поддаваться унынию!
 Это — вы знаете — грех.
 С давних времен и доньне
 Труд лишь приносит успех.
 Надо жить мирно и дружно,
 Крепко держаться в седле...
 Если ты жив — значит нужен:
 Нужен
 На этой
 земле.

15 февраля 2013 года

9:20 на часах.
 Яркий свет у всех в глазах.
 Что, скажите, к нам летит?
 Астероид? Иль болид?
 Иль Америка бомбит?
 Самолет так не блестит...
 Так ракета не слепит...
 Космос с нами говорит —
 К нам летит метеорит.
 Да, признаться если честно,
 Страшен был тот первый миг.
 Мир ученых встал в тупик:
 Мал пришелец иль велик?
 Что сверкнуло? Что взорвалось?
 И куда что подевалось?
 Слышалось со всех сторон:
 «Катаклизм! Армагеддон!»
 Всюду споры: «Что? Да как?» —
 Метеорит тот не пустяк!
 След оставил он заметный.
 Напугал он всех конкретно.
 Но хочу сказать я все же:
 Повториться может зло...
 А сейчас всем нам, похоже,
 Очень жутко по-вез-ло!

Вам, непреклонные

День пожилого человека

Как про нас говорят? —
 Да вот просто так:
 Вы, мол, люди преклонного
 возраста.
 Я же вам возражу:
 — Непреклонного.
 Непреклонного.
 Неугомонного.
 Говорят иногда:
 возраст мудрости...
 Как же быстро прошли
 годы юности.
 Были дерзости.
 Были трудности.
 Иногда совершали мы
 глупости.
 Мудрым быть не всегда
 получается.
 Но не стоит об этом
 печалиться.
 Если жизнь и была порой
 трудной —
 Пусть и трудная,
 но не нудная.
 Да. Не нудная.
 И не пресная —
 жизнь была у нас
 интересная.
 Были радости.
 Были горести.
 Жить всегда мы старались
 по совести.
 Много разного в жизни мы
 вынесли.
 Наши дети давно уже
 выросли.
 Внуки наши уж дарят нам
 правнуков.
 И идёт всё у нас
 по правилам.
 Наша жизнь и теперь
 не кончается.
 В детях-правнуках
 продолжается.
 Ну а мы, на них глядя,
 с достоинством
 встретим праздник свой.
 Успокоимся.
 Пусть у них в жизни всё
 получится:
 Не болеть чтоб за них.
 Не мучиться.
 Пусть у них в жизни всё
 так сложится.

Чтобы не было
горестей-сложностей.
Вот и нам тогда будет
радостно,
Будем счастливы мы в нашей
старости.
И останемся
непреклонными.
Непреклонными.
Неугомонными.

Возвращение

Как ни печально это —
осень подкралась к лету.
Осень в лето шагнула,
Ветром холодным подула.
Холодом, ветром задула,
Щёки и тучи надула.
Туча садилась и злилась,
Лопнула и... задождилась.
Что же потом получилось?
Солнце сквозь тучи пробилось,
Лучиком ярким сверкнуло,
Лето нам снова вернуло.
И заиграли краски,
Словно в волшебной сказке.
А возвращение это
Бабым назвали летом.

Умер Сталин

Сталин умер, когда мне было без малого три года. Говорят, что в таком возрасте невозможно что-либо помнить. А я хочу сказать обратное: невозможно забыть это яркое эмоциональное событие в моей ещё маленькой жизни. Оно отпечталось как стоп-кадр в чёрно-белом изображении. Скорее, в абсолютно сером изображении — серая погода (хотя было много снега), серая одежда и серые лица.

Когда люди услышали о смерти Сталина по радио, им стало невыносимо душно находиться в своих квартирах и всеобщее чувство тревоги просто выплеснуло их на улицу. За короткое время громадный двор моего дома, а дом состоял из одиннадцати подъездов, наполнился людьми так, что реально некуда было яблоку упасть.

Мы с мамой оказались там же. Вот с этого момента и включилась моя долговременная память с короткими выборочными эпизодами.

Однако я понимала, что если случайно отпущу мамину руку, то сразу же потеряюсь среди серых и длинных ног. Они мне тогда представлялись как стволы деревьев в густом чёрно-сером лесу.

Как буд то чей-то мгновенный единый жест прилепил ко всем лицам однообразную маску: одно и то же безнадежное выражение глаз и молчаливых слов: а что теперь будет дальше? Только со временем я поняла, почему память так чётко запечатлела это событие: люди вмиг превратились в серую однородную безликую массу. Даже снег поменял цвет — с белого на серый.

И можно ли это забыть, пусть даже ребенку, который случайно оказался свидетелем такого мощного преобразования людей?

Люди говорили одновременно, тихо, повторяя одни и те же слова, не слушая друг друга и не ожидая ответа. Двор стал походить на улей, когда пчелиный нервно-гудящий рой готовится перелетать с одного насиженного места на другое, неизвестное. А место наше было уютное и надежное.

Наш дом стоял в центре города: четырёхэтажный кирпичный многоподъездный, в виде буквы «П». Снаружи дома жемчужинами прилепилась цепь ярких магазинов. Выход в город был через две высокие арки с разных сторон — там начинался мир взрослых. На краю огромного двора полноправно располагалось невероятное количество сараев, впрочем, столько же, сколько было квартир в доме. Эти помещения были высокие, длинные и узкие. Дети называли их «папины квартиры». В выходные дни и вечерами мужчины старались находиться в своём сарае — «мастерской» — больше, чем дома, потому что в коммуналке было не развернуться, тесно. Насколько я помню, дети тоже не имели привычки сидеть дома. В любую погоду играли около сараев, но ближе к своим подъездам, чтобы быть на виду у родителей. В послевоенные годы детей было много.

Люди, которые оказались в один миг серой и однородной массой, в обычной жизни были яркими личностями.

Мы жили на втором этаже. В одной большой комнате находилась наша семья из шести человек, а в другой — тётя Лиза, мать Героя Советского Союза лётчика Сергея Кузнецова. Иногда она неожиданно брала меня за руку и вела к себе в комнату пить чай с поджаристыми блинами с золотистой корочкой. Именно поэтому до сих пор я люблю, есть только такие блины. Ещё меня часто приглашала к себе в гости «дама Таня», бывшая дворянка. С ней мало кто общался, или, наоборот, она сама ни с кем не хотела общаться, поэтому редко выходила на улицу. Одинокая, молчаливая, худая, старомодная, она никуда не вписывалась своей уходящей непонятной красотой, нарядами и мебелью. Подрабатывала она тем, что делала дома восковые цветочки для венков. Я чувствовала, что радость не живёт в этом доме. Она из окна наблюдала, как растут чужие дети, и невольно её нереализованное материнское сердце тянулось ко мне. Это сейчас я так рассуждаю, когда стала разбираться в чувствах других людей. А тогда... нет, и тогда я почему-то тонко ощущала больше внутреннее состояние человека, чем внешнее.

Еще одну семью мне хочется вспомнить. На первом этаже жили мои подруги по фамилии Фальтенберг. Эти две смуглые с необыкновенно густыми черными кудряшками девочки происходили от испанского революционера, контуженного на войне. Почему-то жёлтый, частично парализованный, он сумел, однако, жениться и заиметь двоих детей. Наша дружба с девочками продолжалась более двадцати лет, пока я не уехала из города.

После первого шокового состояния в толпе начали происходить какие-то изменения. Решили, что вождя надо помянуть. На деревянных столах для игр в домино появились бутылки водки и закуска. Прямо перед моим лицом оказались тарелки с бутербродами с черной и красной икрой. Сразу захотелось есть. Я дернула маму за рукав и указала на еду. Она дала мне бутерброд с красной икрой, и я его быстро съела. Вообще-то на еду мало кто из взрослых обращал внимания, и я опять кого-то дернула за рукав и указала на бутерброд с черной икрой. В моем детском мозгу выветился вывод: во время траура взрослые особо не отдают себе отчета, что они делают. У них можно выпросить все то, что в обычной жизни они никогда не дадут. Когда через два года умерла моя бабушка, мы с матерью пошли за документами в похоронное бюро. Идти надо было мимо рынка, где всегда продавали большие жёлтые груши. Мать никогда их не покупала, говорила, что дорого. Нас, детей, у неё было трое. Я вспомнила свой безотказный метод, дернула её за рукав и протянула: «Купи...» Мать колебалась недолго, махнула рукой и купила мне грушу. Съела я её так же быстро, как и те бутерброды, и, кажется, даже невымытой.

Уходила сталинская эпоха и забирала с собой свидетелей тех давних событий. Умерла моя бабушка Евдокия, тетя Лиза и дама Таня. Спустя много лет я поняла, что самые неприятные события моей жизни происходят в середине февраля. Так моё бессознательное отреагировало на проявление коллективного страха, душевной боли и отчаяния.

Забегая вперед, в период «перестройки» и в девяностые годы, скажу: вместе с развалом СССР развалилась жизнь моих родителей и ещё многих знакомых. Опять была всеобщая растерянность, возникало множество вопросов, что происходит, почему, зачем нас так унизили, была ли наша жизнь напрасной или это был подвиг. И только сейчас, спустя многие годы, мы получили на них ответы. Ничего напрасного в истории народа не бывает.

г. Миасс

Николай Шукшин

Своя ноша

Если верно, что счастье — это максимальная личностная реализация в любви, дружбе, делах, профессии — во всем, в чем человек талантлив или в чём хотел бы себя попробовать, то я баловень судьбы. Мне в жизни всегда везло. Но такая удача не дар божий. Не могу записать ее и в актив личных заслуг. Просто так сложились обстоятельства. Их, обстоятельства моей жизни, сформировала мама, Галина Яковлевна — собственной мудростью, упорством, силой характера. Этот очерк — рассказ о ее непростой женской доле.

Тепло родного очага

Галя появилась на свет за восемь лет до войны в деревне Юшково Каслинского района. Она стала четвертым ребенком немолодых уже родителей. Домочадцы сразу нарекли ее «поскребышем». Дочка родилась на два месяца раньше срока с явным дефицитом веса, ослаблением дыхания и сердечного ритма. Осмотрев младенца, сельский «эскулап» тихо молвил: «Медицина бессильна. Молитесь богу, надеяться надо только на него». Родители Гали рук не опустили. Они поместили ее на печку. Здесь, согреваясь, она набиралась сил. Представьте — помогло. Полугодовалый карапуз уже ничем не отличался от сверстников. Убедившись в очевидном, фельдшер рассмеялся, воскликнув: «Чудеса, да и только!» Судьба явно хранила семью.

Жили небогато, но дружно. Каждый член семьи трудился на общее благо. О роскоши знать не знали и отродясь о ней не помышляли. Обстановка деревенского жилища поражала своей скудностью. В центре комнаты — самодельный деревянный стол, а вдоль стен — лавки. На них ночью спали домочадцы.

Питались ржаным хлебом, на праздники пекли пшеничные пироги. Большим подспорьем для селян стали овощи с огорода. Пахали его вручную. «За всю жизнь, — говорил глава семейства Яков Феофанович, — я прошагал за плугом путь, равный расстоянию от Москвы до Ленинграда!» Его жена Надежда знала, как сохранить капусту, морковь, репу, редьку и огурцы до нового урожая. Овощи она солила в огромных кадушках. Консервы ее хранили прекрасный вкус целый год. На праздник к столу подавали щи с кислой капустой. Рыбу в Юшково ели чаще, чем мясо. Пищу готовили только в печке. Нагревшись, она держала тепло целые сутки и часто служила лежанкой. В те далекие годы так на селе жили если не все, то многие. В сельских семьях дети выросли рано.

Каждый ребенок в семье Шукшиных мог навести в доме порядок, убрать за собой, помыть посуду, задать корма домашней живности, почистить стойла. Умели косить и скирдовать сено, работать в огороде.

В 1937 году главу семейства командировали в Урукуль на должность колхозного счетовода. Здесь спустя два года его младшая дочь стала первоклассницей. Особой тяги к учению не обнаружила. Просидела за партой, как сама говорила, «две зимы, читать-писать научилась — и ладно». Летом 1942 отец перевез семейство в Малый Куяш, отремонтировал маленький домик. Оставил в нем жену с детьми и отправился на фронт. Окончив четыре класса, Галя в школу больше не ходила. Стала во всем помогать маме вместо отца и брата.

Покой ей только снился

В пору лихолетья всем жилось непросто. Галя работала по 10 часов в сутки. Однажды вдвоем с подружкой запрягли лошадку и отправились в лес, напилили дров и доставили их домой. Мама и пахала сама, а бабуля, глядя на внучку, восклицала: «Трудяга. Как хорошо огород подняла! А как славно и тонко прядешь!» Вот так и жила в постоянных хлопотах: вместе со взрослыми пахала и боронила на быках колхозные поля, казенный скот пасла. Ходила по отделениям, собирала сводки о работе бригад за сутки и доставляла документы начальству, трудилась на заготовке леса. За четыре дня давали 400 граммов хлеба. За зиму получила премию — 9 метров ситца в горошек.

Любовь и разлука

А молодость брала свое. В 17 лет пришла к девчонке любовь. Ее сердце покорила Иван Дроздецкий — парнишка с черными как смоль кудрями. Он частенько наезжал в деревню к родне. Хлопец был не по годам учтив, умен, красиво ухаживал. Галантно подавал подружке пальто, открывал перед ней дверь, цветы дарил. Ваня никогда не унывал, никакой работы не чурался. Через пару лет молодые люди планировали пожениться. Но Ивана призвали в армию. И стал он пограничником, служил на советско-китайской границе.

Из дневника юноши: «Китайцы нас яро ненавидели, стройными рядами переходили через границу, вторгаясь на нашу территорию. Стрелять в них нам запрещалось. Незваных гостей приходилось оказывать струей из шланга пожарной машины, поливать пеной огнегасителя, дубасить палками, бить кулаками.

В одной такой схватке я получил четыре ножевых удара в грудь, потерял много крови, долго лечился в Москве. Думал, не выживу или инвалидом стану. Гале ничего не писал, страдал молча».

А она ждала вестей полтора года. И, потеряв всякую надежду, ответила на ухаживания Павла Одинцова, статного красавца из Большого Куяша, уяснив на всю жизнь, что долгая разлука убивает любовь.

Опять любовь не получилась

Среди друзей новый кавалер Галины слыл весельчаком и балагуром, человеком, легким на подъем. Мастером на все руки. Знал слесарное, токарное ремесла, плотничал, за жизнь возвел несколько добротных домов. Виртуозно исполнял на баяне известные мелодии, мог и в пляс пуститься. Дружбу ценил, был добрым, рассудительным и нескучным.

И все бы хорошо, да вот беда: без спиртного не мог и дня прожить, а во хмелю скандалил, дрался, крушил все вокруг. Видя, как сложно живет дочь, мать сокрушалась: «Ах, Галька, хватила ты лиха. Других парней не нашлось, что ли? Всех приличных, видать, разобрали, а тебе досталось, что осталось». Надежда Кондратьевна в конфликт не вмешивалась, давая чаду возможность самой во всем разобраться. Дочь терпеть не стала, давала мужу-дебоширу отпор. Брак промчался быстро, как юность. Его не спасло даже рождение дочери Людмилы.

Полюбить, конечно, можно и алкоголика. Ведь он тоже человек. И плохое в нем соседствует с хорошим. Да ведь и то верно, что любовь к нему приходит не тогда, когда он под забором валяется, а когда одни достоинства только и видны. И все-таки какую страшную ошибку совершают девушки, решившие связать судьбу с пьющим парнем. Юноши, обожающие «поправляться рюмочкой» в добрачном возрасте, охотно продолжают делать это и после создания семьи.

Во всякой работе ловка

Грусть-тоску молодая мама изгоняла трудом. Ее зачислили дояркой в штат Куяшского молочного завода. Круг обязанностей был знаком ей с детства: вручную доила закрепленную за ней группу коров. Но что это были за коровы? Все, как одна, глупые да беспокойные. У каждой — свой характер. Бывало, летит Буренка на новую хозяйку. И... Ведро — в одну сторону, Галя — в другую. Потом спрячется от рогатой в угол и тихонько вытирает слезы. Постепенно освоилась. Пришли как-то сами собой и опыт, и умение, и скорость доения. «Вот я поглажу Ночку по спинке, шепну ей на ушко заветное слово, и она у меня с места не двинется во время дойки», — вспоминала труженица. Еще совсем недавно о людях этой профессии снимали фильмы и слагали стихи. Всюду прославлялся образ молодой девушки в косынке. На этом романтика заканчивалась. Рабочий день начинался с рассветом, в четыре утра. Это тяжелый и кропотливый труд. От него во многом зависело благополучие района. Ведь молоко было источником его дохода.

Женщины на селе редко изменяли профессии и родному краю. Свет окон отчего дома деревенские люди помнят всю жизнь. Без любви к родному очагу, к улице села, где ты родился и вырос, где пролегли заветные тропы детства и юности, не может состояться человек, гражданин, патриот.

Миг женского счастья

Жизнь шла своим чередом. Галина работала на ферме от рассвета до полуночи, успевая при этом лихо управляться с домашними делами и дочь воспитывать. На все у нее сил хватало. Судьба, словно в награду за терпение, подарила нашей героине новую встречу.

В 1955 году приехал из Кургана в наши края молодой парень Александр Пастухов. Сначала хотел просто побыть у друга, но его сестра познакомила гостя со своей лучшей подругой из Малого Куяша. Юноша сразу утонул в голубых глазах Галины и решил с ней остаться.

Потенциальный жених выгодно отличался от местных кавалеров. После окончания семилетки поступил в ФЗУ, выучился на слесаря, токаря и тракториста. Эти приобретенные профессии могли прокормить. Работа стояла в его жизни на первом месте, а все остальное к ней лишь прилагалось. Сидя за рычагами трактора, слушая рокот его мотора, он погружался в атмосферу блаженства, забывая все плохое. Ему доверили бульдозер. Отличная, по его словам, машина, легкая и удобная в управлении. Работать на ней — одно удовольствие. А опыт — дело наживное. Александр работал много лет упорно и настойчиво. Появились вера в свои силы да первая награда — медаль «За трудовую доблесть».

Рабочих рук в колхозе не хватало

Приходилось не легче, чем на фронте. Но сообща все трудности преодолевали. В дни заготовки кормов и уборки урожая Александр не выходил из кабины по 10—14 часов. Все силы отдавал, чтобы заготовить как можно больше сенажа и силоса для колхозной живности. Не шел домой, пока не осмотрит своего «железного коня», не подготовит его к работе на день грядущий. Зимой, когда было особенно много снега, выезжал Александр Васильевич на расчистку сельских дорог. Напряжённый трудовой ритм, занятость не помешали влюбленным стать мужем и женой. Хотя именно по этой причине регистрацию брака дважды переносили. Между супругами как-то сразу возникло полное взаимопонимание. Они смотрели не только друг на друга, но и в одном направлении. Все домашние хлопоты делились между ними пополам. Каждый четко знал, что должен делать. Установленный график исполнялся четко и не менялся годами. За это, видно, многие в деревне считали их идеальной парой, да и как иначе, если глава семейства не умел и не хотел пить, не видя в этом пользы. В праздник он мог принять пару стопок водки, бокал вина или кружку пива. А в кухонном шкафу целый год могла стоять початая бутылка спиртного. И никто к ней не прикасался. Александр не зазнавался, не испытывал головокружений от успехов, ценил отношения с искренней, мудрой, неспособной на подлость супругой. Галина была немногословной, но без труда находила общий язык с любым человеком. Никогда не говорила о муже плохого, не унижала его прилюдными разборками, признавала за ним главенство в делах. Подругам с непомерной гордыней в характере говорила: «Не вступай с мужиком в открытый бой, если тебе и детям грозит опасность. Не меряйся с ним ни умом, ни силой, ни талантом. А старайся понять, чего он хочет. Уследишь — окажешься в победителях, нет — он подавит тебя своим напором. Сумей упредить бурю, а потом решай все вопросы». Вот так они и жили, не ведая, какие испытания ждут их впереди.

Преодоление

Я появился на свет на восемь недель раньше срока. В тот июньский день, возвращаясь с охоты, папа увидел, как за воротами соседского дома шесть пьяных мужиков дрались на ножах. Желая разнять скандалистов, он стал палить из ружья в воздух. У мамы, наблюдавшей сцену из окна нашего дома, от испуга начались схватки. В куяшской больнице опытная акушерка А. В. Матерухина с грустью сказала: «Не время еще, но будем рожать». Все кончилось поражением нервной системы и параличом одной половины тела. Диагноз ДЦП в областной больнице поставили сходу. Он прозвучал как приговор. Врачи маме сказали четко: «Ни сидеть, ни ходить мальчик не будет. Сдавайте его в детский дом». Она слушала и понимала, что с ее малышом что-то не так. Но мириться с вердиктом медиков не хотела, справедливо полагая: отказавшись от ребенка, счастливой стать невозможно.

С этого момента мама взвалила на свои плечи непосильную ношу. Эту тяжесть можно было скинуть с себя, либо самой рухнуть под ней. Ничего подобного не произошло. Ведь давно известно: посылая испытания, Всевышний дает силы на то, чтобы их одолеть.

И началась борьба за мое оздоровление. Лечили меня в больницах и санаториях. Результаты были весьма скромными. Однако до восьми лет я мог ходить с помощью специальных ходунков. Их папа изготовил по собственному проекту. Но после неудачной операции ноги мои уже не могли держать тело.

Деревенское детство мое

Между курсами терапии я возвращался домой. Родители и сестра старались делать мою жизнь интересной и полноценной. В ней были веселые игры, прогулки, общение с добрейшей бабушкой Надеждой Кондратьевной, великолепные телепередачи и радиопостановки, дружба с соседскими ребятами Лёнкой и Серёжкой. К слову сказать, парни относились ко мне, как равному. Мы всегда находили, чем заняться. Учились оба не ахти, но росли в труде и стали профессиональными водителями. Серега удачно женился, вместе с женой Татьяной воспитал двух прекрасных дочерей. Совсем недавно после долгой болезни друг скончался. Леониду судьбина уготовила много испытаний. Рано овдовел. Двух маленьких дочек досталось воспитывать при помощи мамы Пелагеи Григорьевны — женщины мудрой, доброй, общительной, незлобивой, уверенной в себе. Со всем справились. Лёня смог одолеть пагубную страсть к «зеленому змию». Вероника и Оксана нашли в жизни свое место.

А еще в детстве я познал прелесть рыбалки. Она стала папиной страстью. Сидя в лодке с удочкой в руках, он расслаблялся, отдыхал, набирался сил. Частенько и мне везло составить ему компанию. Я наловчился насаживать на крючок хитрую наживку, забрасывать леску далеко в воду и ждать клева.

Однажды даже в шторм угодили. Утром, когда на лодке Серегиного отца дяди Жени доплыли до середины озера и, закинув удочки, вели неспешную беседу в ожидании клева, на ясном небе ярко светил солнце. Помню, отец рассказывал мне, как в детстве он любил играть в футбол. Юный нападающий организовывал в зоне соперника великолепные атаки, а, становясь голкипером, маленький и прыгучий Саша мог брать самые сложные мячи. Потом я узнал от него о Льве Яшине.

Не успел папа закончить свой рассказ, как всё вокруг померкло, налетел шквалистый ветер, засверкала молния, грянул гром и хлынул ливень. Боясь, что лодка опрокинется, родитель причалил к берегу, схватил меня и побежал к раскидистой берёзе. Под её кроной мы переждали бурю. Скоро ураган стих. Наш «крейсер» стоял на якоре, качаясь на волнах. На дне судна стояло полное ведро рыбы. А в нашем озере она жирнее и вкуснее, чем в других водоёмах. Это точно. Заняв свои места в лодке, единогласно решили: на сегодня приключений достаточно. Дома поведали о них маме. Она руками всплеснула и говорит: «Безумцы, да вы хоть знаете, что молния в высокое дерево бьёт?!»

На охоте

Отец мой имел сильнейшую связь с природой. С ружьем на плече довелось ему пройти много километров тайными лесными тропами. Добычей лесных трофеев любил заниматься в компании юных приятелей — курсанта военного училища В. Шагина и жителя Большого Куяша В. Гурака. Главным в охоте для троицы друзей была не добыча, а процесс, азарт, эмоции. Они могли шесть часов простоять в холодной воде ради одного выстрела. Из воспоминаний бывалого охотника: «Лес стоял, будто в сумерках. Его обитатели умело скрывались от людских глаз. Таинство творилось внутри него. Мы с Васей и Валеркой

долго бродили среди деревьев, стараясь услышать пересвист рябчиков. Я читал, что это удается не каждому. Но стоило нам пройти совсем немного, и до наших ушей донеслись позывные рябчика. Сердце радостно затрепетало. Мы спрятались у поваленного дерева и стали привлекать птичку манком. Вскоре послышались хлопки крыльев, и из-за огромной ели показался рябчик, сев на соседнее дерево. Мы точно видели, где он схоронился. Но не могли видеть его за листвой. Направление поворотом головы указала наша собака Вега. Прозвучал выстрел, и рябчик стремглав полетел вниз. Капельки крови падали с чёрного клюва, смешиваясь с дождём. Я никогда не понимал смысла охоты, жалея невинно убиенных братьев наших меньших, поэтому принимал в ней участие лишь один раз. Мне исполнилось 8 лет, когда папа предложил мне посмотреть как он охотится на гагара. Мы сели в лодку и, доплыв до середины озера, стали ждать.

Вдруг в небе появилась птица средних размеров с маленькими крыльями. «Обрати внимание: летит гагара, выдвигая ноги далеко назад, как бы вместо хвоста, — говорил отец, поднимая ружьё вверх. Живут они и даже спят — на воде. А по суше передвигаются очень плохо. Не ходят, а скользят на ступнях, будто ползут на брюхе». Закончив рассказ, охотник спустил курок. Точный выстрел поразил цель. Собака Вега извлекла добычу из воды и доставила хозяину. Довольные собой, мы вскоре воротились домой. Мне поручили чистить шомполом ружье. Всё получилось прекрасно. После такой работы стволы изнутри блестели, что вызывало в душе моей гордость.

Вспоминая детские годы, я ловлю себя на том, что все памятные события той поры имели важнейшее значение. С их помощью познавалась жизнь, развивались память, речь, ум.

Не бывает худа без добра

Вот так мы и жили. Но судьба решила ниспослать на нашу семью ещё одно испытание. Оно прошло мимо меня. Его разрушительную силу познала на себе мама. В начале 1970 года муж объявил, что уходит из семьи, ибо разуверился в выздоровлении сына. И не может жить под одной крышей с инвалидом. Матушка отпустила отца с миром. 14 лет счастливой семейной жизни промчались, как вагоны скорого поезда. Она поверить не могла, что у счастья — короткий век. Всё объясняется просто. Папа не умел решать сложные проблемы. Он потерял смысл жизни, что породило сильнейший стресс. Все попытки близких настроить их на борьбу оказались обречены на провал. И в возрасте пятидесяти лет отец повесился. Ровно через месяц после того, как получил орден Трудового Красного Знамени.

А мамина жизнь шла своим чередом: работа, домашние хлопоты, уход за дворовой живностью, заготовка дров, сенокос. Отрадно, что в круговороте жизненных трудностей не утратила она способности слышать и понимать людей, откликаться на их нужды и переживания. Частенько поздним вечером мама спешила к своей подруге Марусе Скотниковой, страдавшей раком желудка. Помогала ей по хозяйству, старалась поднять настроение, находилась при ней до последнего её дня.

Мне исполнилось 9 лет, когда мама задалась целью дать мне хорошее образование. В те годы инвалидов в обычные школы не брали, а интернатов, в коих процесс обучения и воспитания стоял на должном уровне, было крайне мало. И все-таки мама такое заведение нашла. Хорошие люди помогли.

Много лет другом нашей семьи был Жавдат Нигматуллин — водитель автобуса на внутрирайонных маршрутах. Он остался в моей памяти молодым, добродушным, статным красавцем. Это был тактичный весельчак, балагур, готовый помочь людям по первому их зову. Именно дядя Жавдат рекомендовал маме обратиться за поддержкой к районному адвокату Закирову. И они вдвоем отправились к нему на приём. Из своего кабинета Кадыр Абдрахманович связался по телефону с руководителем райсобеса А. Галимовым и попросил его содействовать в этом вопросе. Тот велел приехать через неделю. Поговорил с мамой, меня расспросил и вынес вердикт: направить мальчика в область на ПМПК. Если специалисты сочтут парня нормальным, пошлём его на учебу в Кусу. Справку с диагнозом «ДЦП без слабоумия» мне выдали. Вскоре мама вместе с Нигматуллиным снова побывали у юриста Закирова, чтобы от души поблагодарить за помощь. Вернувшись в Малый Куяш, они рассказали мне об удивительной судьбе.

Упрямство духа

Его большая жизнь полна интересных событий: нелегкий труд землепашца в хозяйстве отца, участие в комсомольских митингах в Кунашаке, должность второго секретаря Волостного комитета ВЛКСМ. Учеба в Уфе на газетном отделении Комвуза, работа в Магнитке в качестве ответственного секретаря газеты. Кадыр Закиров готовил к публикации первые

стихи уральского поэта Б. Ручьева.

Работа журналиста по рекомендации друга и волею судьбы сменилась учебой на юридическом отделении. Получив диплом, молодой специалист отправился в Троицк, где был избран народным судьей и на несколько лет стал представителем фемиды в городе, рассматривая дела по закону, совести и справедливости.

Лето 1938 года едва не поставило крест на его успешной карьере. К тому времени он женился и стал отцом двух детей. Семья гостила в Кунашаке у его родителей, когда из области пришла весть о доносе на него. Аноним писал, что сестра судьи из Троицка доводится женой главному священнослужителю Челябинска. Опасаясь репрессий, подался Кадыр Абдрахманович в бега и оказался в Узбекистане, где ему пришлось стать профсоюзным вожаком. Решая различные вопросы, он с быстротой молнии носился по всему Турксибу. Но вскоре хлопотную жизнь надо было срочно поменять на спокойное существование. Жаркий климат Средней Азии ему не подходил. Опытный доктор дореволюционной выучки рекомендовала ехать на Урал.

Но Кадыр Абдрахманович рванул в Заполярье. В Мурманской области строился завод по производству удобрений для сельского хозяйства. Хотел на стройку устроиться, а пришлось колесить по району, принимая у населения мех ценных зверей. Вскоре его как единственного грамотея назначили руководить потребительским обществом. Прежний начальник угодил в жернова репрессивной машины.

Там же мог оказаться и наш герой. Но грянула война. Фашисты бомбили город с первых дней лихолетья. Кадыр Закиров занял свое место в армейском строю, его сразу направили на курсы младших лейтенантов. И 26 апреля 1942 года офицер принял командование взводом морпехов. Они составляли элиту войск, сражаясь больше на суше, чем на воде. Взводный обладал смекалкой, знаниями, опытом. Потери личного состава сводились в подразделении к минимуму. 22 февраля 1944 Закиров получил приказ возглавить взвод разведки. А через 5 месяцев круто изменилась вся его судьба.

18 июня красноармейцы проводили разведку боем, т. е. вызывали огонь на себя, определяя, каким числом орудий располагает противник и откуда ведет обстрел наших позиций. Враг тоже не дремал. Когда взводный поднялся во весь рост, чтобы кинуть гранату и подавить орудие неприятеля, фашистский снайпер выстрелили в его сторону. Старший лейтенант почувствовал это и кинулся наземь. Однако разрывная пуля настигла его и повредила глаза. С той минуты мир для него погрузился во тьму. Зрение вернуть не удалось. Зимой 1945 года вернулся Закиров в родной Кунашак, радуясь, что уцелел в кровавой битве, и вспоминая тех, кто с поля брани не вернулся.

Теперь всё зависело от его решимости, воли, самообладания.

Научился жить заново

Теперь ему надо было передвигаться по улицам родного села без посторонней помощи. Ему надо было научиться обслуживать самого себя. И это сражение с судьбой фронтовик выиграл. Не смирился со своей участью. Добился права работать адвокатом. Стал тренировать память. Именно она позволяла ему запоминать наизусть десятки, сотни страниц уголовных дел, прочитанных ему близкими, чтобы успешно защищать в процессах своих доверителей. Одним из них стал мой дядя Анатолий Яковлевич, который в 1961 году оказался на скамье подсудимых за соучастие в финансовых аферах начальства. Ему грозило семь лет лишения свободы. Прекрасная работа защиты доказала, подсудимый денег себе не брал. Ущерба стране не нанес и с учетом положительной характеристики, ратных заслуг дядюшка получил полгода колонии-поселения. В моём сознании образ нашего земляка с непростой судьбой всегда ассоциировался с образом мудрого педагога. Он, герой войны, кавалер ордена Красного Знамени, не изменился от того, что сменил гимнастерку на строгий, «с иголки», костюм да белую рубашку. С ним осталось то, что давало силы не бояться смерти, боли, страданий. С ним остались упорство, настойчивость, смелость. Находясь в зале суда, рядом со своими подопечными, Кадыр Абдрахманович незаметно влиял на них, людей, за плечами которых — жизнь, полная тяжёлых ошибок, грубых проступков, доказанной вины. Ему надо было не просто убедить, а переубедить. И в этом деле важно всё: собственные глубокие знания, сдержанность, логика, доказательство истины, умение убеждать фактами, аргументами. И, наверное, самое главное — это облик самого человека. Из воспоминаний ветерана педагогического труда Р. А. Прокопьевой: «Мне не удалось лично познакомиться с этим удивительным человеком. Но, несмотря на это, я могу говорить о нём с восхищением стойкостью его духа, профессионализмом, умением ладить с людьми, просто жить, как все. Имея огромный круг интересов, он стал настоящим интеллигентом: воспитанным, вежливым, тактичным, скромным; умел сострадать, сопер-

живать, уважать чужое мнение. В бытность работы учителем русского языка и литературы Урукульской семилетней школы я избиралась заседателем кунашакского народного суда, где Кадыр Абдрахманович отстаивал позиции защиты. Когда он начинал говорить, в зале воцарялась тишина. Люди старались расслышать и осмыслить каждое слово. Впервые я узнала об этом человеке еще в отрочестве. Дело в том, что Закиров и мой папа Филатов Алексей Алексеевич прительствовались. Они часами беседовали о превратностях судьбы, о жизни, о войне, дорогами которой протопали сотни верст. А в мирное время оба вели бой за человеческое в человеке».

Испытания сыпались на голову Кадыра Абдрахмановича как из рога изобилия. Еще во время войны, узнав о тяжелом ранении мужа, первая жена спешно ушла от него к другому. Двое их детей остались на попечении свекрови и свекра. Да, не всякая женщина способна полностью посвятить себя больному супругу, даже если некогда любила его без памяти. Тяжела эта ноша. Увы, не всем она по плечу. Судьба подарила этому человеку новую встречу. За плечами Сакины Рахимовны тоже была война. По её дорогам прошла зенитчицей и регулировщицей движения. С 1948 года супруги Закировы шагали по жизни вместе уверенной, смелой, дружной поступью. Говорят, беда не приходит одна. Не будем спорить с народной мудростью. Но вот счастье всегда приходит одно. Одно на двоих — такое же большое, как те люди, которых оно нашло.

Вместо послесловия

Отправляясь в августе 1970 года в Кусинский интернат, я точно знал, что когда-нибудь стану юристом или журналистом, как Кадыр Абдрахманович Закиров. Либо, на худой конец, переводчиком или психологом. Некоторые планы воплотятся в жизнь через двенадцать лет. Но это уже совсем другая история. Она ждет своего часа. А пока передо мной открывались двери в прекрасный мир знаний.

г. Челябинск

Нина Кысса

Деревенская история*

Путешествие в Свердловск

Наступила пора школьных каникул. И мы, деревенские дети, летом шли работать в местное лесничество. Мы выполняли любую посильную для нас работу: кто-то сажал саженцы сосны на вырубленных ранее и вычищенных делянках, а кто постарше — шли помогать лесникам в прореживании мелких берёз, которые мешали расти саженцам сосны. Так как в леспромхозе работали все мужчины из близлежащих деревень, посадкам и выращиванию соснового леса уделялось большое внимание. Лесовозы целыми днями возили сосновые брёвна на пилораму на станцию Полдневая. Там, в основном, работали жители этого населённого пункта и там было много мастеров своего дела. Бондари делали бочки. И я помню, как мои родители заказали там маслобойку. Это такая высокая неширокая деревянная кадушка с крышкой и палкой-взбивалкой. На конце взбивалки была прикреплена крестовина, при помощи которой заквашенное молоко со сливками заливалось в кадушку и взбивались. Полученная после взбивания сыворотка называлась айран. А сверху плавал большой ком масла. Это масло выливали и отжимали, промывали в холодной воде, и это масло было таким чистым, его ставили на медленный огонь в горшке, подогревали, медленно помешивая, и получали топленое масло. Отходов почти не было, так как не было никаких примесей. Холодильников тогда не было, и стеклянные банки с завязанными марлей горловинами стояли в подполе или в погребе.

И вот мы с подружкой Галей заработали по тридцать рублей на посадках саженцев и решили сходить в город Верхний Уфалей — купить себе обновки. Я пишу «сходить», и это было именно так. Тогда не было даже автомобильной дороги из деревень. Лесовозы ездили по накатанным дорогам, которые назывались «лежнёвки». Эти дороги в топких местах были выложены мостками из половинок брёвен, распиленных вдоль. Дороги были узкие, на них не могли ехать две машины рядом и не могли даже развернуться: все ехали до конечного пункта и только там могли производить какие-то манёвры.

Мы отпросились у родителей и, так как путь предстоял не близкий, с утра пораньше вышли в путь. Пошли быстрым шагом, так как рассчитывали к вечеру вернуться домой. Часа через три мы дошли до посёлка Чусовские, зашли к моей бабушке, попили чаю и

* Продолжение. Начало — Графоман № 1/2020.

пошли на автобусную остановку, чтобы доехать до Уфалея. К обеду мы с подружкой были уже в городе. Походили по магазинам, зашли на базар, но ничего не купили: то, что мы хотели, того не было.

Тут я вспомнила, что в городе Свердловске живут знакомые моих родителей: Вениамин Петрович и Мария Ивановна, и мы с Галей решили поехать в Свердловск, тем более что я помнила адрес. Дело двигалось к вечеру, и мы с подружкой побежали на железнодорожный вокзал, на пригородный поезд Уфалей — Свердловск, с остановкой на станции Полдневая. В кассе вокзала мы купили билеты и вышли на перрон, ожидая прибытие поезда. Через некоторое время подошёл поезд, мы зашли в вагон. И вскоре колёса застучали, увозя нас в город Свердловск. Быстренько доехали до станции Полдневая, здесь пассажиров прибавилось. Начало смеркаться. И мы, сидя на жёстких полках, продолжили свой путь. Так и ехали в полудрёме — боялись заснуть, так как в руках у нас были авоськи, а там — завернутые в газету деньги. Мы были такие наивные дурочки: не сообразили даже надеть какую-нибудь одежду с карманами: всё держали в руках.

Рано утром поезд пришёл в Свердловск, и мы вышли на безлюдный перрон. Когда окончательно рассвело, в городе началось движение, открылись магазины, и мы пошли покупать себе обновки.

Я увидела на витрине платье светло-голубого цвета, оно стоило восемнадцать рублей. Я его купила. В обувном отделе я выбрала туфли под цвет платья. Они стоили шесть рублей. Галя купила себе красивый ситец на платье. Она себе всё сама шила: у неё была швейная машинка. Когда мы заканчивали восьмой класс, она сшила мне розовое платье, которое я очень полюбила и надевала только по праздникам.

Походили мы по магазинам, зашли в кафе, взяли пончики и какао, съели по эскимо и, так как денег оставалось уже немного, решили в гости к знакомым не заходить, а пошли на вокзал.

Мы не садились ни в трамвай, ни в автобус. И до сих пор не могу понять: почему мы ходили так долго по городу. Видимо, не зная, что можно добраться на транспорте, следуя деревенской привычке, всюду ходили пешком. Так же мы добрались до вокзала. Купили билет обратно до Уфалея и в ожидании поезда прогуливались по перрону. Вскоре из репродуктора объявили о прибытии нашего поезда. А так как у Гали были проблемы со слухом, она убеждала меня, что назвали третий путь, и повела меня к поезду, который уже должен был отправиться.

Мы успели заскочить в вагон, и тут же поезд тронулся. Билеты никто не проверял. В купе были красивые столики, и сидения были не такие, как в пригородном поезде, и мы поняли, что сели не в свой поезд. Мы молча переглянулись и сели за свободный столик с двумя сиденьями. Я хотела столик отодвинуть, но тут он неожиданно раскрылся пополам, и мой картонный билет, который был в ладони, выпал и упал в дыру, через которую видно было шпалы железнодорожного пути. Я сидела в страхе, что, если пойдут проверять билеты, то я окажусь «зайцем», и что будет дальше — даже не могла представить. Но контролёров не было. Время приближалось к вечеру, а мы ехали и боялись спросить: что это за поезд и куда он прибудет. Остановок нигде не было, а когда остановились, оказалось — это конечная. И никакой это не Уфалей, а ближе к городу Касли, название я уже забыла. Мы спросили у женщины, вышедшей вместе с нами: как нам попасть в Уфалей? Она сказала: «Идите в Дом колхозника, там переночуете, а утром будет автобус в Касли, а оттуда — в Уфалей». Время уже было одиннадцать часов вечера.

В Доме колхозника мы переночевали, с нас взяли по тридцать копеек. Рано утром нас разбудила пожилая женщина, и мы побежали на автобус. Когда приехали в Касли, денег у нас оставалось совсем немного. Увидев большие помидоры, которыми торговали два усатых дядьки, купила два для своих родителей, отдав за них шестьдесят копеек.

Когда доехали до Уфалея, был уже полдень. И, не заходя к моей бабушке, мы с Галей бегом пустились в сторону своей деревни Даутово. Когда мы почти дошли до кладбища, находящееся на краю деревни, начался такой ливень, загремел гром с такой силой, молнии сверкали, освещая всё вокруг, на озере стояла пелена дождя. А чтобы дойти до нашего дома, нужно было пройти через кладбище по тропинке, которая пролегла посередине. До сих пор ощущаю, как мы, насквозь промокшие, со своими авоськами пробирались между могил и вышли наконец к деревне. Когда я зашла домой, родители так перепугались, увидев меня в таком виде, и не могли понять, что со мной случилось. Они думали, что я в гостях у бабушки на Чусовских. Они представить не могли, что я за тридцать рублей объездила почти всю Свердловскую область. Мама мне очень строго попеняла за моё самовольство и сказала, что больше никуда непустит. И чтоб я не заболела, заставила быстро бежать в баню, где была горячая вода и веник.

Дождь перестал, засияло солнце. Дома было тепло и уютно. Мне моё путешествие в город Свердловск казалось просто сном. Но это был не сон: я привезла оттуда платье и туфли, в которых я потом сфотографировалась. Это фото напоминает мне, что я тоже, оказывается, была непослушной девочкой, решившейся прокатиться в далёкий город, не поставив в известность своих родителей.

Вот такая история из моего детства.

г. Снежинск

Празднование Дня пожилого человека

Рассказ о проведении праздника Дня пожилого человека в одной из уральских деревень. Рассказ записан со слов участницы события, старейшей жительницы деревни. По её просьбе не называется деревня и изменены имена персонажей.

Итак, я предлагаю повествование от первого лица, то есть от имени бабушки Зухры, которая является ветераном труда, имеет награды, ей 83 года. И, выслушав её рассказ о том, как с ней обошлись в праздник, я не могла равнодушно пройти мимо такого вопиющего безобразного отношения к самому пожилому человеку нашей деревни.

В молодые годы она много лет проработала в местном леспромхозе, наравне с деревенскими мужчинами работала на лесозаготовках, а когда началось строительство города недалеко от деревни, то она была в рядах первостроителей. Бабушка Зухра 38 лет отдала строительству ядерного центра, из них 20 лет трудилась на стройке, копая лопатой трёхметровые траншеи под фундаменты корпусов завода, а 18 лет — на хлебозаводе пекарем.

В рассказе много примечаний автора: я дополняю повествование фактами, так как являюсь коренной жительницей этой деревни и о жизни своих односельчан знаю не понаслышке.

*

1 октября 2017 года я находилась в своей деревне, где родилась и выросла, и ждала детей и внуков из города, так как были выходные, к тому же был праздничный день: в клубе собирались отмечать День пожилого человека. В деревне я живу только в тёплое время года, занимаюсь огородом, где выращиваю картофель и другие овощи, что является большим подспорьем для семей дочери и внучки. Они приезжают каждые выходные, помогают.

Дом мой находится недалеко от деревенского клуба. И я, празднично одевшись, пошла в сторону клуба, откуда была слышна музыка. Туда же шли детишки, которые приготовили концерт для деревенских жителей. Я очень хотела посмотреть их выступление.

Примерно за неделю до праздника завклубом отправила сборщиков денег по домам жителей деревни со списком, где отмечалось, кто сколько денег внёс для проведения праздника. Но в тот момент у меня не было денег, чтобы оплатить чаепитие в клубе. И я решила только посмотреть концерт и сразу же уйти домой.

Дойдя до клуба, я присела на скамейку. Из репродуктора неслась весёлая музыка. Все скамейки возле клуба были пусты, и я, почувствовав себя неловко, решила уйти домой. Но тут начался концерт, подготовленный детишками. И я осталась посмотреть концерт, хотя рядом со мной никого из жителей не было. Концерт длился недолго, и после его окончания все пошли в клуб, оттуда была слышна музыка и весёлые голоса.

Меня никто не приглашал. Завклубом несколько раз проходила мимо меня, даже не удостоив взглядом. Тут я вспомнила, что не внесла денег для чаепития, и решила без приглашения в клуб не заходить. И, опираясь на свою палочку, пошла в сторону калитки.

Но тут на площадку вышел местный житель, молодой парень Алимбай, и стал так выплясывать, да так самозабвенно он притопывал, приседал и крутился, хлопал ладонями по полу, что я невольно остановилась и опять присела на скамейку — уж очень зажигательно он выкидывал коленца, как настоящий артист!

Сердце защемило от мысли, что его родители не видят, какой у них сын танцор, да и работающий он парень, но до сих пор не женат, живёт одиноко и бедно. В деревне нет работы, и Алимбай перебивается случайными заработками. И жилья у него своего нет, хотя руки золотые: всем помогает, профессия у него нужная — плотник. Хорошо, что его приютила родственница одинокая, теперь он ей как сын, помощник в хозяйстве.

Думаю я об Алимбае, люблюсь его пляской, а смотреть на такого артиста и некому. Сижу, и грустные мысли всё это навеяло, решила я пойти домой. А в голове мелькнуло: почему наших жителей не приглашают участвовать в концертах, приуроченных к разным праздникам? В наших деревнях много доморощенных талантливых гармонистов, певцов и танцоров, которые не прочь порадовать своих земляков и выступить на сельской сцене. А устроители праздников почему-то стараются пригласить артистов из удалённых населённых пунктов. Я посидела ещё немного, полюбовалась пляской Алимбая, подумала: «Пусть парень отрывается! Жизнь у него невесёлая, одинокая».

Тем временем музыка продолжала играть, на площадке были только дети и танцующий Алимбай. В клуб заходили дети, которые участвовали в концерте, там чувствовалась праздничная суета, оттуда шёл запах вкусной еды: видимо, там накрывали столы.

На меня никто не обращал внимания. Почувствовав себя неудобно, я встала и, опираясь на свою палочку, снова пошла к калитке. Когда я спускалась по ступенькам, из клуба вышла завклубом и, даже не поздоровавшись, снова прошла мимо. А через минуту она, возвращаясь, бросила мне мимоходом: «Заходи, чаю попьёшь». Я ответила, что пошла домой и чай дома попью. Она не настаивала и быстро закрыла за собой дверь.

В клубе был праздник в самом разгаре: слышался смех, весёлый шум. Тут из клуба вышла родственница главы поселения. Я спросила: «А что там в клубе?» Она ответила: «Зайди и посмотри». Любопытство взяло верх, и я, потихоньку поднявшись по ступенькам, приоткрыла дверь и заглянула внутрь помещения. На меня даже не посмотрели: все были заняты поглощением пищи и спиртных напитков. И, что самое интересное, за столом сидели все родственники завклубом, а дети, участники концерта, сидели за отдельным столом. А жителей деревни, с которых собирали деньги на праздник, почему-то не было, возможно, они тоже не смогли заплатить, как и я.

Деньги должны были все сдавать, а кто придёт или не придёт — это никого не волновало. И почему-то никого не интересовало: почему с бабушек, которых осталось несколько человек в деревне, собирают деньги за чаепитие. И сумма тоже немаленькая: ведь на 200 или 300 рублей, которые требовалось сдать, я могу купить сладостей на целую неделю, и буду пить чай со своими сверстницами, и время пройдёт незаметно за разговором и воспоминаниями, тем более что нам есть, что вспомнить.

И в душе негодуя на себя, что заглянула без приглашения, поспешила закрыть дверь. Чувствуя мерзкое ощущение от унижения, тихо побрела домой.

Помню, как два года тому назад участвовала в чаепитии: тогда я заплатила за угощение. Выпив чашку чая и съев одну конфету, ушла домой, так как там было очень шумно, громко играла музыка. Подвыпившие из числа родственников завклубом гуляли до поздней ночи.

На следующий день приехали дети с внуками, привезли подарки, поздравили меня с праздником. Я рассказала им, что не была приглашена в клуб, потому что не внесла денег. Дочь с зятем попросили меня больше не ходить в клуб и не терпеть такое отношение. Они были возмущены тем, что с бабушек требуют деньги за чашку чая, хотя на проведение праздника выделяют средства из администрации, а хозяева пилорам всегда финансируют все праздники.

Раньше таких поборов с населения не было, а на столах всегда было обильное угощение, бабушкам дарили подарки и со сцены говорили в их адрес добрые слова.

Эта порочная практика — собирать деньги на праздники — появилась, когда в нашей деревне сменилась завклубом.

Возможно, про эту «бухгалтерию» не знает руководство управления культуры. Но неужели мы, старожилы, коренные жители деревни, должны платить за праздник, который устраивают для нас? Почему мы не имеем возможности посидеть в клубе за самоваром, попеть свои песни, пригласить своих деревенских гармонистов, и чтобы веселье было для всех, а не для узкого круга лиц, заинтересованных только в сборе денег?

Сижу я дома вечерами, размышляю о своей прожитой жизни, которая прошла в труде нелёгком, всё-таки 38 лет трудового стажа! Бабушек в деревне с каждым годом становится всё меньше, и мне горько от мысли, что мы, старики, никому не нужны. В деревне хозяйничают приезжие люди, не имеющие отношения к ценностям нашей культуры, нашего народа. Хотя деревня наша исконно башкирская, где издревле почитали стариков и уважение к ним впитывалось с молоком матери. И очень беспокойно на душе от осознания того, что в наших деревнях уже нет сплочённости, как раньше, и люди недружны, и окрестности превращены в свалки.

Не хожу я теперь на праздники, хотя прошло уже три года, но горечь и обида сидят в душе. Не могу смириться с мыслью: почему мы, старики, стали не нужны нашей власти? И что мы оставим потомкам после себя, за что воевали наши деды и отцы, победившие фашизм, поднявшие страну из руин. Не можем воспрепятствовать кучке людей, которые набивают карманы без зазрения совести.

Вот так и живёт деревня: проблем много, но никто их не решает, и беспределу нет конца.

Примечания автора

Наше озеро является памятником природы, и, как у всех водоёмов, у него должна быть природоохранная зона, которая в настоящий момент отсутствует. Кладбище на берегу озера,

где похоронены наши предки, среди которых участники Великой Отечественной войны, ветераны труда, люди, которые бережно относились к природе, садили лес (в настоящее время безжалостно вырубленный), кто защищал свою малую Родину, превращено в отхожее место для приезжих, так как теперь рядом с их могилами расположился платный пляж.

Вековой переулочек в деревне, выходящий к озеру, приватизирован и продан вместе с домом. В настоящее время в двух метрах от озера возводится коттедж, хозяин которого владеет всем берегом озера на расстоянии трёх километров. Он является арендатором пляжа и жителей деревни не пускает купаться. На берегу озера со стороны своего участка поставил ворота, через которые вывозит катер и моторные лодки, перекопал весь берег, возвёл пирс для аренды своего водного транспорта. Возомнил себя хозяином «жемчужины Урала», всячески препятствует жителям деревни использовать их любимое озеро.

г. Снежинск

Валерий Мякушко

Индикатор здоровья

Графман № 2(42) - 2020 70

Что такое индикатор здоровья? Простейший — термометр, например. Сунул под мышку, если он ртутный, или просто направил на тело, если инфракрасный, и пожалуйста. Если 36,6 — радуйтесь жизни, идите на учёбу или работу (даже если не хочется), на встречу с друзьями, и так далее. Ещё пример? Измеритель артериального давления... И то, и другое имеется почти в каждом доме, всегда под рукой. И в одном, и в другом заложена определённая шкала здоровья. Если зашкаливает, оставайтесь дома, глотайте лекарства или вызывайте врача... Лечитесь, одним словом, тем или иным способом.

А вот как быть с вашим психическим здоровьем? Можно ли определить, что пить: валерьянку, или глотать успокоительные пилюли, прежде чем идти на учёбу или работу, портить своим настроением встречу с друзьями и так далее. Последствия психических отклонений весьма и весьма разнообразны.

Отвечаю: можно, и для этого у каждого из вас есть такое техническое средство — телевизор. И каждые пять-десять минут почти по всем каналам предоставляется, хотите того или нет, транслируется... реклама. Остаётся только воспользоваться соответствующими методическими рекомендациями.

Итак, почти по всем каналам одновременно (хотите того или нет) включается реклама. Не нажимаем кнопку отключения звука (даже если обычно так поступаем), фиксируем самый нетерпимый для вас фрагмент. Например, возьмите кредит на самых льготных условиях. А у вас уже имеется кредит, а может, и не один, причём на других, худших условиях. Или вас достают настойчивыми рекомендациями по выбору дешёвой гостиницы, а вы никуда не выезжаете уже много лет, а то «брыськис» для кастрированных кошек, даже если у вас кошек нет и никогда не было. Скидки на шубы до 80 %, а вы уже купили шубу по полной стоимости... Успокой геморрой... Вы этого достойны! И тому подобное.

Шаг второй — смотрим новости, фильм, спортивное соревнование или что вы смотрели другое, прерванное рекламой, ждём повторения рекламы. Долго ждать не приходится — вот она. Если уже вы уже на этой стадии готовы разбить телевизор или удавить авторов, у вас высшая, «красная» степень психического расстройства. Можете открывать вашу домашнюю аптечку.

Если ещё нет такого желания, повторяем шаг второй, И так далее — определяем «жёлтый», «синий», «зелёный» уровни устойчивости и принимаем соответствующие лекарственные меры коррекции.

Если же вам наплевать на условия кредитов, гостиницы, препараты для кошек, цену шуб и тому подобное, с психикой у вас всё в порядке. Можете больше не экспериментировать и при рекламе смело нажимать кнопку «Откл.».

Тест ДНК

— Итак, Волк, вы утверждаете, что зверёнок у Лисы — не от вас? — спросил Медведь, ведущий программы.

— Конечно, не от меня! Посмотрите на него: он больше похож на барсука. Или бобра.

— Лиса, что вы можете сказать по этому?

— Да, с Волком мы состояли в разводе. Но отношения наши не прекращались.

— Ложь! — взвыл Волк. — Она всё это время путалась с Барсуком и Бобром. И не только.

— На поляну приглашается Бобёр! — объявила Сорока.

— Ты, Лиса, что такое говоришь? — набросился на Лису вошедший Бобёр. И пояснил собравшимся: — Я только один раз был у неё в гостях, И мы не соприкасались даже.

— Рассказывай! — возмутилась Лиса. — Как только вошёл ко мне, сразу стал лапать.

— Как я мог лапать, если у тебя уже сидел Барсук?

— Не ври!

— Да я тебя сейчас за такие слова...

— Успокойтесь, не деритесь, — стал между ними Медведь.

— На поляну приглашается Заяц! — возгласила Сорока.

— Скажите, Заяц, какие у вас были отношения с Лисой?

— Никаких! Она же могла меня съесть. Однажды по неосторожности пробежал мимо, так она набросилась на меня — еле ноги унес...

— На поляну приглашается Барсук!

— Здрасьте!

— Садитесь, Барсук! Признаёте ли вы, что от вас у Лисы...

— Ни в коем случае!

— Да, но вы же заходили к Лисе в гости?

— Признаю, заходил. Но в это же время Лиса бегала в деревню за курятиной. И там — она сама рассказывала! — на неё налетел Петух. Да и Шакал часто у неё ночевал...

— Бреешь! — вскочила Лиса.

— Безобразия! — вздохнула Белка, выступающая от общественности.

— Нарушены законы леса! — возмутился Лось-адвокат.

— Уму непостижимо! — сузила глазки Рысь-актриса.

— Ответ на эту весьма запутанную историю даст тест ДНК, — объявил Медведь. — Кто же отец зверёныша у Лисы? Через пять минут всё тайное станет явным. Дятел, открывайте конверт.

— Тест ДНК показал, — огласил Дятел результаты анализа: — С вероятностью 99,9 % отцом является... Заяц!

Отстаём!

Что ни говори, а отстаём мы от Запада, даже если очень хотим в чём-то им соответствовать. Кого-то, конечно, коробит, например, от вида, как один мужик лезет на другого с похотью; но вот к предложению называть родителей по номерам, а не «мама» и «папа», стоит присмотреться повнимательнее.

Вот сейчас, на примере моей семьи, что мы имеем? Жена и особенно тёща совсем перестали считаться со мной: то не то делаю, то не так хожу, и так далее. А вот если бы я был узаконен как «родитель № 1», то всё стало бы на свои места. Признаю, что, учитывая соотношение сил двое их против меня одного, на «№ 1» рассчитывать (на победу) не приходится. Да и мать у ребёнка, что ни говори, всегда одна, а вот отцов, судя по телевизионным передачам, может быть и два, и три, и так далее. Но жена у меня не такая, так что вполне могу рассчитывать на «№ 2» для меня даже без теста ДНК. И это уже хорошо, потому что на этот номер могла позариться тёща. Она у нас такая!

Называть родителей по номерам имеет значение и с точки зрения развития ребёнка. Вот сейчас мой сынишка говорить ещё не умеет, а лопочет «ма-ма» и «па-па». А ведь ему надо учиться разговаривать. Детям это даётся не сразу, особенно долго они не могут выговаривать букву «р». А вот когда придётся произносить «р-р-родитель номер-р-р...», да не один раз, просить так, чтоб поменяли подгузник или кормить стали, освоение речи пойдёт значительно быстрее. Метод опережающего развития, можно сказать.

Огорчает, что президент страны заявил: у нас будет только «мама» и «папа». Отстаём от Европы! Но... президенты сменяются!

Они — тоже

Суд над кинопродюсером Харви Вайнштейном, деятелем американской культуры, а также насильником и сексуальным извращенцем, в Нью-Йорке вызвал большой общественный резонанс — возникло целое движение обиженных женщин — «Me Too» («Мы тоже»). И какие люди — голливудские звёзды Анджелина Джоли, Гвинет Пэлтроу, Сальма Хайек... Более восьмидесяти пострадавших. Вот одна из них.

— Расскажите как было дело, — с непроницаемым лицом, отражающим отсутствие эмоций и в столь неординарном процессе, обратился судья к пострадавшей.

— Он хватал меня за грудь и предлагал в постель.

— Дальше что?

— Дальше я ему сказала: в постель только тогда, когда он обеспечит мне получение «Оскара».

— А он что?

— Он сказал, что может гарантировать только номинацию на «Оскар».

— А вы что?

— На такое я не соглашалась!

— Подсудимый, что вы скажете на это обвинение?

— Скажу, что имел некоторое влияние на присвоение «Оскара», но претендентов и их влиятельных покровителей там много. Так что, как человек чести, не мог обещать.

- Вы удовлетворены ответом?
— Нет, потому что он полез руками под юбку.
— А «Оскар» вы получили?
— Нет!
— Господа присяжные, — обратился судья к членам жюри, состоявшем из семи мужчин и пяти женщин. — Что вы скажете на это? Ваш вердикт — виновен или нет?
— Виновен! — был ответ.

Сидеть дома

Пандемия! Коронавирус охватывает континенты и страны. Отправили на трёхдневные каникулы школьников к великой их радости. Запретили выезд за границу туристам, а возвращающихся оттуда помещают на двухнедельный карантин... Кто-то стремится избежать этой процедуры, как, например, главный инфекционист-эпидемиолог одной из областей, заболевшая после зарубежной командировки и, может, до того заразившая многих. Дура баба, хоть и профессор!

А тут ещё президент наш объявил неделю нерабочей — сидите только дома. Здоровье нации самое главное, хотя ущерб экономике большой. Правда, государство обещает некоторую компенсацию убытков предпринимателей. Говорят, понадеялись было на то пособие и домушники: к квартирам не подступиться, никакого дохода.

Так что сидим дома. Можно обстоятельно заняться тем, до чего в быстротекущих буднях порой руки не доходят — воспитание детей, генеральная уборка, чтение... Для любящих людей это будут счастливые дни, для воюющих меж собой хорошая возможность для объявления перемирия.

А что те, кто оказался далеко от дома? Они тормозят наши консульства, чтоб скорее вывезли. Как, например, молодая чета Хокиных, позарившаяся на обесцененные путёвки, прибывшая в Рим и к удивлению своему обнаружившая там закрытые музеи, пустынные улицы с сердитыми карабинерами, негостеприимные отели.

Сидим дома, проветриваем помещения и моем руки. Вот только, чтоб зайти в ванную, надо взяться за ручку двери грязными ещё руками, затем открыть ими кран. А тщательно, по инструкции вымыть руки, взяться за загрязненные ручки в обратном порядке.

Будьте здоровы!

Маска

Вообще я против ношения масок, что в карантин нам навязывают. Был против! Как и мой друг Сенька. Идём по улице, как ни в чём ни бывало, а нас останавливает патруль: «Где ваши маски?» Причём зачастую спрашивают почему-то одного меня. Потом понял почему — физиономия у Сеньки такая, что в сумерки кажется — он в маске. Короче, останавливают, проводят воспитательную беседу. А на деле не дают свободно дышать воздухом.

Вскорости Сенька загремел в больницу — контакты имел не только со мной. Коронавирус в тяжелой форме. Мимо меня пронесло эту пакость, и я из предосторожности стал носить маску.

И, вы знаете, увидел в этом не только защиту, но и ряд других преимуществ.

Бриться теперь можно не каждый день, а через два-три, например.

На работе вызывает начальник. Надеваю ещё одну маску, но так чтоб незаметно было что две.

— Вы почему всё время опаздываете на работу? — спрашивает грозно.

— Мм... м... м, — я ему в ответ.

— Что-что? — конечно, ничего он не поймёт.

— Мм... м!

— А вчера где были?

— Бу-бу-бу...

Начальство — люди, как известно, очень занятые.

— А! — машет рукой — иди, мол, с глаз долой.

А вот ещё пример. Иду по улице и вижу — навстречу Гамов. Ё-моё! Я же ему давно обещал отдать взятые в долг десять тысяч. Надвигаю маску под самые глаза... Гамов останавливается выпучившись и раскрыв рот, пытается опознать — я это или не я? А я прохожу мимо дальше, соблюдая рекомендованную социальную дистанцию безопасности.

Есть много и других преимуществ. Кто носит маску, тот знает!

Рваное ухо

Больные экстренного хирургического отделения дремлют после обеда. Тишина, в которой витают робкие надежды, невнятные тревоги и даже страх. Кто-то уже успешно прошёл Рубикон в операционной, кого-то он ещё ждёт, а кто-то радуется, что в жизненных планах его пока нет. Коридоры пусты. Только медсестра на посту, пользуясь свободным часиком, приводит в порядок свои записи и готовит лекарства к вечерней раздаче. Хирурги после напряжённого рабочего дня наслаждаются спокойным началом дежурства. А впереди ещё сутки работы, таящие в себе разные неожиданности. Зыбкое, коварное затишье.

Бригада отдыхала. Потягивали крепчайший кофе, подчищали «хвосты» в историях болезни своих больных, переписывали протоколы дневных операций в журнал, болтали о пустяках, пытаясь отвлечься от тревожного ожидания.

— Коллеги, а давайте сыграем в русскую, вернее, дежурную рулетку. Ставлю сто рублей, что до утра сегодня операций не будет. Кто согласен рискнуть? — неожиданно предложил второй в бригаде оперирующий хирург.

— Лучше бы вообще поступлений не было — подхватил первый. У меня завтра большой операционный день. Отдохнуть бы часика два-три. Ладно, отвечаю своей соткой. Будут операции и, думаю, не одна.

— Поддерживаю! — подал голос третий. — Вношу свою ставку. Мелкие травмы не считаются, но первый же аппендицит, и плакала твоя двухсотка.

Похихикали, разбили руки спорщикам и каждый занялся своими делами. События на дежурстве, как и в жизни вообще, настолько многоцветные, разнообразные, что пытаться предугадать их дело безнадежное.

Самолёт из Москвы прилетел вовремя, в 21:00 местного времени. Среди его пассажиров выделялся молодой мужчина в дорогом импортном костюме, каких Мосшвейторг не выпускает, с коричневым портфелем в руке, то жене с нашей фабрики. Он приковывал к себе мимолётные взгляды своим необычным взором на окружающих. Так пастух смотрит на своё стадо бурёнок, собираясь их куда-нибудь перегнать. Представитель ЦК ВЛКСМ прилетел на отчётно-перевыборную областную конференцию. Перевыборной она была только по одной причине. Предстояла смена первого секретаря обкома ВЛКСМ. Он переходил на партийную работу в обком КПСС, новенький готовился принимать дела. Кандидатура на освобождающееся кресло по рекомендации ЦК была одна. Вот она и встречала гостя из Москвы. Виктор Степанович Алексашин. Встретились. Поручались. Даже обнялись и быстро нырнули в приятное тепло «Волги». Пошёл небольшой снег. На дороге заюлила шустрая позёмка. Видимость постепенно сокращалась. Мало помогли и включённые фары. Москвич стал проявлять едва заметное волнение. Встречающий, сидя на месте рядом с водителем, повернулся к гостю и по возможности старался отвлечь его от дорожной обстановки. Пристязной ремень пришлось ослабить.

— Тимур Аркадьевич, а у меня для вас два сюрприза, личный и по работе. С какого начнём?

— Ну, дорогой, не надо загадок. Говори сразу, чего хочешь.

— Тогда — с личного. Сейчас мы до гостиницы заглянем в одно тёпленькое местечко, где нас с нетерпением ждут прекрасные представители нашего актива. Попаримся, поужинаем, чем бог послал, как говорил известный герой Ильфа и Петрова, потом уж и отдыхать будете.

— О! Банька это хорошо, но только после конференции, не сегодня.

— Тогда переходим к подарку для комсомольцев.

— Для всех? Какие вы щедрые. Ну-ну!

— Мы пригласили актёра из драмтеатра. Он в гриме Владимира Ильича перед началом заседания выйдет на трибуну и скажет знаменитые слова: «Учиться, учиться и ещё раз учиться».

— Интересная задумка. Только чтобы карикатурно не получилось. Грим будет надёжный?

— Этот актёр уже играл Ленина в «Кремлёвских курантах», так что всё будет на высшем уровне.

Что-либо сказать, Тимур Аркадьевич не успел. Машину вдруг занесло, она юзом заскользила по трассе, сделала полный оборот и, встав на два колеса через мгновение, как в замедленном кино, нехотя завалилась на бок.

Хирурги вернулись с вечернего обхода. Отделение готовилось ко сну. Больных, вселяющих тревогу за их состояние, не было. Руководитель бригады не спеша перебирал старые номера «Роман-газеты».

— Целая пачка, а почитать нечего.

— А больные зачитывают до дыр.

Завязывающуюся дискуссию прервал звонок городского телефона. Все переглянулись. Второй хирург взял трубку и, послушав, протянул её первому.

— Тебя просят. Мужик какой-то.

— Алло! Да! Первый слушает! — И после длительной паузы: — Хорошо! Обязательно! — положил трубку — Ничего не понял. Звонили из горкома партии, сказали, что к нам везут пострадавшего в автомобильной аварии и просили уделить ему максимум внимания. Причём здесь горком?

— А что, без этого звонка мы бы шалая-валяй работали? — удивился третий.

— Они так думают! Ладно! Я пошёл в приёмник, а кому-то стоит приготовить две сотки. Спорщик хренов.

Минут через пятнадцать водитель «Волги» возбуждённо рассказывал:

— Мотоцикл выскочил из мглы как чёрт из табакерки и прёт прямо на меня. Я по тормозам, а дорога скользкая, ну и пошли юзом. Крутанул баранкой туда, сюда, да так, что встали на два колеса, а потом завалились набок. Слава богу, москвич не пострадал, а вот у Виктора Степановича что-то с ухом. Оно как-то попало под ремень. Кровило здорово. Я сразу наложил повязку. Поймал попутку, москвича доставили в гостиницу и сразу к вам. Дежурную попросил сообщить в горком. Будущий секретарь обкома всё-таки. А меня теперь точно уволят... Вам должны позвонить.

— Уже! Хорошо! Всё ясно. Сейчас мы им займёмся, а вы успокойтесь и идите домой. Завтра утром узнаете подробности.

Алексашина быстро переодели и сразу на каталке доставили в операционную. Аккуратно сняли повязку. Кровотечение уже прекратилось. Правая ушная раковина была почти полностью оторвана и висела на частично сохранившейся мочке. По хирургическим канонам следовало одним движением пересечь узкий перешеек, соединяющий её с головой и полностью удалить несчастное ухо. Пришитый ушной хрящ, как правило, не приживается. Но это же было ухо будущего первого секретаря обкома ВЛКСМ. Какой же будет лидер молодёжи с одним ухом? Смех один. И хирург рискнул. Одно дело рисковать, надеясь на авось, и совсем другое — обеспечить по возможности риск всем, что может привести к успеху. В хирургии такие ситуации не новость. Тщательно, с максимальной атравматичностью, косметическими швами он пришил ушную раковину и наложил повязку. Вернулся в ординаторскую.

— Мужики! Передачу будете мне носить? Ухо будущему первому секретарю обкома ВЛКСМ я не мог отрезать. Пришлось пришить. Шансов на то, что приживётся, почти нет, хотя я очень старался.

Городской телефон резанул по ушам требовательным звонком.

— Не берите трубку, это опять из горкома партии... а мы все в операционной... Чего я им сейчас скажу? Только через сутки всё станет ясно.

До утра поступлений больных не было, но этой травмы было достаточно, чтобы первый не спал. Пострадавшего перевязывал ночью три раза. Пациент терпеливо и молча переносил процедуру. Ухо было тёмно-багрового цвета.

От дневных операций его освободили.

— Ушных дел мастер, занимайся своим секретарём и суши сухари, — пошутил заведующий отделением — повезло, так повезло! А вообще-то ты молодец. Я посмотрел на перевязке, вроде ухо-то живое, хотя рано ещё что-либо говорить.

На следующее утро герой дня примчался на работу в пять часов и, сдерживая внутреннюю дрожь, снял повязку. Живёт!! Отёчное, синюшное, но живое. На утренней пятиминутке его все искренне поздравляли.

На второй день после происшествия голос Америки сообщил:

— На двух оппозиционных лидеров молодёжи в СССР совершено покушение. Одному удалось спастись, а второй остался инвалидом, потерял слух.

Через десять дней Виктора Степановича выписали, но он так и не стал первым секретарём обкома ВЛКСМ. Нельзя! Ухо рваное! Враги могут неправильно истолковать. Да и конференцию москвич откладывать запретил.

Тимур Аркадьевич после возвращения в Москву был выведен из состава ЦК ВЛКСМ, а Виктор Степанович стал секретарём сельского райкома комсомола.

г. Челябинск

В июне 2020 г. исполнилось 80 лет писателю и драматургу

Михаилу Семеновичу Рудковскому.

Поздравляем нашего постоянного и активного автора с юбилеем,
желаем здоровья, счастья и новых произведений.

Горькое

Докурим злую нашу скуку,
что жизнь — одна
и смерть — одна,
что каждой фразе, слову, звуку
не избежать двойного дна,
наполним дымом горькой правды —
одной из многих горьких правд —

стихи и спрячем их в тетради,
как прячут в ящик путь назад,
туда, где рвань — что было тонко —
сшивает вера, как скорняк,
где ветер треплет распашонкой
цветы жасмина у плетня,
и лепестки слетают в зыбку,
что и взаправду так зыбка,
где носят траур, как улыбку,
и ждут вестей издалека.

г. Горловка

Тильтан-Лаван

Невыносимо

Что такое поэт? Это — аккумулятор боли и радости. У Тильтан-Лаван — беспредельный диапазон боли и великая отзывчивость нервов. А такое редко бывает у интеллектуальной поэзии. Душа поэта — как сквозная рана в своей цветаевской открытости и отваге.

Читаешь и удивляешься: неужели ещё есть такие поэты — умные, тонкие, чувственно пронзительные? Слава богу — есть. И живёт такой поэт в Сибири, в городе Киселёвске.

кай

...и брось говорить, что желаешь ты мне добра.
Не верю я. Вот те крест (и пусть меня съест Годзилла).
В моём сердце — чернобыль. Чёрная, блин, дыра.
И я не хочу, чтоб ты в неё приходила.

Здесь вечно трещит проводка. Мигает свет.
В моей радиации сдохла последняя птица.
Она там под деревом. И по ночам скелет
таким жутковатым неоном тихо лучится.

Мой кот много раз уходил отлежаться в лес.
В последний — девятый — так и не возвратился.
И после заката теперь с кошачьих небес
глазами блестит. А ещё — пару раз приснился.

И здесь почему-то ни разу не таял снег.
И это порою просто невыносимо.
Мой дом на холме плывёт, как разбитый ковчег,
сквозь ядерную бесконечную зиму.

Приёмник чинить да читать — вот и весь мой квест.
В помехах и буквах искать какие-то смыслы.
В зиме — очень много пробелов и тёмных мест.
Но я — её маленький Кай. Ныне и присно.

Вот так и живу. Вполне себе ничего.
(а если я вру — так пусть меня съест Годзилла.)
И нет никаких желаний. Ни одного.
Я лишь не хочу, чтоб ты сюда приходила.

прет-а-порте

На этом всё. Пальто прет-а-порте
осквернено бездарно голубями.
Уездный «елеграф» с отпавшей «Тэ»
закрыт. И отказал мне в элеграмме.

My soul, я не смогу связаться с Вами.
Хронически застрявшим в неглиже
и получившим (поздравляю) ПМЖ
на куревом протравленном диване.

...и неказистенько, по строчке тротуара,
как первоклассник в прописи косой,
выводит дождь размытое: «не-па-ра».
И до чего же грустно, божемой!

Не-па-ра-я-и-вы. И в том вся суть.
Я в этом N-ске старше лет на двадцать
как будто. И мне хочется ругаться
на рынке за кочан капусты. Жуть.

Давайте — бросим. Бросим надрывать.
Резину, воз, кота — тянуть, тянуть.
И мне и Вам давно пора признаться,
что мне и Вам — не нужен «кто-нибудь».

Как грустно. как-же-груст-но. боже мой.
И — вот ведь что. Такая незадача...
Я без зонга, а дождь уже стеной.
Прет-а-порте убито. ...да, я плачу.

я давно потеряла твой след

Я давно потеряла твой след.
Он остался под палой листвой.
Утром выйти на парапет.
И упасть в этот город немой.

В его тёмный разверстый рот.
Кирпичом и железом набитый.
Чтоб виском об ноябрьский лёд.
И лежать вот так. неприкрытой.

Чтобы дворник меня нашёл.
Чтоб накинул свою фуфайку.
Чтоб ещё кто-нибудь подошёл.
Чтоб вздыхал, охал, ойкал, айкал.

Кое-как завернув в пакет,
чтоб за ноги меня тащили.
Чтобы яркий, багровый след.
Припорошённый снежной пылью.

Чтоб катились с открытых губ
капли — ягодами рябины.
Чтоб спросонья был зол и груб
вечно пьяный прозектор-скотина.

И никто чтобы не опознал.
Просто номер — чернилами синими.
Только клён бы под ветром стонал,
окликающая меня по имени.

Только б слышать. Идти на зов.
«Я пришла...» — прижаться, обнять.
Сквозь кору — всю из ран и бугров —
просочиться. И деревом стать.

холодец

Как быть, когда всё так осточертело.
В подъезде кто-то варит холодец.
На землю, тонко застланную белым,
заката свежевспоротый рубец

отсвечивает трепетно и ало.
Как розги мокрые, висят, чернея, ветки.
Соседка (то ли Элла, то ли Алла) —
с набитым ртом, с пустой грудною клеткой —

не унимаясь, давит на звонок.
Не открываю. Жду. Смотрю в глазок.
«Изыди. Сгинь, анафема. Уйди!»
Как жутко громоздятся бигуди.

Как будто носит мозг она снаружи.
Ушла, однако. Доедать свой ужин.
А я — смотреть в раскрытый зев окна.
Там, зубы сжав, застыла тишина.

А небо на боку уже лежит.
Лучом последним рану прижигает.
Но чувствую всем телом — как болит.
И темнотой по краю подтекает.

г. Киселёвск

Илья Весенн

Жди, удача-недотрога, нас у Радужной реки

78

Граффити № 2(42) - 2020

Зов души

Долой сомнения и печали,
 прочь воздушные мечты.
 Каждый день, как и вначале,
 достичь желаем высоты.
 Настежь окна, шире душу —
 зря ведь нечего рыдать.
 Надо больше небо слушать,
 а не в страхе умирать.
 Наслаждайся той минутой,
 что для счастья нам дана.
 Поскорей срывай-ка путы,
 не страшит пусть седина.
 Ощути себя свободным
 от проблем и суеты.
 Главное, не быть голодным
 и без чувства красоты.
 Впереди светла дорога,
 и не в тягость рюкзаки.
 Жди, удача-недотрога,
 нас у Радужной реки!

Виденье мастера

Мастер смотрит на мольберт
 Вдумчиво и даже нежно.
 Краской пачканный берет
 на кудрях повис небрежно.
 Виденье грезит перед ним:
 польку девушки танцуют,
 на лицах дев белеет грим,
 а сзади лошади гарцуют.
 В сёдлах рыцари в доспехах,
 копыта острые торчат.
 Слева, вроде как для смеха,
 клоун кормит трёх галчат.
 Царит всеобщее веселье —
 в небе шарики цветные.
 Попасть на полотно — везенье,
 везде узоры расписные...
 Застыл задумчиво художник,
 упорно думая о том
 (мыслей он своих заложник),
 что дальше делать с полотном?
 Ждёт мастер чуда, озаренья,
 вдруг муза кисти освятит!
 Тогда реализуется виденье,
 творить возникнет аппетит.

Та деревня

«Растуды её в купель!» —
 так в деревне говорят.
 Я родился не теперь,
 будто сотню лет назад.
 Почему я так решил,
 прямо на ночь глядя?
 Вроде мне хватает сил,
 и живу я не в накладе.
 Вспоминаю ту деревню,
 всю в малиновом цвету:
 Мужики подобны кремню,
 стрелы ловят на лету.
 А девицы краснолицы,
 хороши, как на подбор!
 Есть и феи, есть и принцы,
 в волосах прямой пробор.
 А сады от яблок пухнут,
 и вишнёвый брызжет сок.
 Искры памяти не тухнут
 и набатом бьют в висок.
 Та деревня на пригорке,
 ниже речка с родника.
 Топоры стучат на стройке,
 крыши смотрят в облака...
 Жаль, история коварна,
 поломала, что могла.
 Жизнь казалась лучезарна,
 но накрыла небо мгла:
 Прочь деревни и совхозы,
 сгинь, родимая земля!
 И пропали все берёзы,
 и речушка что змея.
 Не распаханы просторы,
 и не косят в поле рожь.
 В той реке теперь заторы,
 ту деревню не найдёшь.
 Лишь забытые погосты,
 полусгнившие кресты.
 От берёз одни наросты,
 их весной клюют клесты...
 Так уже десятки лет
 моя память всё хранит.
 Хоть деревни моей нет,
 но душа по ней скорбит...

Волнующий вопрос

Автомобильные потоки
 режут города на части.
 Шум стоит как в караоке,
 где бушуют страсти.

Банки, щупальца раскинув,
свой незримый правят бал.
Социализм, навеки сгинув,
народу ничего не передал.
Каждый день надежда тает,
что завтра будет веселей.
И опять народ страдает
«на корабле без якорей».
Несёмся мы в потоке жизни,
гонимы шкодливой судьбой.
Желаем, чтобы нам до тризны
остаться со своей страной.
Страна моя найдёт дорогу,
ведь это было много раз,
Но только если на подмогу
идёт окрепший средний класс.
И олигархи сгинут на Канары,
в стране оставив капитал.
Не оказаться бы на нарах
за то, что здесь я написал...
Кому же нары, а кому Канары? —
людей волнующий вопрос.
И каждый, молодой и старый,
об этом думает всерьёз.

Счастье есть!

Счастье — быть самим собою,
жить в тепле, добре и ласке,
под шелест ветра и прибоя
читать детишкам сказки.
Счастье — танцевать фокстрот,
когда тебе давно за сорок,
собраться и уйти в поход
к багряной роще, за пригорок.
Хорошо — не ныть и не стенать
от тоски и злых болезней,
и, кушая, спокойно выбирать
что приятней, не полезней.
И чтоб, не кашляя, вдыхать
свежий воздух, как на Памире,
да без страха отдыхать
в исторической Пальмире.
Не надо думать о плохом,
и благоденствие само придёт.
Кто скачет на коне верхом —
тот счастье точно обретёт!..
Вошла жена, обаяния полна,
следом дети — мне отдали честь.
Душевная накрыла нас волна,
и я воскликнул: «Счастье есть!»

г. Муасс

Анатолий Дёмшин

Пред тобою просторы и пути

Восемнадцатилетие

Тысяча девятьсот шестьдесят второй,
Тебе уже восемнадцать лет.
Восторга полные штаны, вот я какой:
Что вижу пред собою, то и хочется петь.
Пред тобою просторы и все пути,
Пред тобою — все города:
Иди, обладай! Ты со всеми на «ты»!
А хочешь куда, поезжай туда.
Я пуп земли, и мне нет преград.
Ору от восторга на всю свою карму!
А вот захочу, и стану в ряд,
И зашагаю в Советскую Армию.
Восемнадцать лет бывает лишь раз,
Все знают об этом. Спешу что-то сделать.
Могу что-то сделать я и сейчас,
Но просто ЧТО-ТО — не хочу делать.

Пони

— Кони, кони, ну какие кони?
Что они делают в парке, здесь?
— Ну что ты заладил, это же пони!
Они ж — на потеху, для веселья всех.
Дети их путают (бывает, с ребятами),
Родители им объясняют: это маленькие кони.

Дети называют их жеребятами.
А они ведь — кони, эти маленькие пони.
Пони бегают резво, катают детишек,
Что насмотрелись и начитались книжек.
У этих коняжек есть маленькие «дитяти».
Так что, ребята, это совсем не жеребята.
Кони как кони эти маленькие пони.

Самовар

Самовар, мой самовар,
Толстенький дружище!
Заварю себе отвар —
К чёрту скукотищу!
Эх, налью я кипятку
И налью отвара
Капну капельку медку
К аромату пара.
Запах трав и аромат
В воздухе зависли
Можешь сам себе налить,
Не сиди, не кисни.
Самовар вон так пыхтит,
Прыгает на месте,
Кипятку налить велит:
Пейте чай все вместе.
Сахарку вон положи,

Вон другие сласти,
Вот лежат тут крендельки —
К чёрту все напасти.
Наливай да наливай,

Нина Кысса

О жизни

Книга жизни шелестит листами,
В ней события меняются местами,
Безмятежного детства картинки,
Юности задорной полотно

Оживают в памяти так ярко,
Будто прошлое вдруг глянуло в окно.
И сердце защемит глухой тоской,
А душа заплачет, потеряет покой.

Ощущаю грусть свою, печаль:
Не вернуть безоблачную даль.

Что же тут стесняться:
Самоварный пьёшь ты чай —
Пусть все веселятся.

г. Челябинск

И так захочется в те годы возвратиться,
В мамины ладони окунуться...

Но в детство отменили поезда,
До него нет рельсовых дорог,
Не возвратится детство никогда,
Хоть придёшь ты на родной порог.

А поезд жизни мчится всё и мчится,
До конечной станции когда-нибудь домчится.
И будет остановка, а дальше — никуда.
Разбрелись мы не спеша: я — туда,

а ты — сюда.
г. Снежинск

Я в этом мире странный гость

* * *

Тянулся луч прямой и светлый
К моим рукам.
Всю горечь сердца, боль и нежность
Ему отдам.
Беру бумагу, ручку, чувства
И этот луч.
Он часть природы, он искусство
И к сердцу ключ.
Запомню жест руки и сердца,
Движенье тела.
Чтобы понять, с какого чувства
Строка слетела...

* * *

Я в этом мире странный гость,
Который сам себе не нужен,
Который странностью своей
До невозможности простужен.
Мне очень хочется любить.
Любовь — для сердца утешенье.
Она спасает от тревог,
Заполнив боль опустошения.
Я в этом мире просто пыль.
Но всё же я пыльцой бываю:
Значит, распустится цветок,
Тот, что любовью согревает.

г. Пласт

Диана Абдуллина
(13 лет)

И улыбнулась мама

82

Граффити № 2(42) - 2020

* * *

Снегом засыпало
Крыши домов.
Листья опали,
Много следов.
Темнота наступила,
Всего в пять часов.
Загорелись гирлянды
В окнах домов.
Всех с Новым годом!
Любви вам и счастья,
Чтобы полосы
Были белыми
Большей частью.

* * *

Котик прошёл,
Оставляя следы
На выпавшем ночью снегу.
Утро пришло,

Будоража мечты.
Новый год с нетерпением жду.

Кузя

Я проснулась утром,
(Будильник не причём).
Котёнок громко плакал
Где-то за окном.
Он дрожал, бедняжка,
Маму-кошку звал.
Крохотный, с ладошку,
Кому он помешал?
Его к себе прижала:
— Пошли скорее в дом.
И улыбнулась мама:
— Кузей назовём!

Зимний день

Зимний день. 31 декабря. Леший с недоумением смотрит на Деда Мороза.
— Какими оленями его сюда занесло?!

После долгой паузы Дед Мороз спросил:

— Пустите?

— Шо ж на «вы»-то? Заходи, конечно.

— Спасибо.

— Чай будешь?

— Буду, если можно. У меня в мешке как раз конфетки есть.

Леший налил в кружки что-то густое и зелёное.

— Что там?

— Где?

— В чае.

— Мухоморы, водоросли... А, ещё прошлой весной паучков ловил! Ещё-ё...

— Всё-всё, понял! Дальше не нужно!

— Ну ладно.

— А можно я, это, свой буду? Люди используют, я тоже решил!

— Дай гляну, что за твой... Давай я тоже буду.

После чаепития Дед Мороз и Леший поехали на санях деда в гости к Яге. Дед Мороз, добрая душа, поприветствовал:

— Здравствуйте, Баба Яга!

— Ой, как официально! Просто Яга. Какими судьбами, Морозушко, в лесу?

— Давайте в дом!

— Я Лешему ещё не говорил. В общем, кризис у меня, родители детям сами стали подарки покупать. Вот, решил вам всем подарки дарить!

Вскоре Кикимора с Ягой, густо и неровно накрасившись, сидели, уткнувшись в компьютер, изучали моду, Леший сделал у себя дома ремонт, преобразился, и теперь на диване сидел элегантный мужчина и... с пультом в руке гонял машинку. Русалка Лизка поселилась в новой усадьбе Яги, в громадном аквариуме уплетает за обе щеки торты и конфеты и днями смотрит телевизор. У Водяного тоже ремонт был. У него вместо второй кухни спортзал.

Так он накачался, что через несколько месяцев женился! Маленькая Водяночка сидела в кровати и играла в ракушки. Через два года Яга и Кикимора с помощью Интернета стали местными красавицами и придумали себе другие имена — Ягуниэлла и Элеонора. Леший стал Алексеем и испортился со своими планшетами и машинками. Раньше стройная и красивая русалочка Елизавета располнела, приобрела кличку «Второй подбородок». Обижается, что её так называют. А Водяной стал многодетным папочкой: Водяночка, Водильда и Водион — самый младший. А Дед Мороз сбежал из леса. Ну их в болото! Лучше уж деткам тридцатого декабря по два-три подарка под ёлочку подкладывать, но не этой бесхребетной нечисти!

г. Нязепетровск

Зухра Абдумина

Детские истории

Родное тепло

Я словно обоснулась. Оглядываясь по сторонам, ощутила такое спокойствие, равно как родное тепло. Хотела было пошевелиться, но не получилось. Моё трепыхание уловила лишь зыбка, слегка колыхнув накидку, и тонкий слух мамы, которая тихонько выскользнула из-за бабушкиной шали, загромаждавшей проход расшалившемуся яркому свету. Мама стояла рядом, покачивая мою зыбку. Я же наслаждалась мягким убаюкиванием и колыханием накидки, но всё же почувствовала мамино нетерпение. Она время от времени поглядывала туда, откуда только что появилась. Мне было хорошо, и не хотелось сердить маму, поэтому я сделала вид, что заснула. Сама тем временем упивалась родным пространством, пока сознание снова не окунуло меня в забытье.

Окна без штор

Не люблю окна без штор. Они рожают во мне то, что раз за разом окунает тебя в неудобный, покрытый холодом мирок.

Запыхавшееся дыхание матери. На руках у неё было уютнее. Но вот она вносит меня в наш дом, не раздевая меня и не раздеваясь, укладывает на постель, на подушки. Дует на мои руки, пытаюсь согреть. Я не помню озябших рук, а только отчаянную пустоту вокруг и в самой матери. Она, как будто нарочно теребя мои ладони, старалась не смотреть на меня, сама в то же время была где-то далеко. Не дождавшись маминих тёплых глаз, я словно уменьшалась, растворяясь в подушках. Большие пустые окна угнетающе глазели на меня и на деревянный непокрытый стол. И какая-то тревожная серость изо всех щелей выползала и надвигалась прямо на меня, так что в какой-то миг хотелось закричать, расплакаться, но рядом всё же была мама.

Бесславный поход в школу

Брата ещё с весны напутствовали в школу, журуя его за непослушание и за цыпки на руках. Ему предстояло идти в первый класс. Мне скоро четыре года, и я дословно верила сказанному взрослыми. И ждала, когда же вылупятся цыплятки, которые будут следовать за братом всюду, не отставая. Побегут за ним даже в школу. Но вместо наречённых питомцев в школу отправилась я с братом, гордо вышагивая рядом в новом нарядном платье, предвкушая что-то необыкновенное, удивительное.

У школы нас выстроили, что-то говорили, во всё это я не вникала, просто мне не терпелось шагнуть на оранжевое, свежеевыкрашенное, приятно пахнущее крыльцо. И вот этот миг настал. С великим вожделием одолевала я ступеньку за ступенькой, как и весь путь от дома до школы. Оставалось только шагнуть в прохладу приятной, притягательно загадочной неизвестности, как меня остановили. Тётя-учительница, ласково воркуя, что я ещё мала, что нужно ещё подождать, пообещала, что, когда я подрасту, они меня обязательно позовут.

Она выпроводила меня с крыльца за калитку и, оставив в обречённом одиночестве, скрылась в недосыгаемом для меня мире. С её слов я поняла только то, что «нужно подождать» и «позовём». Присев тут же у калитки, стала ждать. Мне почудилось, что прошла уже целая вечность, но никто не вышел и не позвал, даже старшему брату до меня не было дела. Стало так обидно и стыдно, что я расплакалась и поплелась домой.

К моему большому изумлению, бабушка ничуть не удивилась столь скорому возвращению.

Это был мой первый бесславный поход в школу.

Слабинка сильных женщин

Я проснулась от безумной тоски на душе. Эта тоска тянулась со стороны кухни и, проникая в меня, растекалась по всем уголкам моего сознания. «Мама», — ёкнуло сердце. Я прислушалась. Она пела — и настоль грустную песню, что казалось: вся насквозь пропитана слезами. И на самом деле — мама всхлипывает. Я тихонечко выползла из уютной тёплой постели и на цыпочках прошла мимо беззаботно спящего брата к проёму двери, с обеих сторон занавешенного шторами, и незаметно отодвинув шторы, окунулась сначала в поток ослепительного света, взгляделась и стала различать всё, что творилось на маминой половине. Все двери были нараспашку, прохлада была по моим босым ногам. Свет горел повсюду: на кухне, в прихожей, в чулане, на улице, в сарае. Часы показывали пять утра. Мысли стали атаковать мою голову: «А спала ли она вообще?». Мама была «жаворонком» и всегда вставала с петухами, может, и до них. Привычка с детства, наверно. «А может, ей приснился отец?» Его не стало совсем недавно... Одно дело — в разводе, знаешь, что он жив, здоров и где-то рядом. И каждое утро встаёшь с надеждой: возможно, сегодня его увидишь. А теперь его не стало совсем. И притом неожиданно. Авария. Больница. И всё... Что дальше?

Мама передвигалась по дому медленно, время от времени останавливаясь. И тогда затихшая песня словно билась в мамином теле, а слёзы сыпались градом, не чувствуя преграды, стекали со щёк, перекачивались по морщинкам на подбородок, а там — куда повезёт — на спецовочную куртку, на пол, в поило, приготовленное для коровы. Родители, когда жили вместе, всегда разводили много скотины и каждое утро шли вдвоём в сарайку накормить, напоить животных. Обычно отец нёс вёдра. До сегодняшнего дня мать ходила как зомби. Не проронила ни слезинки, даже в день похорон не плакала. На кладбище не поехала. Раньше я задавалась вопросом: «Почему?», а теперь знаю.

Врачи, прежде чем сказать о смерти отца, дали выпить маме лекарство. Потом она рассказывала об этом состоянии: «Вроде как пьяная, но голова ясная и никаких чувств...» В тот день она заехала в больницу к отцу, узнать, когда же его наконец выпишут. Лошадь стояла на привязи тут же, у больницы (мама работала конюхом и хлебовозом). Понимая, что отпускать женщину в таком состоянии нельзя, медики сопроводили её до самого посёлка. Теперь, видимо, действие этого лекарства закончилось, и удар дошёл-таки до сознания и до сердца. Сильная женщина, не привыкшая показывать свои слёзы, свою слабость, втайне предавалась своему горю.

Я стояла за шторкой, не смея выдать своего присутствия, боясь даже шмыгнуть носом, потому что невозможно было удержать слёз. А так хотелось подбежать к ней, прижаться и сказать: «Мама, не плачь, я с тобой! Я люблю тебя!» Мама взяла большие, полные поила ведра и, роняя слёзы, продолжая свою печальную песню, побрела в сарай.

Эту тайну я, как мама свою, и осеннее предутро оставили при себе. Слабинка сильных женщин должна храниться под покровом недосягаемости для других.

С вичкой на медведя

Затерялась среди леса и гор небольшая деревушка, в которую чаще заглядывали медведи, чем цивилизация. Доселе жившая при керосиновых лампах, с трудно проходимыми дорогами, хотя на дворе давно стоял XX век. Косолапые и в самом деле были частыми гостями в деревне, причём нежеланными.

Тут один молодой да озорной повадился, не давая покоя жителям. То улы разворотит, то хозяйство погромит на заднем дворе, то что-нибудь ломает. А последней каплей стало то, что задрал тёлочку. «Чего ему неймётся?» — думала я, не в силах укротить растущее негодование.

Родители после работы, за ужином, обсуждали последние новости, касающиеся косолапого. «Ну вот, нет на него управы, — повторяя ругательные слова родителей, не унималась я и решила: — Надо поговорить с озорником. Завтра же пойду к нему! Ух, и задам жару!» С этими мыслями я уснула и с ними же проснулась. Из домашних была только бабушка, хлопотавшая на кухне. Дождавшись, когда она выйдет на задний двор кормить цыплят, я незамеченной выскользнула за ворота. Тут же лежала небольшая вичка, видно, бабушкина, которой та погоняла гусей. «Сейчас она мне нужнее, — подумала я. — Ну, держись, мишка!»

Никто даже внимания не обратил на шагающую по улице девочку. Ведь никто и не знал, что в голове у четырёхгодовалого ребёнка.

Пыльная дорога тянулась вдоль улицы и, казавшаяся в данный момент для меня нескончаемой, наконец свернула в поле. Здесь она превратилась в узкую, не знавшую машин полосу. По ней ездили только на лошадях, запряженных в телегу.

По краю обочины высились заросли травы так, что мне приходилось вставать на цыпочки, чтобы высмотреть: далеко ли лес. Наслаждаясь утренним теплом и пением птиц, слушала, как в траве стрекочут кузнечики, шуршат крылышками стрекозы. Любуясь цветами и порхающими пёстрыми бабочками, осторожно поглядывала на жужжащих шмелей и пчёл. Мир жил своей привычной жизнью. Мне надоело идти по дороге, я решила скоротать путь через поле и стала пробираться сквозь траву. Я была так уверена, что доберусь до леса и найду-таки медведя, отругаю его, вичкой пригрожу, а он обязательно меня послушается и не будет больше озорничать и донимать моих односельчан.

Шла напролом, не обращая внимания ни на траву, что была выше меня, ни на кочки, которых становилось всё больше, ни на воду, что поблёскивала среди кочек. Мне просто пришлось прыгать с одной на другую. В конце концов, я запрыгнула на одну, а остальные словно разбежались. Оглядываясь, топчась на этом бугорке, окружённом водой, поняла, что ни до одной не допрыгнуть. Некоторое время ещё надеялась: вот случится чудо и я продолжу своё начатое дело. Но чуда не случилось, и я продолжала топтаться на этой злосчастной кочке, уже не обращая никакого внимания на все прелести лета. Солнце стало не на шутку припекать. Осознав всю безысходность, я расплакалась. Сначала тихонько, потом всё громче и громче. Было до боли обидно, слёзы сыпались градом, а обида никак не проходила.

Вдруг в ближайших кустах затрещали сухие сучья, я тут же притихла, думая, что там медведь. Стыдно как-то стало, пришла воспитывать, а сама разревелась. Но из-за кустов показалась белая голова лошади, а затем и сам наездник верхом. Это был наш деревенский лесник. По его глазам поняла, что он сильно удивлён, увидев маленькую девочку одну за несколько километров от деревни посреди болота с вичкой в руках. Но он поразился ещё больше, когда услышал мою просьбу отвести меня в лес и с какой целью. Так же я заметила лёгкую улыбку, которая так и осталась в уголке рта; но говорил он серьезно, усадив меня впереди себя и повернув лошадь по направлению к деревне, сказал: «Тебе незачем к нему ходить, я только что был у мишки и строго поговорил с ним. Он обещал мне больше не ходить в деревню и не хулиганить». Почему-то я поверила дяде леснику, говорил так убедительно. И всю дорогу мы с ним о чём-то болтали.

Вот показалась деревня, вскоре наш дом и, снимая меня с лошади, лесник взял с меня обещание больше в лес одной не ходить, а лесные дела улаживать — это его заботы, лесника. Бабушкину вичку я вернула на место. Не знаю, вправду ли лесник с медведем встречался или нет, но косолапый с тех пор в деревню ни одной лапой, и даже носу не показывал.

А на утро я проснулась знаменитой! Это ж надо — с вичкой, да на медведя!

г. Нязепетровск

Наталья Дубровина

Сыночка

Папа с мамой рады были,
Что сыночка народили
Богатырь, красавчик, душа —
Долгожданная «игрушка».

— Он растёт на радость нам,
Не по дням, а по часам.
И не в чём отказа нет.
Наказаниям — запрет.

Сладко ест и долго спит.
— Просто чудо-аппетит!
Стукнул по щеке девчущку,
Чью-то поломал игрушку.

— Вот немного подрастёт,
Переменится, поймёт.
В школу отпрыск поступил.
Но уроков не учил.

— Педагоги виноваты,
Не нашли подход когда-то.
Детку холили, любили —
Только сердце не вложили.

Стопроцентный «паразит» —
Жрёт и обществу вредит.

п. Увельский

Деревня проснулась после долгой морозной ночи. Из труб потянуло по-над улицами древесным дымком. Уютно в избе от такого тепла: воздух особенный, умиротворяющий. Егорка играет на полу. Скоро Новый год и ему хочется идти на бал-маскарад в новогоднем костюме и чтобы его никто не узнавал в этом наряде. Кружиться со всеми вокруг ёлки, и ему совсем не важно, кем он будет наряжен. По поводу новогоднего костюма он извёл маму, но костюма нет и неизвестно, будет ли?..

Он с самого рождения был общительным ребёнком: никак не хотел оставаться в стороне, если в дом кто-то приходил. Мальчик никогда не ходил в детский сад. Не то чтобы никогда не был там — был. Однажды мама оставила его в детском саду почти на целый день, упросив подругу-воспитательницу. Другого выхода просто не было: дела. На следующий день Егорка проснулся рано и стал собираться: надел брюки, пиджачок, пальтишко. Но вот с ботинками произошла заминка: то не на ту ногу наденет, то шнурки внутри ботинка окажутся. Тут и мама проснулась.

— Егорка, куда это ты собираешься?

— В садик.

— А зачем тебе туда?

— Там детей много, я с ними играть буду, там весело, там игрушек — завались.

— Сколько там игрушек?

— Много-много — завались.

От этих слов Егорки мама рассмеялась.

— Не смейся, помоги лучше ботинки правильно надеть. Не получается чего-то. Шнурки мне завяжи. Я же узел сделаю.

— Послушай меня, в садике дети играют, спят и кушают — там хорошо. Только вот в чем дело: для тебя там нет кровати, нет стульчика, чтоб за столиком сидеть. Для тебя нет чашки и ложки.

— Кто-нибудь поспит, играть пойдёт, кровать освободится — я лягу.

— Не получится, Егорка. В садике все дети должны спать в одно время.

— Если нет мне кровати, то я не буду спать. Я дома днём не всегда сплю.

— Егорка, а кушать как ты будешь? Для тебя там стульчика нет, и места за столом тебе своё никто не уступит. Кашу тебе там не сварят. Никто не знает, что ты сегодня придёшь. А кушать там готовят на тех ребят, которые давно ходят в садик. Не пустят тебя туда. Вначале договориться нужно.

— Мама, вчера ведь договорились, сегодня тоже договорюсь.

— Без меня, Егорушка, ты не договоришься.

— Мама, тогда тоже собирайся.

Мама устав объяснять, начала сердиться.

— Как так, а у меня сегодня дома дел много.

Но Егорка не слушал разъяснений мамы, а настаивал на своём.

— Мама, мы идём, или я один? Не идёшь со мной, не хочешь, чтобы я с ребятами играл?

— Оставь ботинки в покое, послушай меня. Вот ты уйдёшь в садик, целый день будешь там с ребятами играть, а я целый день одна дома? Тебе меня не жалко? Вчера ты был в садике не весь день. Вчера ты там был в гостях. А в гости каждый день не ходят. Чтобы в садик ходить, нужно место получить, а там все места заняты. Вот кто-нибудь вырастет и в школу пойдёт, тогда место освободится, и ты будешь ходить в садик вместо него. Ты меня понял?

— Понял я! Не маленький. Пока этот, который вырастет — вырастет, мне уже самому в школу пора будет. Вот только я этому, которого не знаю... Я бы ему дал. Пойду в садик, узнаю его. Он так и в школе мне места не оставит. Мне идти надо.

— Погоди, неугомонный, знаю я этого мальчика. Только он меньше тебя и в школу он нес скоро пойдёт, ты уже во втором классе будешь учиться, а он только в первый придёт. Так что в школе твоё место никто не займёт.

— Сколько мне до школы осталось? Столько? — Егорка вытянул вперёд ручонки, растопырив пальцы.

— Чуть больше, вот столько, — сказала мама, показав на свои пальцы.

— Так это же много: все мои пальцы и ещё твои. Твои-то пальцы больше.

— Они больше, потому что я большая, я же твоя мама, а считается, что они одинаковые.

— Хитришь! — сказал Егорка, затолкнул ногу в ботинок и пошел к двери. — Я пошёл в садик. Вдруг там какой мальчик заболел и не придёт сегодня. Хоть сегодня я денёк там поиграю, а завтра посмотрим. До завтра много можно чего узнать.

И почти было Егорка, уже открыл дверь, но остановился и замер, услышав слова мамы:

— На улице много собак бегают, а они бывают кусачие.

Неизвестно почему, но Егорка собак боялся. Он не хотел оставаться дома. Он все разъяснения услышал, и они его не устраивали. Но собаки... Он не хотел показать маме, что испугался и сходу придумал отговорку.

— Пока мы тут разговаривали, я в садик опоздал. Не пойду я сегодня, будем учиться шнурки завязывать.

— Эх ты, маленький клоун!

Мама стала снимать с сынишки пальтишко, а Егорка продолжал в своём духе:

— Мама, а клоун — это кто шнурки не умеет завязывать?

— Да, Егорка, да! — отшутилась мама.

Теперь Егорка уже школьник и у него совсем другое желание: прийти на новогоднюю елку в новогоднем костюме. Вдруг он вспомнил про детский сад.

— Мама, я знаю, где есть новогодний костюм, сходи, может быть дадут на денёк, сходи, пожалуйста. Их там много должно быть, я на любой согласен.

— Куда сходить?

— Мама, нужно идти в детский садик. Я ведь не такой большой, мне может, что-нибудь и подойдёт.

Через час вернулась мама, в руках она держала какую-то свёрнутую материю. Егорка встретил её на пороге с улыбкой и сияющими глазами. Он догадался: в руках у мамы было его желание. Спустя несколько минут Егор стоял в пёстром наряде, у которого почему-то рукава и штанины были разного цвета. На ногах были потёртые светло-коричневые ботинки. Сказать, что они были некрасивые — этого мало, они были несуразные. На голове — клетчатая фуражка, у которой один край обвисал набок.

— Кто я?

— Ты — клоун! А вот тебе ещё и маска.

Утро наступившего дня выдалось морозным: лежал свежий хрустящий снежок. День обещал быть ярким, залитым солнцем и весельем, будет бал-маскарад в школе. Мама с Егоркой осторожно спустились с крыльца.

— Сынок, ты иди, не стой, замёрзнут ноги в таких ботинках, а я тебя догоню.

Егорка вышел со двора. В сторону школы вела проторенная дорога, вся в морозных шрамах, и Егорке показалось, что она из битого стекла. Дорога шла прямо, и неподалёку от неё тянулась ещё одна, уходящая в сторону. Ему хотелось постоять, но ладошки даже в карманах стыли, и он тихонечко пошёл один. Пройдя развилку, услышал собачий лай и повизгивание где-то за сугробами. Повернув голову, Егорка увидел бегущую собаку. Не раздумывая, он развернулся и изо всех сил рванул обратно, в сторону дома. Навстречу ему шла мама и женщины со своими детьми. Мама ему кричала, махала руками, чтоб он остановился, не бежал, но Егорка ничего не понимал и летел, сияя пестротой своего наряда, издавая отрывистые звуки: «Ма, ма, ма...» И когда две дороги снова сошлись в одну, Егорка не заметил, что собака его обогнала, и он перелетел через неё, упав на блестящую ото льда и лучей дорогу. Собака продолжила свой бег. Егорка встал, рядом стояла мама и женщины со своими детьми. Отряхивая ладошки от снега, Егорка спросил:

— Ма-ма, ты не замёрзла?

Все, кроме Егорки, рассмеялись. Он почувствовал, что в нём что-то изменилось. Смех он принял без обиды. После этого случая боязнь собак исчезла.

Маскарад был ослепительным от мишуры и звенящим от похожих друг на друга детских голосов. Егорка весело кружился в хороводе с детьми, прихлопывая, притопывая и подпрыгивая, а за его ботинком змейкой по полу бегал шнурок. Мама ему кричала:

— Завяжи шнурок!

Кружась в хороводе Егорка кричал в ответ:

— Я клоун, а клоуны шнурки завязывать не умеют...

Егор окончил первый класс. И во время каникул принёс домой щенка, похожего на дворняжку, но кучерявого, как ягнёнок. Пёсик подрастал, а Егорка учил его выполнять команды. Вначале научил подавать лапу.

— Лапу, дай лапу, — просил, а не требовал Егорка.

— Другую, — поправлял Егорка, и пёс подавал другую.

Каникулы окончились. Когда Егорка уходил в школу, пёсик скучал: вяло ходил по комнате или лежал на полу у стола, где его друг делал уроки. Встречая вернувшегося

домой Егорку, щенок радостно тьявал и подпрыгивал. Привык он и к Егоркиным товарищам. Однажды на прогулке, чтобы развеселить ребят, Егорка стал показывать, чему он научил своего лохматого питомца. Взяв в руки маленькую палочку, Егор подавал псу команды, и тот ловко перепрыгивал через неё, бегал вокруг него то в одну, то в другую сторону. Один из мальчишек потянулся рукой к пёсику, но тот громко гавкнул от растерянности и прижался к ноге хозяина.

— Лапу, — скомандовал Егорка.

Пёс вернулся к мальчишке и подал лапу. Вся ребячья компания стала хлопать в ладошки. Это были первые аплодисменты, предназначенные Егорке.

— Bravo! — кричали ребята.

За происходящим наблюдал со стороны старшеклассник, Егоркин сосед. Он подошёл и похвалил его:

— Егор, да ты настоящий циркач! Здорово у вас получается.

— Мы стараемся, — ответил Егор.

— И правильно делаете. Пойдём ко мне, я тебе книжку подарю. По ней можно научиться жонглировать и фокусы показывать...

Теперь Егор повзрослел. Про детский сад он и не вспоминает, а образ новогоднего карнавального костюма для него приобрёл иной смысл. У Егора совсем другое желание...

Кошка

Вася стоял у доски и выполнял задание, данное ему учительницей.

— Закончил?

— Заканчиваю.

— Что-то ты сегодня какой-то вялый, заболел? — произнесла учительница.

— Нет.

— Так-так, а это что у тебя с рукой? Царапины, как вижу, глубокие и опухоль серьёзная, наверное, занозы внутри остались?

— Нет там никаких заноз, это меня кошка поцарапала.

— Не дружишь, Вася, ты со своей кошкой!

— Это не наша кошка. Это бабушкина кошка. Её наша обидела, вот она была такая напуганная и защищалась от всех.

— А почему она у вас?

— От бабушки её дядя принёс, он её себе заберёт. В городе он живёт, будет и кошка у них жить.

— А что, бабушке кошка надоела?

— Не надоела. Умерла бабушка...

— Перейдём к уроку, — сказала учительница. — Вася всё правильно выполнил, но на пятёрку не вытянул, долго решал. Вася, что сказать хочешь?

— У нас же последний урок на сегодня, можно я прям сейчас домой пойду?

— Рука болит? Понимаю, кошка поцарапала. Хорошо, иди.

Вася бежал домой, не застегнув пальто. Он хотел успеть проводить дядю. Бабушки нет, и поэтому дядя теперь будет приезжать реже. Бабушкина кошка приветливая, по ней Вася тоже будет скучать. Он бежал, рассекая ветер, а в голове булькало, как в кастрюле с кипящими щами: «Кошка, кошка... Посочувствовала, что меня кошка поцарапала, посочувствовала, что у меня рука болит. Сама ты кошка».

г. Сибай

Кот забрался под диван

Барабан

Мне купили барабан
И сказали: «Барабань!»
Я ударил в барабан! —
Кот забрался под диван,
А щенок, вильнув хвостом,
Притаился под кустом.
Мышка спряталась в норе,
Зайка — на большой горе,
Птицы перестали петь,
На сосну залез медведь.
В море кит ушёл на дно,
Где и страшно, и темно.
Люди удивляются:
— Дождик собирается?
Вот уже грохочет гром!
Поспешим скорее в дом!
А всего лишь барабанщик
Барабанит за углом!

Босые мышки

Проказницы-свинки
Купили ботинки,
А модницы-кошки
Купили сапожки.
Коты, не дождавшись
Ближайшей субботы,
Купили удобные
Мягкие боты.
И даже
Сороконожки
Купили себе
Босоножки!

А мышки-малышки,
Чтоб тихо шагать,
Не стали обувку
Себе покупать.
Чтоб их не слышали
Коты или кошки,
Не носят мышата
На лапках сапожки.

Лягушата

Гонят плотик вдоль реки
Лягушата-моряки.
И куда они спешат,
Десять смелых лягушат?
День рожденья у Квакушки,
Ждёт друзей на чай с ватрушкой!
Ей подарят комара,
Мелкой мошки три ведра,
Жёлтых лютиков букет,
Тёплый вязаный жакет,
Мягкой тины для перины
И сапожки из резины!

Жук

Я увидела жука —
Золотое брюшко.
Спал он в чашечке цветка,
Словно на подушке.
Не гуди сердито, шмель,
Видишь: занята постель.

Лужа

Я болею, я простужен. На столе с малиной чай.
Бегал я вчера по луже, простудился невзначай.
Веткой лужу я измерил, оказалось — глубока!
И вода в ней доходила мне до края сапога.
Лужу я прошёл раз десять. Вдоль, потом наискосок.
Было очень интересно: есть на дне её песок?
Сделал маленький кораблик и поставил на волну.
Он с пиратами сражался, не хотел идти ко дну,
Из последних сил держался, потому что он герой!
Тут пришла с работы мама, позвала меня домой...
Пью горячий чай с малиной, поправляться надо мне!
Может быть, пираты ночью утопили клад на дне?

г. Кыштым

Николай Банных

Один из героев тех славных

90

Графман № 2(42) - 2020

У меня и практически у всех моих сверстников, родившихся вскоре после окончания Великой Отечественной войны, отцы были её участниками. Мы были детьми победителей и гордились своими родителями. Их частенько приглашали в школу, чтобы они рассказали о тех боях, о победах и потерях своих товарищей. Одну из таких встреч я помню до сих пор.

К нам в Куяшскую школу пришёл отец моей одноклассницы Любы Жирновой — Николай Иванович Жирнов. В то время ему было лет сорок. Это был мужчина чуть выше среднего роста, подтянутый, стройный, с густыми вьющимися на голове волосами. Мальчишки в то время хорошо разбирались в наградах, и я увидел на пиджаке у него ордена Славы 3-й степени и Красной Звезды, а также медали «За Отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Не каждый воин имел такой «иконостас». Вот тогда я и узнал кое-что из биографии Н. И. Жирнова, а впоследствии ещё больше, в том числе и от его единственной дочери.

Николай Жирнов родился в 1924 году. После окончания семилетки трудился в родном колхозе. В 1942 году был призван в Красную Армию и направлен на фронт. Перед уходом в армию Жирнов, как и его ровесник и полный тёзка Николай Иванович Кашин, в последствии ставший Героем Советского Союза, дали клятву землякам: бить немецко-фашистских захватчиков до их полного уничтожения.

И действительно, Н. И. Жирнов слова свои сдержал. В боях с фашистами, командуя миномётным расчётом, проявил себя отважным воином и умелым командиром. Приведу лишь два фронтовых документа на представление его к орденам Красной Звезды и Славы 3-й степени. Чётко, по-военному изложенные командирами факты его подвигов, конечно, не могут отразить в этих сухих строчках всё напряжение человеческих сил, а также ежеминутные, ежесекундные возможности быть убитым или покалеченным.

«16.01.1943 года в бою за населённый пункт Овсянниково огнём своего миномёта уничтожил пулемётную точку противника и 4 немецких солдат. При контратаке противника уничтожил бронемашину противника и 5 немецких солдат. Одним из первых поднялся в атаку, увлекая за собою бойцов, и отбросил противника на исходные позиции».

«05.04.1944 года в момент форсирования реки Днестр в районе села Цибуленка под минометно-пулемётным огнём противника переправил свой расчёт без потерь и быстро его развернул. Он, открывая огонь, уничтожил 19 солдат противника и подавил 5 пулемётных точек. При отражении контратаки противника уничтожил 14 солдат противника».

В мае 1945 года в боях за освобождение Венгрии Николай Иванович был ранен и попал в госпиталь под Будапештом. Вот там-то и произошло маленькое чудо. В этот же госпиталь поступил на излечение после ранения его старший брат Василий Иванович Жирнов, 1917 года рождения. Братья не виделись несколько лет и, обнявшись, плакали от счастья.

Пришёл конец войне. Теперь победителям надо возвращаться домой и показать, что и в мирных условиях они могут проявить свои способности уже на трудовом фронте с той же отдачей.

По возвращении с фронта Н. И. Жирнов стал работать заведующим Куяшским сельским клубом. В 1947 году поступил на курсы киномехаников в городе Карабаше. После окончания школы киномехаников — это был первый выпуск курсантов этой профессии в Челябинской области — вернулся в родное село. В 1948 году Николай Иванович женился на Татьяне Григорьевне Тепляковой, которая была на четыре года младше его. Это была красивая пара, достойная друг друга. Теперь сельский клуб стал семейным местом работы: он киномеханик, она и кассир, и контролёр, и помощник киномеханика, и библиотекарь. Вначале Николай Иванович обслуживал, кроме жителей родного села ещё десять населённых пунктов района. Весь комплект аппаратуры возил сначала на лошади, а затем на мотоцикле с коляской, купленном на свои деньги. А ведь в киноустановку входил не только киноаппарат, но ещё динамо-машина с ручным приводом. В то время некоторые сёла не были электрифицированы. Приходилось ездить по деревням и в весеннюю распутицу, и в дождь, и в снег, и в морозы, однако зрители ждали очередного фильма, и Николай Иванович, невзирая на непогоду, спешил доставить им радость.

В начале шестидесятых годов в Большом Куяше был построен сельский Дом культуры. Во многом благодаря Николаю Ивановичу была получена новейшая широкоформатная аппа-

ратура. Я помню, в какой большой праздник превратилось открытие этого очага культуры. Первым фильмом на новом широком экране стала экранизация оперетты «Вольный ветер». С этого момента на киносеансах в зале с новыми откидными креслами в течение многих лет практически не было свободных мест. Н. И. Жирнов был счастлив, сбылись его мечты о большом кинозале и современной аппаратуре.

В это же время в село прибыли молодые девушки после окончания культпросветучилища, к сожалению, не помню их фамилии. Они оказались людьми, влюблёнными в свою профессию. Быстро поднималась самодеятельность: заработали танцевальные группы, хоры, ставились небольшие спектакли.

Николай Иванович принимал активное участие в художественной самодеятельности: читал со сцены стихи, играл в спектаклях. Я до сих пор помню те бурные овации, которыми награждали односельчане Жирнова за его артистические способности в спектакле по одной из пьес А. Островского.

Николай Иванович пользовался большим авторитетом в родном селе и не только. Его ценили и уважали в районе и даже в области. 1967 год стал для Н. И. Жирнова годом признания его заслуг: Президиум Верховного Совета РСФСР присвоил ему звание заслуженного работника культуры РСФСР. В том же году он был избран делегатом съезда работников культуры Российской Федерации, который проходил в Москве.

В 1968 году на экраны вышел фильм о Великой Отечественной войне «Щит и меч». На премьеру фильма в Куяшском сельском (!) Доме культуры приехал исполнитель одной из главных ролей Олег Янковский. Перед выступлением для отдыха актер остановился в доме Жирновых. Конечно, приезд в наше село известного артиста стал возможным во многом благодаря Николаю Ивановичу.

В 1977 году Жирновы переехали на постоянное место жительства в соседний посёлок Метлино, где глава семьи до пенсии работал киномехаником. Находясь на пенсии, Николай Иванович продолжал активно заниматься общественной работой в ветеранской организации. Супруги Жирновы прожили вместе сорок семь счастливых лет. Они воспитали дочь Любовь Николаевну, которая после окончания педагогического института работала учительницей и директором лицея в городе Озёрске, а один из шести внуков учится в ГИТИСе.

Николай Иванович Жирнов ушёл из жизни в 1995 году. Его брат Василий Иванович, награждённый за участие в боях с фашистами многими боевыми наградами, прожил сто один год.

Полагаю, что подвиги наших отцов, дедов и прадедов не должны быть забыты никогда. И пусть молодое поколение узнает из этого очерка ещё об одном из героев тех славных лет.

с. Еткуль

Тамара Барейшина

Салют Победы

В день Победы традицией стало
В бархат неба салюты пускать.
Молча смотря на них с пьедестала
Те, что гибли за Родину-мать.
Они жизни отдали за это:
Чтобы мы появились на свет.
И с восторгом воспели поэты
Разноцветных салютов букет.
Они в небе искрились, летали
Разной формы и разных цветов.
Не о славе солдаты мечтали,
Но на подвиг был каждый готов.

Память сердца

О днях суровых в памятьobeliski,
На плитах мраморных погибших списки.

Дыханье затаив, фамилии читаю.
А может, я родных найду сейчас, узнаю.

Я знаю: воевали мой дед и дядя.
Он бравый был солдат, на фото глядя.

Их с фронта посылал любимой мамке,
Она хранила их на стенке в рамке.

Дед ранен был, врачи комиссовали.
Недолго воевал, но заслужил медали.

А сына мать ждала, сестрёнки ждали...
Что без вести пропал — письмо прислали.

Наверное, где лежит — растут берёзки.
А вот и в списках он:

«Г. А. Дубровский».

г. Пласт

Валерий Дивянин

А снится всё, как пули пели...

Хатынь

Здесь хлебом-солью не встречают
И в хаты дети не бегут:
Тебя, Хатынь, все люди знают.
К тебе все едут, все идут.
Священно право поколенья!
О сколько цифр и скорбных слов
Вписало горе, потрясенье
Под перезвон колоколов!
За звуком звук, мороз по коже —
Не равнодушен здесь никто.
Невольно шепчешь: «Боже, боже...
За что же это им, за что?»
Деревня заживо сгорела.
Сто сорок девять их, смертей.
Я всё молчал и всё терпел бы.
Но не могу я про детей...
Вот бегал Миша, Юзик, Вова...
И вдруг — карательный отряд.
Стучат тяжёлые подковы,
И дети — в пламени горят.
Молчите, слушайте: их души
Ушли в окрестные леса.
Не птицы там кричат всё глуше —
Детей хатынских голоса.
Не ветер по полю гуляет —
То их последний слабый стон.
Замрёт и снова возникает
Со всех сторон, со всех сторон.
В колодцах чистых слышат слёзы.
Из глаз струится звёздный свет,
И машут скорбные берёзы
Руками детскими вослед.
Не властно время над Победой
Бедовых лет сороковых.

Хоть внуки ростом выше дедов,
Ещё оставшихся в живых.
Пройдя военные дубравы,
Без смен на вахте трудовой
Стареют наши ветераны,
Редет их железный строй,
Тех, кто не дрогнул в лихолетье,
Оборонил свой дом родной,
Добыл победу и бессмертье,
Покончив с долгою войной.
С годами слава их заметней.
Легендой мужества живёт.
Она не гаснет и не меркнет.
Потомков к памяти зовёт.

* * *

Бывает, часто по ночам
Спокойно спать мешают раны.
И даже невдомёк врачам,
Как доживают ветераны.
Война оставила свой след
В душе и шрамами на теле.
Прошло уже так много лет,
А снится всё, как пули пели...
Вы шли в ночи, и в зной, и в слякоть.
Вы мерзли в стылых блиндажах.
Вы научились слёзы прятать.
Не отставая ни на шаг!
Сияй над миром всем, светило,
Обняв теплом наш шар земной.
Вас лихолетье не сломило.
Вы не стареете душой.

г. Южноуральск

Наталья Дубровина

Родителям

Труженикам тыла посвящается

Сердце просит тишины,
Мы стоим, глотая слезы.
Вы свидетели войны,
И о том шумят березы.

Не сражались на фронтах,
А с мала в тылу трудились.
Отгоняя сон и страх,
За Победу тоже бились.

Восстанавливать страну
Снова вам тогда досталось.

Мир запомнил ту весну.
Победили! Прочь усталость!

Благодарны за любовь
И что нас оберегали.
В наших жилах — ваша кровь,
Ваши — наши все печали.

Молча смотрите с небес,
Улыбаясь, как живые.
Слышен тихий полонез...
Вы теперь и часовые.

п. Увельский

Дорогой читатель!

Это повествование от лица моей мамы, Анны Андреевны Прохоренко. Она проживает на Брянщине, в сказочном посёлке партизанской славы Белая Берёзка! Маме 88 лет.

Её устные рассказы открывают новые, правдивые, нередко противоречивые страницы жизни людей, вынужденных с августа 1941 г. по сентябрь 1943 г. жить и работать в условиях немецко-фашистской оккупации.

Детям Великой Отечественной войны посвящается!

Марфа

Большевик

Накануне немецко-фашистской оккупации Брянщины Марфа Ивановна проживала в селе Глыбочка Трубчевского района. Марфа была активным членом партии большевиков, и очень гордилась этим. Её часто называли «женщина-огонь».

Партийная работа у неё была ответственная. Однако никто из близких людей точно не знал, какие задания она выполняла. Родственникам приходилось только догадываться, что эти поручения были секретными, а их разглашение было недопустимо и опасно.

Работа в колхозе требовала от Марфы Ивановны также полной отдачи! Она была опытным табаководом-организатором. Передвигалась Марфа от одной деревни к другой верхом на коне. Это был единственный для того времени способ передвижения, который позволял ей с раннего утра до позднего вечера контролировать состояние обширных полей табака.

В то далёкое для нас время табак высаживали на больших площадях и практически в каждом селе. Несколько близлежащих деревень с необозримыми посевами табака были под её неусыпным контролем.

Работы у табаковеда Марфы было много. Она никому не доверяла осмотры безбрежных полей табака! Сама объезжала верхом на лошади посевы, следила за порядком и качеством посадки табака, результатами продукции табака, а также отношением работников к делу. Если у них работа не спорилась, то она могла быть жёсткой и даже грубой. Её побаивались и бабы, и мужики.

Марфа была замужем, имела дочку Настю, но воспитанием ребёнка не занималась. Тихая семейная жизнь была не для неё. Работы у Марфы было так много, что дома её видели редко. На одном месте ей не сиделось.

Она всё реже и реже заезжала домой. Спрыгивала с лошади, не раздеваясь, забегала в дом, но уже через несколько часов вынуждена была срочно выезжать на работу.

Марфа Ивановна сама понимала, как сильно страдает семья от её неумного характера и беспросветной работы! И вот однажды, в один из таких напряжённых для семьи дней, она сказала своему мужу: «Не могу я больше тебя мучить, дорогой мой человек! Вся моя жизнь — это работа. Плохая я тебе жена! Если сможешь, то выбери себе другую женщину и женись на ней. Только одно у меня к тебе условие — дочку нашу не обижайте, воспитывайте вместе, как родную!»

Спустя некоторое время муж Марфы Ивановны поступил по её совету. Он женился на добропорядочной старой деве. Мачеха была добрая и никогда не обижала падчерицу Настю, жалела её.

...Наступило время, когда начался тщательный поиск «врагов народа». Родственники рассказывали, что отец маленькой Насти «что-то кому-то не так сказал», и исчез из её жизни на десять лет.

Все долгие годы, пока в семье не было отца, Настя жила со своей мачехой в деревне Глыбочка. Она прилежно училась у этой доброй женщины всем домашним делам. Умела прясть, шить, вязать, готовить пищу, заботиться о близких людях. За всю свою долгую жизнь с мачехой Настя ни разу не слышала от неё ни одного худого слова. А когда из ссылки вернулся больной, не по возрасту старый отец Насти, то она уже была девушкой на выданье.

Настя и Иван

Настя была редкой красавицей на всю округу! У неё были большие карие глаза. Тонкие черты её лица обрамляла тяжёлая копна жёстких, вьющихся чёрных волос. Белая и чистая кожа, мягкий и музыкальный тембр голоса, неторопливые движения её стройного тела завораживали всех, кто на неё смотрел. Настей любовались все! А когда Настя танцевала, то от неё невозможно было оторвать глаз!

Песни она пела, как птичка. Всё вокруг замирало... И до того она была хороша собой, что всем казалось: не будет ей пары. Никто из хлопцев деревни Глыбочка даже не пытался завоевать сердце красавицы. Они понимали, что не про них такая красота!

Но вернулся к этому времени из армии мой брат Иван! Тоже редкой красоты был молодой человек! Рослый, статный, чернявый, гармонист на всю деревню! На гармошке играет, песни поёт, да при этом ещё и танцует. С одного взгляда влюбились в него все алешенские красавицы, а у братика не лежала душа ни к одной из них. Скучно ему стало в деревне Алешенка песни петь да на гармошке играть!

Вечерело... Взял Иван свою гармошку, закинул за плечо да и пошёл вместе со своими друзьями в деревню Глыбочка. Там как раз танцы начинались. Заиграл чернявый да разухабистый парень на своей гармошке. Мелкую дробь ловко выбивает своими стройными ногами, а глазами карими так и стреляет по сторонам! Весело ему! Радость молодости по жилам пробегает.

И вдруг... карие очи молодца затуманились, увлажнились. Увидел Иван, как легко и статно выплывает в танце красавица Настя. Сердце его молодое дрогнуло, приятно заныло. Понял Иван, что это его жизнь и судьба! Пригласил Настю на танец... Танцуют Настя и Иван, в глаза друг другу смотрят пронзительно, не могут оторваться друг от друга. Удивляются молодые люди! Вот встреча их судьбоносная, которую ждали они всю свою жизнь!

Пожились Иван и Настя ещё до войны. Иван у родителей был старшим сыном, а значит, главным помощником. Хоть пешим ходом от одной деревни до другой не больше часа, только не стал Иван оставлять родителей без кормильца.

Забрал свою Настеньку из деревни Глыбочка и отвёз в деревню Алешенка. Поселились молодые в доме родителей Ивана Андрея Никоноровича и Огарпины Стефановны. Семья у нас была большая, доброжелательная, весёлая, с тонким чувством юмора.

Так хорошо запомнился мне один случай. Подзывает меня к себе моя восьмидесятилетняя бабушка Галя, в честь которой и меня Галиной назвали, и говорит с хитринкой в глазах: «Иди, Галочка, ко мне! Посмотри, какого чёрта рогатого наш Ванька привёл жить в семью!» А было мне тогда годков пять, не больше. Я, конечно, вся затрепетала, испугалась... Бабушка, хитрая бестия, показывает мне пальцем на Настю и говорит: «Смотри-смотри, Галя, у Насти такая бесовская причёска на голове, где каждый рог замотан косами, чтобы мы этого не увидели!»

Вечером того же дня, когда вся семья была в сборе, Настя подозвала меня к себе, чтобы познакомиться поближе. Я медленно, с неохотой подошла к ней и вдруг громко заявила: «Ну уж нет! Ты покажи-ка мне сначала свои рога!!!»

Все смеялись долго и до слёз! А Насте пришлось расплести косы, чтобы я могла убедиться, что голова у неё ровная, как у всех нас... Настя не обиделась на меня и на бабушку... Она оценила шутку.

Настя оказалась безобидной и доброй душой! С тех пор мы с ней стали закадычными друзьями. Я её полюбила. С удовольствием нянчилась с её маленькими детьми, Витей и Марией, защищала свою взрослую невестку Настю, если кто-нибудь пытался причинить ей душевную боль.

В семье места всем хватало. Жили дружно. Во всём друг другу помогали. А уж когда появились у молодых собственные дети, такие же красивые и породистые, как сами Иван и Настя, то все мы были просто счастливы, что в нашей большой и дружной семье начала расти молодая поросль, продолжение нашего рода.

Марфа Ивановна стала бабушкой! Она всё также проживала в селе Глыбочка, но никогда не оставляла свою дочь и внучат без внимания. Заезжала к ним неожиданно, с гостинцами и подарками. Её приезд в семью был всегда общей радостью! Располагалась Марфа в избе ненадолго. Не успевали они с дочерью наговориться и нарадоваться друг другом, как мать уже седлала лошадь для возвращения к работе.

У Марфы не заканчивался непочатый край работы! Рождённая на заре Великой Октябрьской социалистической революции, она была предана её идеям, и с каждым прожитым годом работы у неё всё прибавлялось!

Когда началась война, то на оккупированной фашистами Брянщине Марфа Ивановна стала одной из первых связных партизанских отрядов. Опасная это была работа!

Дудукало

С самого начала войны в нашей деревне начали появляться и полицаи. Они были разные. Среди полицаев были те, кого фашисты принудили работать на них по разным причинам. В этих ещё оставалось что-то человеческое. Но были и другие, которые добровольно пришли к немцам.

Последние работали на фашистов подобострастно, как псы цепные! Они были злобными. Вынюхивали важную для немцев информацию и несли её в полицейский участок. Таких полицейских в народе с ненавистью называли «полицаями-предателями». В душе у них мало было святого!

Озверевшие полицейские-предатели давно следили за активисткой подпольщицей и готовы были схватить её в любой момент для расправы. Но Марфа Ивановна умела прятаться от врагов в самых неожиданных местах.

Марфа Ивановна была неуловима для полицейских. Она умела затеряться среди немцев, алешенских полицейских, односельчан села Глыбочка, в котором она проживала. Марфу выслеживали самые опытные полицейские и немцы, но она ухитрялась так замысловато запутывать свои следы, что никто из них не мог догадаться, где она находится и чем занимается. В любой ситуации ей было не занимать природной хитрости и проницательности. От врагов всякий раз Марфу спасали смелость и сноровка деревенской бабы.

Помню один случай, связанный с появлением Марфы Ивановны в нашей деревне Алешенка. Однажды заглянул в наш дом главный полицейский деревни Дудукало. Время было послеобеденное. Все взрослые находились на работах, организованных немцами. Людей фашисты держали тогда под страхом смерти. Для своей защиты они заставляли всё взрослое население и детей подросткового возраста копать траншеи, окопы и заградительные сооружения.

...Меня, десятилетнюю девочку, взрослые оставили дома в качестве няньки, чтобы я присматривала за малолетними детьми, двоюродным братиком Витей и сестрёнкой Марией. Вдруг дверь нашей хаты скрипнула и отворилась. Вошёл долговязый главный полицейский Дудукало. Вслед за ним поспешили войти трое немцев, разговаривавших со мной отрывисто и на непонятном мне языке. Витя и Мария бросились ко мне и заплакали.

Не забуду никогда этот момент. Дело в том, что в самом начале войны я до ужаса боялась немцев! Я ещё не видела тогда их в глаза. Но по рассказам односельчан это были не люди, а звери дикие и обязательно с рогами и кривыми клыками.

И вот стоит передо мной верзила, полицейский Дудукало. Громко, как труба, переводит мне слова немцев: «Чья ты? Как зовут тебя? Скажи нам свою фамилию и имя!» Потом он закричал: «Говори, чья ты, девочка?» Меня обуял ужас! Потрясение десятилетнего ребёнка от первой встречи с немцами выражалось только двумя словами: «...папкина и мамкина... я папкина и мамкина...» Злобно сплюнув, Дудукало повёл немцев осматривать наши дворовые постройки.

Я сидела в центре хаты на свежeweымытом дощатом полу, судорожно обхватив двух дрожащих и ревуших от испуга малышей. Страх сотрясал моё тело, верхние и нижние челюсти клацали друг о друга, издавая странный звук мелкой дробы, которую невозможно было остановить. Мой встревоженный слух жил отдельно от меня и удивлялся однообразной и монотонной речи, вырывающейся из моей детской гортани: «...я мамкина и папкина... мамкина и папкина я...»

Когда вечером вернулись с окопных работ мои родители, Андрей Никонорович и Огарпина Стефановна, моя сестрица Маша и невестка Настя, то мы с малышами рассказали им о пережитом нами ужасе. Мы поведали нашим родным, как в хату ворвалось трое немцев, а вместе с ними полицейский Дудукало. Взрослые с тревогой слушали маленьких рассказчиков и успокаивали нас.

Поздно вечером к нам постучал неожиданный гость. В хату вошёл всё тот же грозный полицейский Дудукало. Он обратился к моим родителям с такими словами: «Андрей Никонорович и Огарпина Стефановна, признавайтесь подобру-поздорову! Где вы прячете Марфу Ивановну? Нам донесли точно, что она пришла к вам».

Мои родители только руками разводили. Где же им было знать, если с утра до позднего вечера, рук не покладая, они копали немцам окопы?!

Дудукало был недоволен. Он показал пальцем на меня и сказал со злобой иронией: «Вот это маленький партизан! Заладила... “Мамкина и папкина, папкина и мамкина”. Признавайтесь, это она специально свою фамилию скрывала? Это вы её научили ничего не говорить?»

В этот вечер полицейские вместе с немецкими солдатами перевернули всё наше подворье. Они искали Марфу Ивановну в каждом подсобном помещении, в каждой клетке, в каждом углу! Не нашли Марфу! Они подкарауливали Марфу всю ночь в надежде, что она неосторожно выдаст себя.

Но наступило утро, и немцы снова погнали взрослое население рыть окопы... А Марфа как сквозь землю провалилась! Нигде её фашисты не могли найти!

...Вечером того же дня мы рассудили так. Если Марфа к нам приходила и успела понять, что здесь уже опасно, то она ушла в надёжное место. Так думали мы все, и нам очень хотелось, чтобы это было именно так! Но оказалось, что всё было иначе!

В хлеву

Только спустя многие годы я узнала, доподлинно и лично у Марфы Ивановны, где же она всё-таки пряталась в тот страшный для меня и её внучат день.

Накануне кто-то из полицаев донёс немцам, что она пришла в деревню. Цепные псы вышли за Марфой Ивановной на охоту.

Когда Марфа Ивановна заметила на подворье Дудукало с немцами, то пути к отступлению уже не было. Ещё немного и несколько неловких движений, и её могли бы обнаружить. Отступить ей было некуда. Она замерла на мгновение, ещё не осознавая, что она будет делать в следующие секунды...

Божий промысел ей помог! Неожиданно она увидела, что перед ней открыта дверь в хлев. Там находилась наша корова Зорька. Серой, незамеченной тенью скользнула Марфа в хлев. Зорька её хорошо знала, поэтому только с удовольствием махнула хвостом и продолжила жевать солому.

Марфа была спасена?! Но надолго ли? Сердце её стучало всё чаще. Марфа понимала, что пройдёт ещё несколько минут, и её начнут искать в помещениях для скота, разворотят там всё сено, аккуратно сложенное по углам про запас. Что делать? Как перехитрить немцев? Ситуация складывалась безвыходная. Напряжение нарастало... Из хаты она уже слышала грубый голос полицака Дудукало. Он на кого-то кричал, что-то отрывисто и громко требовал. Потом Марфа услышала безудержный рёв своих внучат, Вити и Марии. Сердце её дрогнуло. Она поняла, что ждать больше нельзя. Это её верная погибель... И Марфа решила!

Зорька

Когда в хлев ворвались Дудукало с немцами, то Марфы там не было... Вражины швыряли в разные стороны сено, вилами прокалывали набросанные кучей старые вещи. Перевернули все ёмкости, аккуратно сложенные хозяевами на лавке. Разбили обе деревянные бочки, наполненные водой для Зорьки. Они злобно метались, занимаясь разбоем, но Марфу Ивановну так и не нашли. С ненавистью взглянув на равнодушно лежащую на боку корову, степенно жующую сено, они грубо выругались и поспешили выскочить из хлева.

Их тщательный осмотр двора и его подсобных помещений продолжался. «Нехристи навели такой беспорядок на подворье и сотворили так много беды для хозяев, что эту картину даже трудно описать! Но несмотря на весь вред, причинённый невинным людям, Марфу Ивановну они так и не нашли!» — рассказывает мама.

...То, что происходило с Марфой, кроме как чудом, не назовёшь. В то время, когда вражины метались по хлеву и безумствовали, Марфа Ивановна лежала возле коровы, плотно прижавшись к её телу, припорошенная сверху сеном.

Воистину все животные умны и благородны! В них есть живая душа. Они чувствуют беду и защищают не только себя, но и своих заботливых хозяев. Их осмысленный порой человеческий взгляд, необычные поступки, наконец, слёзы, когда они несправедливо страдают, у нас, людей, вызывают разноречивые чувства.

Зорька поняла, что грозит Марфе, и защищала её как могла. Она лежала на боку тихо, в умилении, демонстрируя при этом полный покой. Кто посмеет сказать, что это случайность, а не осмысленный поступок умного и благодарного животного? Как иначе объяснить поведение коровы Зорьки, закрывшей своим телом хрупкую, загнанную страхом женщину, которой грозила смертельная опасность?

Весь вечер и ночь Марфа провела в хлеву рядом с Зорькой. А утром, когда фашисты с полицаями потеряли интерес к нашей хате, ей удалось бежать в Глыбочку.

Марфа-партизанка

Впереди Марфу Ивановну ожидало, как всегда ответственное и опасное дело. Работа была запланирована подпольной организацией заблаговременно, и результат нужен был только положительный.

В одной из установленных руководством подпольных квартир должна была состояться встреча Марфы Ивановны со специалистом, ответственным за партизанское движение в Трубчевском районе.

Марфе нужно было провести своего спутника до села Глыбочка в дневное время. Остановиться предполагалось в хате Марфы. В Глыбочке у неё не было другого более надёжного и безопасного места укрытия. Марфа Ивановна планировала тем же вечером провести товарища в лес к партизанам известными только ей одной тайными путями. Осторожная Марфа продумала каждый свой шаг... Но с самого начала всё пошло не так, как хотелось...

По дороге из Алешенки в Глыбочку она забрала своего попутчика, переодетого в женское платье. Возможно, что ничего особенного не произошло бы и они могли остаться незамеченными. Однако по дороге в Глыбочку кто-то заинтересованный сдать Марфу немцам узнал её. Информация мгновенно поступила в полицейский участок.

Нужно сказать, что за её домом уже несколько дней подряд велось неусыпное наблюдение. Её здесь ждали. Знали, что рано или поздно, но Марфа придёт домой. В среде полицейев была наводка, что Марфа регулярно переправляет каких-то людей в лес к партизанам.

Не успели Марфа Ивановна с посланцем для партизан войти в сенцы и запереть за собой дверь, как в хату начали стучать и ломиться полицейши с немцами. Они требовали, чтобы она немедленно открыла дверь.

Марфа всё поняла... Сейчас каждая её секунда была на вес золота! Она закричала: «Сейчас, сейчас.. Иду... уже иду...» И в эти же самые мгновения она уже спасала человека. Марфа открыла задвижку печки и требовательно сказала своему спутнику: «Залезай! Не волнуйся! Сиди тихо. Я тебя спасу...»

Она плотно закрыла задвижку печки и поспешила открывать «дорогим гостям». Открыла дверь! Сделала вид, что обрадовалась им! Пригласила в хату. Услышала угрозы и грубые окрики в свой адрес. Нежданные гости бросились к ней с расспросами: «Видели наши люди, как кто-то вошёл вместе с тобой в дом! Где он?» А она им деловито и спокойно отвечала: «Не верьте, господа! Это неправда! Люди что угодно наговорят на одинокую женщину! Можете всё проверить».

Фашисты с полицейскими бросились проверять каждый угол хаты. Между тем гостеприимная Марфа, как бы освобождая проход вглубь комнаты для проверяющих немцев, стала незаметно придвигаться к припечью. Вот она уже стоит возле припечья, и тонюсенько скипает на сковородочку сало. Рядом на тарелочке лежит десяток своих яиц. Тут же на припечье зажигает она маленькие палочки, заготовленные впрок для розжига печи. И не нужно Марфе открывать тяжёлую задвижку печки, разжигать там огонь, ведь всё можно сделать на скорую руку. Угощение нужно приготовить быстро, вот поэтому и пламя развела прямо на припечье!

И вся-то Марфа при этом деловая, заботливая да гостеприимная! Косыночку поправляет, прихорашивается, не забывая ежеминутно приговаривать: «Вот яйчики для вас жарю да на самом вкусном смальце! Угостить вас желаю. Курочки то у меня свои, отборные! Такие крупные да сладкие яйчики несут! Не совру, только у меня одной в деревне такие вкусные яйчики! Во всей округе не сыскать лучше! Да, вот ещё что... Для таких дорогих гостей за- всегда готова по рюмочке услужить!». Стоит Марфа возле припечья, разве что не танцует... готовит вкусно и аппетитно.

Немцы с полицейскими всю хату облазили. И на печке были, и под печь забирались. В подпол спускались. Фонарями там светили. Всё перевернули в хате, но так никого и не нашли! Стоят, переглядываются друг с другом, Марфу слушают, замороженные: «Дорогие гости мои! Никого у меня нет, кроме вас! Кушайте, отдыхайте! Я так рада, что вы заглянули ко мне на огонёк. Разве я позволю кого-нибудь кроме вас сюда приводить?! Ох, уж эти “люди на блюде”, как легко оговорить одинокую женщину!»

Актриса! Настоящая, природная и народная актриса Марфа Ивановна. Поверили ей фрицы несчастные! Разомлели они от гостеприимства Марфы, расслабились. Запах от свежеприготовленной яичницы тонкий, ароматный. Разыгрался у немцев аппетит. Стали они выпивать, яичницей и солёностями закусывать. Хохочут немцы, радуются. Но долго не задержались. Начальство ждало их с отчётом. Ушли наконец постылые!

Едва успела Марфа Ивановна закрыть за ними дверь, так и кинулась к печи, отодвинула тяжёлую задвижку. Помогла вытащить товарища из узкого горла печки. Закашлялся он, зачихал... Рассказал, как страшно ему было в печке сидеть. Ему, здоровому и крепкому мужчине, нужно было много претерпеть, не шевелиться, всё слышать и молчать! Говорил, что чуть было не задохнулся. Особенно, когда дым пошёл. Так сильно вдруг захотелось ему чихать и кашлять... Как выдержал, так только один Бог знает!

...Уже спустя несколько часов Марфа Ивановна вела своего мужественного товарища по тайным и заповедным тропам Брянского леса в самый крупный партизанский отряд Трубчевского района, где его с нетерпением ожидали. Так благодаря Марфе Ивановне состоялась одна из наиболее важных встреч по планированию и координации победоносного народного движения против немецко-фашистской оккупации Брянщины.

Зимняя пелька

Зима 1941 года была жестокой и снежной. Марфу взяли по навету с поличным. Сдал её немцам глыбоцкий староста. Все доказательства её связи с партизанами были налицо.

...Немцы ворвались к ней в хату. Они бесновались! Начался погром. Всё, что они видели, или к чему прикасались руками, это мгновенно уничтожалось, разбивалось, разрывалось, разрезалось, вытряхивалось, ломалось, затаптывалось сапожищами.

Марфа понимала, что это конец. Она успела накинуть на себя полушубок и намотать онучи в лапти. Её схватили, больно связали. Когда привязывали к саням, то она была уже четвёртой. Рядом мучились трое учителей-евреев. Немцы и полицаи лихо попрыгали в сани, стегнули лошадей. Привязанные к саням уже немолодые люди должны были бежать за сытыми лошадьми.

Силы покидали людей, и они падали. Встать они уже не могли, так как фашисты умышленно не сбавляли скорость. Их тащили по промёрзшей, ухабистой зимней дороге. Несчастные получали тяжёлые травмы.

Пленённую четвёрку привезли к реке. Развязали руки и дали каждому по топору. Всем четверым было приказано высечь для себя пельки. Лёд был толстый. Обессиленная Марфа старалась. Она изо всех сил била топором по скользящей и сверкающей на солнце поверхности льда, но он не поддавался. Мужики-евреи высекли пельки первыми. Одного из них, не успел он глазом моргнуть, немцы затолкали под лёд. С другими им пришлось повозиться. Один из них был настолько силён, что оказал фашисту яростное сопротивление. Когда его сбросили в воду, он сумел ловко схватить фашиста, стоявшего неподалёку от пельки, за щиколотки обеих ног. Хотел вместе с ним уйти под воду. Но другой немец успел подскочить к несчастному, и отсёк ему обе руки. Окровавленный, он ушёл под воду.

Всё это происходило на глазах у Марфы Ивановны. Обессиленная, она не могла быстро высечь себе пельку. Было ей тогда под пятьдесят лет. Возраст немолодой. Физические силы уже не те, что раньше.

Моя мама со слезами на глазах поведала нам подробный рассказ о тяжких испытаниях Марфы Ивановны.

Марфа рассказывала: «Вот секу я лёд. Сил у меня не хватает, задыхаться начинаю. Хочу выпрямиться, передохнуть. Но, как только я перестаю сечь лёд, на меня тут же набрасывается глыбоцкий староста и начинает сечь уже меня... Досадно мне, ведь сечёт меня не фашист, а наш гад, деревенский староста! Шуба меня немного защищает, хоть уже рассечена до нутра, а всё остальное тело открыто... Очень больно мне! А он, гад, не устаёт, сечёт да сечёт... Ноги у меня подкашиваются, в глазах темнеет. И, будто в беспамятстве, слышу я вдруг голос Марата. До войны он был моим товарищем по партийной линии. Занимал в районе крупный пост. Работали мы с ним в одной упряжке, так сказать, бок о бок. Хороший был человек и семьянин. Когда фашисты оккупировали Брянщину, то Марата принудили стать бургомистром. Он у немцев руководил всем Трубчевским районом, но жил своей семьёй в деревне Селец.

В то время, когда жить мне оставалось совсем немного, Марат проезжал на санях по нашей укатанной зимней дороге из одной деревни в другую». Увидев издали, что немцы устроили казнь кому-то из его деревенских жителей, он свернул с дороги и подъехал к ним. Узнал Марфу Ивановну, и его доброе сердце дрогнуло. «За что вы так сечёте эту женщину? В чём она провинилась?» — спросил он смело и уверенно глыбоцкого старосту, в поту истязавшего Марфу. Важно сказать, что власть Марата местные немцы и полицаи хорошо знали и уважали.

Выслушав яростные пояснения фашистских обвинителей о связи Марфы с партизанами, он сделал заявление: «Я знаю эту женщину! Вместе с ней долго работал. Не верю ни одному слову о её связи с партизанами! За свои слова ручаюсь и отвечаю всей полнотой своей власти! Беру её на поруки. Будет она проживать в моем доме и выполнять нужную моей семье домашнюю работу!» Немцы и полицаи размякли. Видя напористость и твёрдость слов Трубчевского бургомистра Марата, повинуюсь его власти, они вынуждены были остановить истязания Марфы Ивановны. Марат забрал полуживую Марфу со льда реки, усадил в сани. Резво стегнув лошадей, они помчались от ужаса событий, участником которых была Марфа Ивановна.

Когда Марат спас Марфу и увёз от немцев, то им нужно было срочно ехать к нему в Селец, чтобы у полицаев не осталось никаких сомнений. Приехав с Марфой в свой деревенский дом, Марат пригласил её в рабочий кабинет, где рассказал о плане её спасения.

Марат сидел в глубокой задумчивости за своим рабочим столом и медленно говорил: «Марфа, мы долго работали с тобой вместе до войны. Хорошо знаем друг друга и доверяем каждому слову... Богу угодно, чтобы я проезжал мимо, когда немцы собрались тебя лишить

жизни. Теперь нужно не ошибиться и делать так, чтобы они не догадались, почему я тебя спас. Немцы и полицаи будут следить за каждым моим и твоим шагом. Если мы сделаем что-то неправильно, то они, долго не разбираясь, уничтожат не только нас с тобой, но и всю мою семью».

Они оба сидели молча и думали... Мысли прервал Марат: «Время терять нельзя! Действуем смело и ответственно! Я отпускаю тебя ночью в Алешенку к своей семье. Ты пойдёшь туда по самым непроходимым и заснеженным местам, чтобы никто тебя не мог увидеть. От нас до Алешенки три километра. Через три часа ты должна быть здесь, в моём доме! Если этого не произойдёт, то ты нас всех погубишь... Позже у немцев начнётся подъём, тогда всё пропало... Я даю тебе один час хода до Алешенки и час хода, чтобы вернуться назад! Ты войдёшь в свой дом только для того, чтобы сказать родным, что ты живая. Расскажешь, что произошло, как я тебя спас и где ты будешь теперь жить. Всё, Марфа Ивановна, беги! Сердце у меня разрывается, ведь в Алешенке у тебя Настя, дочка твоя единственная, небось, похоронила уже мать родную...»

И Марфа побежала... Она выскочила в ночь, которая оказалась такой звёздной, что осветила всю её с ног до головы! Разрубленный от побоев во многих местах полушубок зиял дырами. Пронырливый ветер проникал в них и обжигал холодом, но Марфа этого не чувствовала. Сосредоточение на самом главном сделало её подвижной и стремительной! Наблюдателю со стороны, да ещё в ночное время, могло показаться, что видит он перед собой сильного и здорового зверя!

Снегу было много, но она старалась бежать по заносам, где его было ещё больше. Порой она проваливалась в снег до пояса, но это её только бодрило. Откуда-то взялись такие могучие силы, когда ей порой казалось, что это бежит вовсе не она, а её странная и могучая тень! Ею двигала только одна мысль! Нужно было успеть добежать до Алешенки глубокой ночью и вернуться засветло, когда фашисты ещё спали глубоким сном.

Возвращение

...В это время все жители деревни Алешенка уже знали, что Марфу полицаи выследили и вместе с тремя учителями-евреями повезли на речку предать их смертной казни.

Настя, единственная дочка Марфы Ивановны, убивалась, рвала на себе одежды, плакала и криком кричала: «Мамочка моя, родненькая, что же с тобой сделали фашисты проклятые! Как же мне тебе помочь!»

Мне было уже десять лет, и я понимала, что в семью пришло горе. Видя, как убивается моя любимая невестка Настя, я тоже рыдала на всю хату. Нас никто из домашних не утешал. Так было у нас принято...

Спустя некоторое время Андрей Никонорович запряг лошадей, посадил в сани опухших от слёз женщин и повёз в Глыбочку. Проезжали мимо хаты Марфы. Она была открыта. Что в ней творилось, это не передать, рассказывала мама. После такого погрома, который учинили в хате полицаи вместе с немцами, жить здесь было уже нельзя...

Когда приехали на речку, то никого там уже не было. Нашли только три свежесрубленные пельки да следы истязаний людей. Настя снова залилась слезами и упала в обморок. Мне было страшно. Все поняли, что Марфу утопили.

Вернулись мы домой поздно... Наступила ночь, но никто из членов семьи не мог уснуть. Лежали тихо, прислушиваясь к каждому шороху, к каждому звуку. Было страшно...

Вдруг глубокой ночью, когда от усталости и страданий все мы начали погружаться в тяжёлый сон, раздался вкрадчивый и настойчивый стук в маленькое окошко. Оно было со двора. Знать о нём могли только свои, так ловко отец его спрятал.

Первой к оконцу бросилась моя мама, Огарпина Стефановна. Прильнув к окошку, наполовину запорошённого снегом, она увидела силуэт Марфы. Мама закричала: «Марфа живая! Она сама к нам пришла. Открывайте скорее ей двери!»

Все бросились в сени... Андрей Никонорович открыл тяжёлый дверной засов, и в хату вошла Марфа. Настя первой бросилась к матери, и снова начала обмирать и плакать, но уже от радости. Огарпина Стефановна, горячо обняв свою дорогую сватью, поспешила к печи, надеясь подкрепить её ещё тёплым борщом. В доме стояла радостная и счастливая суета!

Но не прошло и нескольких минут, как в хате все замерли. Помню, как Марфа Ивановна стоит посередине комнаты. Не снимая своего полушубка, она рассказывает нам о том, как с божьей помощью ей удалось спастись!

Рассказ этот запечатлелся в моей душе на всю жизнь! Когда она начала рассказывать, что с ней произошло чудо спасения, то я как раз проснулась. Лёжа в сонном забытии на тёплой русской печке, я не могла даже пошевелиться, такое сильное воздействие произвёл на меня её рассказ. Помню, как она показывает свой красивый полушубок, на котором

неожиданно появились глубокие и грубые разрезы, как кровоточащие раны на теле человеческого.

Марфа так ни разу и не присела на стул, не передохнула ни минутки. Отказалась от щей. С любовью и жалостью отстранив от себя зависающую на ней дочку Настю, она поклонилась всем нам, перекрестилась, глядя в красный кут, и сказала: «Ну вот и справилась, слава тебе, господи! Теперь в обратный путь! Простите меня!»

Она быстро повернулась и выскользнула в сенцы... Все замерли. Каждому казалось, что это был благодатный сон, а не реальность. И, помолвившись, вся семья наконец спокойно уснула.

Марфа не подвела Марата. Она успела вернуться в деревню Селец перед рассветом... До конца войны Марфа Ивановна проживала в семье бургомистра. Она была очевидцем и свидетелем, как Марат, рискуя своей жизнью, не раз спасал наших людей от верной гибели, выручал и помогал им.

Прощение

Когда немцы вынуждены были оставлять оккупированные территории Брянщины, а население молилось, чтобы поскорее пришла Великая Победа над фашизмом, Марат как-то сказал Марфе: «Пришло время расставаться... Иди, Марфа Ивановна, в Алешенку к своим! Там тебе рады будут. Теперь тебя никто не обидит! Все немцы и полицаи деревенские разбежались».

Марфа спросила Марата: «А ты куда теперь? С ними? С немцами уйдёшь?» Он грустно усмехнулся: «Нет! Я не с ними. Они мне всегда были чужими, и я им был чужой... Но, когда придут свои, то и своим я буду не нужен. Мне нет веры, Марфа, ни у тех, ни у других! Поэтому теперь я один... И будет ли мне когда-нибудь прощение, Марфа?»

Марфе передалось волнение Марата. Её тонкое от природы чутьё подсказывало, что это их последний разговор, что больше они уже никогда не встретятся. Они прощались с ним навсегда.

Усилием воли, поборов свою явную растерянность, из которой было видно, что он ещё не сказал о главном, Марат произнёс: «Есть у меня к тебе, Марфа Ивановна, большая просьба! Скажи честно, если вдруг когда-нибудь понадобится мне помощь, чтобы засвидетельствовать перед советскими органами, что я не зверствовал на оккупированной территории, а помогал населению, то ты заступишься за меня?! Мне важно знать это!» Марфа ответила, что никогда не забудет его добро и засвидетельствует в любое время и в любом месте, что он спас её жизнь! Они расстались. Это была их последняя встреча.

Время шло... Марат словно в воду канул. Никто о нём не вспоминал и никогда не спрашивал.

Возмездие

В Глыбочке после немецкого погрома её хаты жить было невозможно. Поэтому Марфа переехала в Алешенку и жила то в большой семье дочери, то на время приживалась в работницах. Про таких, потерявших своё жилище, говорили, что человек «скитается», то есть не имеет своего угла. Многие люди в это тяжёлое время всё ещё жили в землянках. Но Марфа никогда не оставляла своей окрылённой мечты! Она верила, что свой дом у неё обязательно будет.

Послевоенное время не шло, оно просто летело! Страну поднимали буквально из руин. По деревням началась вербовка работников в разные уголки нашего разрушенного войной Отечества. В это время человек десять девушек из деревни Глыбочка завербовались для работы на одной из крупных строек.

Прошло месяца два после их отъезда. По почте приходит Марфе письмо от девочек. Взволнованные девушки сообщают о том, что в одном из директоров строительного комплекса они узнали бывшего глыбоцкого старосту, который во время войны жестоко управлялся с земляками, а также предал немцам Марфу. Это староста привёз её в зимнее время на реку и заставил сечь себе лунку, чтобы утопить в проруби за связи с партизанами. А чтобы она работала быстрее, он так сильно сёк её плетью, что на ней разрывался овчинный тулуп и от ударов кровоточило всё тело.

В это время у Марфы не было своего жилья, и она проживала в большой семье дочери Насти, в которой было тогда двенадцать душ людей. Мне было тринадцать лет. Я хорошо помню, как быстро Марфа Ивановна засобиралась в дорогу.

Вот как это было... Она достала из сундука свою залежалую шубу, посеченную несколько лет назад негодяем и предателем глыбоцким старостой и сложила её в свой дорожный

мешок. Взяла письмо с точным адресом проживания завербованных на стройку глыбоцких девчонок и спешно выехала в нужном направлении.

Приехала Марфа Ивановна на далёкую стройку страны. Остановилась у девчат в общежитии. Утром следующего дня девушки, признавшие в директоре глыбоцкого полиция, повели Марфу в милицию, где она подробно рассказала свою историю. Девушки свидетельствовали, что бабуля говорит правду.

Не теряя времени, представители милиции поехали вместе с Марфой в организацию, директором которой уже несколько лет работал глыбоцкий вражина. Подходят они к двери его кабинета. Представители милиции остаются за дверью.

Что делает Марфа? Она набрасывает на себя овчинный полушубок, на котором нет живого места от рваных ран плётки. Открывает Марфа Ивановна не торопясь дверь. Медленно и с достоинством заходит она в кабинет директора стройки.

В просторном кабинете за длинным деревянным столом сидят пять важных начальников. В центре стола Марфа узнаёт своего истязателя, глыбоцкого старосту. «Узнал он меня с первого взгляда! Белый стал как мел!» — рассказывала нам Марфа.

Разволновалась Марфа Ивановна! Здрожала она всем телом, словно её продолжали больно стегать горячим кнутом!.. Снимает она шубу, поднимает рубаху и показывает всем свою спину, а на ней множество глубоких, плохо заживающих ран.

Директор истошно закричал на неё и даже начал дрожащей рукой набирать номер телефона милиции: «Вы что, бабушка? С ума сошли, что ли? Вы знаете, куда вы пришли! Вот сейчас я вызову милицию!» А Марфа ему говорит: «А зачем милицию вызывать?! Она за тобой, изверг, сама пришла! Забыл ты меня, глыбоцкий староста, изувер проклятый? А я вот помню тебя, нашла, как видишь». В это время в кабинет вошёл милицейский конвой из нескольких человек и надел на полиция наручники!

Когда Марфа Ивановна успокоилась, то ей было оказано царское внимание. Её накормили, одели в новую и теплую одежду. Подарили ей красивые хромовые сапоги с одним условием, что она немедленно выбросит свои истоптанные и разваливающиеся лапти. Купили ей билет на поезд до станции Витемля и провожали в обратный путь со всеми почестями.

Когда прощались, начальник милиции сказал: «Ну, Марфа Ивановна, спасибо тебе за твою смелость и мужество! Не каждый человек в такой ситуации довёл бы дело до конца. Мы со своей стороны сделаем всё, что положено по закону, а ты жди повестку в суд. Вот тогда-то, чтобы наказать преступника, очень важно будет твоё присутствие и слово твоё! Приезжай на суд обязательно!»

Ехала Марфа в поезде победительницей. Радовалась она, что дело довела до конца. Изувер, гнида полицейская находится сейчас там, где ему положено быть!

Всматривалась Марфа в окно поезда. Видела она мелькающие вереницей просторы своей горячо любимой Родины, и сердце её колотилось от радости и гордости, что победили мы фашистскую чуму и теперь строим жизнь справедливую и счастливую для каждого! Свято верила в это Марфа и тихо душевно радовалась, что есть в этой священной работе и её, Марфы Ивановны, вклад!

Кушала Марфа сладкие гостинцы от милицейского начальства да благодарила всех мысленно: «Вот они, наши люди! Сама доброта! Намучились, намаялись в войне, многое поняли в жизни. Ко мне отнеслись, как к матери родной! Заботой и вниманием меня окружили...»

Суд

Пока ехала в поезде Марфа, всех внимательно рассматривала, думала о каждом: «Интересно, куда едут все эти добрые люди, по какой нужде?» Её острый взгляд при этом часто останавливался на одном военнослужащем. Что-то в нём было особенное, спокойное и очень ответственное. Наблюдательная Марфа не обманулась.

...Наконец поезд подъехал к станции Витемля. Она спускалась по ступенькам, держа впереди себя тяжёлые деревенские авоськи. Запомнившийся ей военнослужащий был уже на перроне. Он вдруг протянул Марфе руку и помог сойти со ступенек. Улыбаясь своей молодостью, военнослужащий смущённо сказал: «Ну вот мы с вами и приехали, Марфа Ивановна! Вы догадались, что я вас провожаю, и всю дорогу наблюдали за мной. Да... да, чтобы вас никто не обидел, мне дали почётное и важное задание — охранять бабушку до самого дома... Осталось немного. Я провожу вас туда, где вы проживаете. Познакомлюсь с вашими близкими и родными, поговорю с ними. Не задержусь! Поеду вечерним поездом в обратный путь!»

Весь день этот ответственный за охрану Марфы военнослужащий добросовестно работал. Он встретился с Настей, дочерью Марфы, долго разговаривал с моими родителями,

Огарпиной Стефановной и Андреем Никоноровичем, беседовал с соседями и очевидцами о тех трагических событиях, свидетелем и участником которых была Марфа Ивановна. Заезжал в администрацию Алешенки и Глыбочки, получил у них ответы на все важные для суда вопросы.

...Прошло ещё месяца полтора, и Марфе принесли повестку в суд. Она собралась и снова поехала на поезде в уже знакомый ей город Калининград.

Суд над глыбоцким полицаем, истязавшим пытками и надругательствами Марфу, проходил в большой зале Дома культуры. Он был открытым для всех желающих на нём присутствовать. Нравнодушных к этому событию собралось так много, что для всех не хватало места. Люди стояли в проходах. Все ждали возмездия. Когда конвой ввёл изверга в зал, встревоженные люди загудели. Это свидетельствовало о том, что все, пришедшие на суд, не забыли зверства фашистов и их прихвостней, учинённые во время оккупации над невинными жертвами.

Проходя мимо Марфы Ивановны, глыбоцкий староста остановился подле неё и сказал трясущимся голосом: «Марфа Ивановна, спаси меня!» В большом зале стало тихо... Был слышен только твёрдый голос Марфы: «Я тебя, староста, не секу!.. Тебя судят по закону! Чего заслуживаешь, то и получишь! Заплатишь за то, что издевался над невинными людьми, уничтожал их! За всё ответишь перед людьми!»

Суд установил, что глыбоцкий староста причинил и другим людям много горя и страданий. Возмездие пришло! Глыбоцкого старосту осудили на 25 лет работ на шахтах, с которых он уже не вернулся.

...Марфа прожила долгую жизнь. Она оставалась всегда преданным борцом за справедливость и равнодушным человеком ко всему, что её окружало. Мечта Марфы Ивановны сбылась! За её особые заслуги перед Отечеством и народом государство подарило ей красивый рубленый дом. Именно о таком она мечтала! Прожила она там лучшие годы жизни.

Марфа, мы тебя помним и гордимся тобою! Ты осталась в памяти близких, родных людей, односельчан легендарной личностью! Твой жизненный путь для нас сегодняшних — это наше драгоценное достояние, которое мы бережно храним! Память о тебе принадлежит каждому из нас! Низкий поклон тебе, Марфа, и всенародная благодарность!

Узы преемственности

Мама беседует с нами на самые разные темы! Делится своими мыслями, чувствами. Мы слушаем её с замиранием сердца. То, что знает наша мама, не знает никто из нас. Она много размышляет о новых страницах своей жизни, сравнивает их со своим прошлым, делает необычные и запоминающиеся навсегда умозаключения.

За окном темнеет... Сидим вместе с мамой и её умным котом Тихоном в небольшой уютной двухкомнатной квартире. После напряженных дневных трудов мама предпочитает обустроиться в удобном для неё кресле. Смотрим вечернюю телевизионную передачу. Кот Тихон отдыхает в отдельно выделенном для него кресле. Глядя с любовью на своего кота, мама с нежностью говорит: «Это мой преданный хозяин!»

Мама и Тихон душевно привязаны друг к другу. Надолго они не расстанутся. В нашей семье все хорошо знают, почему мама часто отказывается ездить в гости. Она опасается за здоровье Тихона. Мама рассказывает о его страданиях, когда однажды ей пришлось оставить Тихона на свою соседку.

«Тихон, как человек, всё понимает! А уж если я заболела, то он не отходит от меня ни на шаг. Таких котов, как Тихон, нет на всём белом свете!» — игриво заключает мама и ласково гладит своего упитанного мирно спящего питомца. Я соглашаюсь с мамой. Нет сомнений, что Тихон — необыкновенный и хитрый кот! Он умеет, например, открывать только один глаз, пристально смотреть на собеседника, а потом подмаргивать им. И есть в этом что-то магическое.

Вечер отдыха с мамой! Какое это счастье! Смотрим вместе с мамой фильм про войну. Это её любимая тема. Ценитель она строгий и справедливый. Ловлю каждое её слово.

Вдруг её внимание сосредотачивается на мне: «Знаешь, дочечка, с темой войны нужно быть очень аккуратным. Ты больше очевидцев расспрашивай, как оно было... Не путай людей, особенно молодых!.. Вот, например, не каждое кино про войну правду расскажет! Одно кино смотришь и плачешь весь фильм. Потому что за душу берёт! Смотришь и сердцем понимаешь, что всё это правда! А другое кино глядишь, так плевать хочется! Такое покажут, что противно становится. И всё потому, что и близко такого не было! Досадно становится на душе. Не поленюсь, встану я со своего любимого кресла да и выключу телевизор... Уйду в другую комнату. Достану там свои старые и новые альбомы и начну их пересматривать. И так хорошо и спокойно у меня на душе становится... Я бы так сказала... успокоительное

это занятие для меня... Задержу на фото свой взгляд — и вся жизнь повторяется. Всё как наяву вижу...»

Мама рассуждает: «Какая сейчас жизнь интересная настала! Вот, например, проснусь утром и думаю. Надо же! Уже нет в нашем посёлке партизанской славы Белая Берёзка тех очевидцев, которые знают то, что видела и знаю я! Они все уже давно ушли... И про войну, про немецко-фашистскую оккупацию мало кто может сейчас рассказать. А вот я ничего о войне не забыла! Всё было как вчера!.. Удивляюсь я сама себе! Надо же! Господь отмерил мне 87 годков! Уже через три месяца 88 годков стукнет! И главное, что я в здравии! Сама по дому всю работу делаю. Дети, внуки, дорогие мои правнуки — все стараются ко мне приехать! Это моя радость и благодать! Благодарю тебя, Господи!» И мама благоговейно смотрит в красный угол, накладывая на себя крест.

Мы с котом Тихоном затаились и с любовью смотрим на маму... Ещё совсем немного, и она начнёт своим бархатным голосом повествовать рассказ о временах, которые были для неё не так давно. Произойдёт чудо, таинство! Мы увидим и почувствуем как наяву людей, с которыми она до сих пор не расстанется. Её память, сохраняя всю силу и ясность, поведёт нас в жизнь простых людей других поколений, связывая всех нас узами неразрывности и преемственности.

Сосновский район

Владимир Кутуков

Здоровенный мужик

Жил в селе ветеран Великой Отечественной войны. Роста он был ниже среднего, возраста пенсионного. Работал сторожем магазина. Рядом находился клуб, где в фойе молодёжь после фильма оставалась поиграть в бильярд, шашки и шахматы. Навесит сторож свой контрольный замок на магазин — и в клуб: постучать с парнями в домино. Бывало, попросят его рассказать о войне, а ветеран замрёт и вверх смотрит взглядом, провожающим клин улетающих журавлей, или опустит глаза вниз, будто перед ним могила только что погибшего товарища. Ребята есть ребята: расскажи да расскажи. И однажды упростили.

— Дело было под Сталинградом. Ох и тяжело нам было тогда. Закончились у нас патроны, гранат не осталось, а немец прёт и прёт. Прикрепил я штык к винтовке и вперёд, врукопашную. Появился передо мной фриц с автоматом. То ли автомат заело, то ли у него тоже стрелять было нечем. Я прикладом ему по рукам, выбил автомат. Он тоже ловким оказался, винтовку ногой вышиб. Немец мне, скажу, попался высокий и сильный. Схватил меня ручищами за шею, придавил всем телом. Упал я на колени, а руки-то у меня свободные. Сжал я кулак и ударил его из последних сил, угодив в пах. Немец руки отпустил, тут я вскочил и вцепился в него, пытаюсь повалить. Где уж там — жмёт он меня. Как мне тогда жить захотелось! Обхватил я его руками, приподнял малость, да как кинул об землю. Немец упал, наверно, головой ударился, потерял сознание. Я сразу его автомат подобрал и за спину. Винтовку совою поднял и сел с ним рядом. Сижу, отдышаться ведь нужно, а мой немец открыл глаза, смотрит на меня и говорит: «Здоровенный ты мужик, Самарбаев»...

После этого рассказа ветерана больше никто не донимал. А он никому ничего больше не рассказывал. Никому-то никому, но прихожу как-то я на наш пруд, а там наш ветеран карасей ловит. Присел я к нему рядом, на его поплавков смотрю, свою удочку не закидываю. Тихонечко его спрашиваю:

— А что дальше было?

А он мне:

— Когда?

— После того, как немец очнулся.

Улыбнулся ветеран и стал рассказывать:

— Хенде, — я ему.

Он встал, руки задрал и пошёл вперёд. Я сзади иду, как бы под прицелом держу. Привёл его в наше расположение, сдал в плен. Он в толпе с другими пленными стоит, рассказывает им и на меня показывает. Они над ним смеются: «Мол, этот тебя», — а он стоит, улыбается. Не вытерпел я, подозвал его к себе, винтовку на него направил, передёрнул затвор и нажал спусковой крючок. У немца вначале от страха веселье пропало. Затем взгляд стал рассеянный, понял мой фриц, что винтовка у меня не заряжена.

Захотелось мне узнать о его наградах, и я спросил:

— А дальше что?

Ветеран улыбнулся, взглянул так, как вроде узнал во мне однополчанина.

— А дальше ты знаешь.

— Откуда мне знать? Нет, не знаю, — сказал я.

Он достал из пачки папироску. Держа её в руке по-особому, как бы желая по-фронтовому угостить. И так тихо, серьёзно сказал:

— А дальше — мы победили.

Поплавок подёргивался, то ли от поклёвки то ли от ветерка. Пауза затянулась. Я поднялся и пошёл вдоль берега.

г. Сибай

Наталья Паршукова

Мой дед

На столе передо мною лежат награды моего деда, Андрея Николаевича Чечулина, 1900 года рождения. И фотография 3×4, где деду лет 45.

Дед не любил рассказывать о войне. Он был в плену. И дважды бежал. Попал в штрафную роту. День Победы дед встретил в Восточной Германии. Дед всегда говорил, что за свою Родину, отчий дом, семью на войне нужно воевать и выживать. В плену тем более нужно выжить и из плена нужно бежать. А не умирать, как некоторые говорили. Сколько по сей день не найдено погибших. Сколько памятников Неизвестному солдату. Сколько безымянных, безывестных погибло в плену и после плена. Только когда в День Победы 9 мая выпьет водочки рюмочку-другую, заплачет и скажет: «Фашист в плену бил. Комиссары наши после плена тоже били, сволочи!» Матюкнется и запоем «Темную ночь».

Дедуля был в плену дважды, но я, его внучка, помню по его рассказам только о Курской дуге, что попали в окружение и в плен.

Как мало осталось и как много этого в памяти. Как жестоко и так же торжественно, и так же трагично — о том, что была война.

Пусть такой архив и память останется от моего деда.

Я горжусь им, простым солдатом. Не только генералы, но и простые солдаты, как мой дед, ковали Победу и выиграли эту кровавую войну!

Прожил дедуля до 1975 года простым крестьянином со своим хозяйством. Жил дед на станции Логовушка ЮУЖД.

Награды деда будут переданы моему сыну как архив памяти и наследия.

г. Челябинск

Лилия Приказчикова

Мы памятью на той войне...

Мы памятью на той войне...

Из книг и фильмов знаем о войне,
О подвигах, страданиях, об утратах.
Но в День Победы горько всё вдвойне:
Мы вспоминаем вновь о тех солдатах,
Чьи имена на мраморных досках
Иль на простых железных обелисках...
Война взорвется памятью в сердцах,
Её дыханье ощущаешь близко.
Осознаём причастность к ней вполне:
Седые люди, мальчики, девчонки...
Мы памятью опять на той войне —
Народа-победителя потомки.

Письма 43-го года

Затишье на переднем крае,
В природе — благодатная весна.
И снова, как бывает в мае,
Солдатам вовсе не до сна.
Манит прилечь молоденькая травка,
Нарвать букетик тянется рука:
Как хороши фиалки и купавки!
Но не до них защитникам пока:
Успеть черкнуть короткое письмишко...
— Родные, ждите! Я пока здоров.
Как там растёт мой баловник сынишка?
И на зиму хватило ли вам дров?
— Фашистов скоро мы теперь прогоним,
Устроим ещё раз им Сталинград!
Нам трудно, да, но о Победе помним,
Теперь не сделаем и шага мы назад!

— Ах, как не хочется всё ж помирать весною,
Когда в небесной выси жаворонков звон...
Вы очень можете гордиться мною:
Я орденом повторно награждён!
— Любимая, я о тебе не забываю!
Когда грущу, на карточку смотрю...
Но доведётся ль свидеться — не знаю...
Вот ежели добьём фашистов к январю?!

— День добрый, милый муж мой Ваня!
Сегодня боя нет, и можно отдохнуть.
Нашлись ребята наши, представляешь,
в Казахстане!

Хотя б одним глазком на них взглянуть...
— Отец, ты, верно, начал вспашку?
Как там, не вымерзли зимою зелена?
Смотри, не допусти опять промашку!
Эх, жалко с вами нет сейчас меня...
— Поинка, дочка, ты послушай папку:
Теперь ты младшим за отца и мать!
Целую твою маленькую лапку!
Как хочется вас побыстрее обнять...
— Митяй, дружок, приветствую стократно!
Я рад-радёшенек, что ты, Митюха, жив!
Вот возвернёмся мы домой обратно —
У девок будем просто на разрыв...
— Я кланяюсь Вам, Верочка Петровна!
Надеюсь, помните соседа-старика?
Спасибо за кисет, что вышили любовно.
Какая у меня по Вам тоска...
— Братишка мой, ты теперь-то ты —
заглавный,

Оберегай и мать, и девочек-сестёр.
Бой предстоит жестокий и неравный,
Но я всё ж выживу! Давай на спор?
— Предолго здравствуйте, Евгенья
Николавна!

Вам ученик Ваш Силкин шлёт привет!
Я Вас и класс наш вспоминал недавно.
Как жаль, что многих уж на свете нет...
— Ты пишешь, дядя, на Урал попали,
Станки смонтировали прямо на снегу.
Да, русские кремь, из нержавеющей стали —
Ни в жисть не победит нас злобному врагу!
...Поют залиvisto вернувшиеся птицы,
Им вторит чей-то хрипловатый тенорок.
Смежает к утру сон солдатские ресницы,
А губы шепчут: «Будем жить, нам умирать —
не срок!»

Блокадная свадьба

Уж много месяцев война, блокада:
Снарядов вой, гарь, грохот, дым...
Вдоль Летнего иду я сада,
Голодным будучи, к тому же холостым.
Навстречу мне, целуясь и в обнимку,
Влюблённых пара медленно брела.
Я друга детства в нём узнал, Скворцова Димку!
Не виделись лет пять... Ну и дела!

Мы жили в коммуналке на Литейном —
Дворовая лихая пацанва.
По вечерам в кругу своём семейном
От подзатыльников трещала голова.
А двор все называли «Палестиной»,
Клялись тут в дружбе вечной на крови,
Воображая в тот момент себя мужчиной,
Достойным воздыханья и любви.
В каникулы вставали спозаранку,
Чтоб убежать скорей, без лишних слов...
Бежим к «Авроре», сфинксам и Фонтанке,
А иногда махнём и в Петергоф.
Среди ребят был Димка важною фигурой:
Он с детства превосходно рисовал.
И брали за «грехи» с него натурой:
Портреты наши акварелью малевал.
Когда же с коммуналкою расстались,
Исчез в горячке будней его след...
А в памяти от той поры остались
Воспоминаний блики: был такой сосед.
И вдруг (в блокаду) неожиданная встреча...
— Привет, Димон! — Ой, Саня, это ты?!
И оба потеряли мы дар речи,
Стоим, как разведённые мосты.
И с интересом девушка смотрела,
Как мы топтались, ничего не говоря:
Машина времени в тридцатые летела
Из стужи нынешнего злого января.
— Знакомьтесь, это Саня... Нина.
Моя невеста... Дружим пару лет...
Мой адрес прежний: наша «Палестина»,
Ты в гости подгребай на тет-а-тет.
Мы двадцать пятого решили пожениться:
Семьёй обзаводиться уж пора...
Так надоело каждый день «поститься»...
Ребята будут с нашего двора.
И вот на свадьбу к ним торжественно шагаю,
Мечтаю вкусенького что-нибудь поесть...
Меня сюрприз ждёт, о котором я не знаю.
А стрелки движутся — уж скоро ровно шесть.
Знакомый двор: скамейки, стол, качели...
Но не слышны ребячьи голоса.
Как многого добиться мы хотели!
Короткой оказалась вдруг для взлёта полоса...
Вот наш подъезд с тяжёлой дверью чёрной,
Широкой лестницы один, другой пролёт.
Здесь молодёжь была всегда упорной:
В забавах проводила ночи напролёт.
Желудок ноет, во всём теле слабость:
Невелики сто двадцать пять блокадных грамм.
Вчера варили клей... Ну, редкостная гадость,
Отнюдь не мёд, текущий по устам...
Второй этаж — и поворот налево.
Звонок залился, по-старушки дребезжа.
В дверях невеста — просто королева!
А дальше наши все восторженно визжат.
Меня, признаться, ростом Бог, ну, не обидел.
Ребята многие лишь были до плеча.
За головами их стол свадебный увидел,
Не слыша, что друзья предупредительно
кричат.

А на столе... О боже, что за диво:
 Арбуз, сыр, фрукты, колбаса!
 Всё сервировано изящно и красиво...
 Вот так сюрприз, какие чудеса!
 Рванулся я вперёд — и в обморок свалился:
 Свершившейся мечты не в силах пережить...
 Минут на десять просто отключился...
 Пришлось меня им в комнату тащить.
 Вот внятней стали разговоры, звуки,
 Слова: «Подтягивайся ко столу, Санёк!»
 Не передать моей досады, муки,
 На что меня Димон, дружок, обрёл!

Среди роскошных, нарисованных продуктов
 (Всё это были просто муляжи!)
 Среди бутафорской снеди и лжефруктов
 Жених лишь два кусочка хлеба положил...
 Друзья-художники порадовать хотели —
 И вот готов не стол, а натюрморт!
 Ну, в общем, вкусного на свадьбе не поели,
 Но хлеб тогда желанней был, чем торт.
 ...Прошли с тех пор уже десятилетия.
 У Димки с Ниной правнуки растут.
 Но помним мы их свадьбу в лихолетье —
 Те, кто ещё не умерли, живут.

г. Миасс

Вероника Снехова

Цена часов — жизнь

Леонид Петрович хорошо помнит этот день, когда его всей семьёй провожали на фронт. Отец, жена отца Галина и две сводные младшие сестренки. Репродуктор грозно всей стране объявил о нападении фашисткой Германии. День отправки был пасмурный и ветреный. Вот-вот хлынет дождь. Ленька обнял седеющего отца. Плакать не хотел, но слёзы подступали к горлу. Раньше, до войны, они жили под Киевом хорошо и добротнo в своём большом каменном доме с наделом земли и солнечным садом. Отец работал бухгалтером на заводе, но в одну из проверок выяснилась какая-то растрата, и отца с Лёнкой выселили в Таганрог без права возвращения на Украину.

— Отделался легким испугом. Считаю, мужик, тебе повезло... — говорил чекист, выдавая отцу бумагу с «вольной».

Приехав в Таганрог, отец умудрился обзавестись своей лавкой по продаже подержанных товаров. Быстро появились новые связи, надежные, «свои» люди. Надо сказать, у отца был легкий и весёлый нрав. Он умел нравиться людям — всем подряд без исключения. Ленька никогда не забудет улыбку отца, которую ему хоть раз в день, но нужно было видеть. Словом или взглядом отец умел поддержать любого, проходящего к нему. Но и держать язык за зубами умел, и Леньку этому учил:

— Ты, сынок, верь людям-то, но правду свою держи в сердце, в молчании. Она от Бога нам дана. — Отец считал первейшим своим долгом быть надежным кормильцем семьи и обеспечивать её покой и уют.

Новые солдатские сапоги были на три размера больше. Ленька не представлял, как будет в них воевать.

— Это ничего, сын, портянки-то на что? Главное, чтоб тесными не были. Смотри сюда, Лень, чем я тебя одарю. — Отец достал из нагрудного кармана часы на рифленом металлическом ремешке. — Были мои, теперь твои будут. — И отец торжественно водрузил на руку сына роскошные швейцарские часы. Прозвучал щелчок застёжки, как нечто, разделившее время на «до» и «после». — На войне они тебе нужнее будут. Мне уже ни к чему.

— Спасибо, отец!

«Какая разница, с часами или без часов на войне быть», — промелькнуло в Ленькиной голове. Но незримое присутствие отца он будет чувствовать всегда рядом с собой. Он уносит туда, в эту неясную войну, безмятежность отчего дома. Тут и там слышались клятвы верности и обещания ждать, непременно вернуться, писать письма и музыка военного оркестра. Тоненькими голосами заплакали сестрёнки. Все обняли Леньку как будто в последний раз...

Эшелон с новобранцами до линии фронта так и не доехал. Железную дорогу перекрыли наступающие войска фашистов. Всех взяли в плен. Ленька, не успев стать солдатом, оказался в лагере для военнопленных. Он хорошо помнит, как конвой из узников ведут вдоль колючей проволоки по пыльной и утопанной множеством ног дороге. Невыносимо жаркий полдень и палящий зной. От жажды все горит внутри. Все знают точно, что ведут к газовой печи, трубы которой истошно чадят чёрной гарью. Остался последний этап, перед которым всех останавливают и высокий дородный надсмотрщик, рыжеволосый немец, осматривает всех пристальным взглядом. Кого-то он отпихивает в сторону, должно быть, обладающих

признаками недюжинного здоровья.

Лёнька к таковым себя не относил. Когда доходит очередь до него, немец замечает на его руке часы. Он что-то скомандовал Лёньке, показывая на них. Тот послушно снял. Теперь-то они точно ему не пригодятся. Немец восхищенно посмотрел на сверкающий циферблат. Приложил часы к уху. Они шли. Положил их в карман, как самый важный трофей дня. Пристально посмотрев на Лёньку, отпихнул его в сторону тех везунчиков, которые не попадут в серое здание с узким входом, из которого выход только один — через высокую чадающую людскими жизнями трубу. Потом будет жизнь в лагере. Днем Лёнька с остальными военнопленными будет работать на немецких хозяев, приходящих за «рабсилой», а на ночь возвращаться в лагерь. Он отметит внимание к себе немцев-работодателей, передававших еду и одежду для заключенных. Каждое утро он с товарищами будет смотреть на восток с огромной надеждой, откуда с первыми лучами солнца придёт, Лёнька верил, победа. Потом будет радостное время освобождения из плена, «учебка», фронт, взятие Берлина, воссоединение с семьёй, безмерная благодарность отцу и его спасительному подарку перед самой отправкой на фронт:

— Бать, а цена-то у тех швейцарских часов, знаешь — жизнь, — обнимая отца, просипел вдруг севшим голосом Леонид. — Дорогой ты мне подарочек преподнёс...

Мирное время будет верстать новые страницы Лёнькиной жизни, которая досталась ему так непросто. Уже став отцом двух дочерей и сына, только однажды, в день празднования Великой Победы, поведает Леонид Петрович Лобода эту историю своим детям.

г. Магнитогорск

Павел Хрчико

Лютая дорога жизни

рассказ

Памяти защитника Ленинграда Василия Афанасьевича Дмитриева

В тот памятный майский день неожиданно запасмурнело и резко похолодало. Я собрался было выйти в огород, заглянуть в теплицу, как вдруг во дворе взлаял Джимка и сразу смолк, дружелюбно повизгивая.

— Свои, — послышался низкий густой голос, и в дверь вошёл, пригибаясь, чтоб не зашибиться, Василий Тимофеевич, мой давний знакомец, отменный баянист, певец, завидного сложения пожилой казак. Слово «старый» к нему как-то не вязалось. Гвардейский рост, боксёрская реакция, мощный бас-профундо (ему бы партию хана Кончака в опере петь) невольно молодили его; если бы седая голова при густых чёрных бровях да частая сеть морщин, перепавших его лицо, не свидетельствовали о том, что ему далеко за семьдесят. Ныне он был разговорчив и слегка навеселе, не иначе как опорожнил пару стаканов, меньшее количество выпитого на нём просто не отражалось.

— Я тут перекантуюсь у тебя, пока непогодь, — прогудел он, не обращая внимания на мои сборы, — отждодит маненько и домой побегу. Оно поперва-то мелкий ситничек припустил, а потом как резанул косохлестом да ещё с забористым ветрюганом, морду как наждаком заскобило, а опосля ещё и белыми мухами сыпануло — страсть Божья.

— А вчера солнышко, как на Пасху, играло, — удивился я, — что за погода?

— Так оно, ить, бишкунак нагрянул, — загорячился Тимофеич, ты, поди, и не знашь? Кыргызы сказывают, поехали будто об эту пору пятеро купчишек-кунаков, друзей по-ихнему, в гости. Они любят по гостям скопом дуваниться. А солнышко пригрело, радуется, травка лезет, аж пищит, птички поют, бабочки порхают — теплынь, хучь портки сымай. Отъехали изрядно: и до гостей далече, и до дому не близко. А оно как пошёл лепень — ледяной дождь со снегом — да мороз с бешеным ветром, настоящий чичер¹. А они все одеты-то по-летнему, в лёгких азиямчиках² из верблюжьего сукна, да в сапожках сафьяновых, ну, токо в лисьих малахаях, а вокруг ни жилья, ни кочевья, степь голая, и кони встали, так они все пятеро там и замёрзли. С той поры и прозвали эти окаянные пять дней в начале мая бишкунаком, и ведь всегда он на день Победы выпадает, ну как по писаному.

¹ Чичер — резкий, холодный осенний ветер с дождем, иногда и со снегом.

² Азиям или озиям — русская старинная верхняя одежда, поначалу употреблявшаяся всеми сословиями, позднее только крестьянами в праздничные дни и в дорогу; длинный кафтан из толстого сукна домашнего приготовления.

Опорожнив большую кружку горячего чая, Тимофеич глянул в окно. Буря не унималась — густые хлопья снега залепили даже стёкла.

— Да, бывает май — хучь под кустиком отдыхай, а то май — коню сена дай, а сам на печь полезай, — проворчал Тимофеич и продолжил беседу. — Утром, понимаешь, пошёл за хлебом, жена послала, и нечаянно друга своего встретил, фронтовика. Поговорили...

Долго говорили, я уж и про хлеб забыл. А чигас от купил да к обеду припоздал, как бы моя Кочерыжка не взорвалась... Я, когда сердчаю, — продолжил свою исповедь Тимофеич, — жену свою Кочерыжкой зову. Ране-то у неё была пышная коса, ниже пояса, бёдра прикрывала, а таперь накоротко пострижётся, ну чисто кочан капусты. Вот я её и окрестил. Ненаглядная, говорю, моя Кочерыжка! Она хоть и ругается порой так, что хоть святых выноси, а я всё равно люблю её.

Она меня и в госпитале выходила: из кусков был сшитый. Мне тогда повезло. Снаряд рядом упал, ушёл глубоко в болотину и там рванул, осколки-то крупные в глубине остались, а взрыв-то рядом, ну и контузило. Кожу мою дублёную на куски порвало и морду взрывной волной скособочило. Чистого оборотня из меня сотворило. В зеркало на себя смотреть не мог, плевался, да и доходяга был.

Там, на Дубровке, под Ленинградом, мы только сухарями и питались. Вместо воды — болотная жижа. В двухстах метрах Нева — пей, а днём нельзя, снайпер с того берега строжит, пуляет, гад, столько ребят подстрелил. А ночью тоже не проберёшься: ракеты без конца пускает, да ещё и прожектором пошаривает. Только вот за час до рассвета маненько и утихало, фрицы посты меняли. На пузе к реке сползаешь с фляжками, наберёшь невской водички и на весь день. Кому воды не досталось, жижу пьют, через бинты процедят, и айда. А она противная, тухлым отдаёт.

Ну, понимаешь, привезли меня в госпиталь, ночью катер прорвался, а я никакой. Башка варит, а тело-то разворочено, и я даже боли не чувствую. Ну, думаю, всё, хана, отвоевался Тимоня. Даже говорить не мог. Дак целую ночь два хирурга меня шивали, как заправские портные. Ох и намучились. Тулово-то у меня богатырское, — смеётся, — на носилках четверо потом едва утащили. Опосля уж стал я потихоньку оздоравливать. Весь в бинтах, да и говорить-то не мог, только мычал. А сам думаю: раз не помер, надо выцарапкиваться, всё ж я казак, а не хухры-мухры. Накарябал записку сестричке карандашом: «Надо гармошку». Ну, она где-то и раздобыла полухромку старенькую, подразбитую, но играть можно...

С тех пор и начал я оживать... Руки у меня были забинтованы до плеч, токо два пальца на правой руке свободны. Гармонист-то я был в своей деревне первостатейный, а тут и меха растянуть не могу — сил не хватает. Потихоньку-полегоньку и разыгрался. Такие, брат, концерты стал потом закатывать — весь госпиталь у меня перебивал, лежачих на носилках притаскивали.

Тимофеич помолчал, как бы раздумывая, стоит ли продолжать и, переломив в себе какой-то стержень, незаметно смахнул набежавшую слезу, заговорил:

— В Троицке-то ить давно живу, да и к суете городской приобвык, а родился я в деревне Масли, теперь это Курганская область. Челябинский тракторный строил, первый камень закладывал. Размётку помогал делать, реечником значился. Мастер всё шутил, мол, ну за чем ему рейка, он сам выше рейки.

Потом в армию призвали, на Дальний Восток. Правофланговым был — длиннее меня в роте никого не было. Уже перед войной, помню, командир дивизии смотр устроил — маршбросок по пересечённой местности с полной выкладкой. Тебе не приходилось бегать? Нет? Ну да, ты ж в пехоте не служил, а нас изрядно погоняли. А я был самолюбивый, никогда себя обгонять не позволял. И вот моё отделение первым приближается к финишу, а один из новобранцев полностью выдохся и начал отставать. Я на бегу снимаю с него скатку, кидаю на себя — отстаёт, ранец его на себя повесил — тогда ещё вещмешков не было — опять отстаёт, винтовку у него забрал, а он уже так захекался, из стороны в сторону качается, вот-вот упадёт. А бежать оставалось метров двести. Я хватя его на плечо и... бегом к финишу.

Представляешь, какая нагрузочка?! Две амуниции, две винтовки и ещё этот заморыш-солдатёныш на горбу. По спине пот ручьями, в глазах уже круги оранжевые, а генеральская свита биноклями посверкивает, хохочет: такое им в диковинку...

Ну и я здоров был, плечищи — во! Шея, понимаешь, как у бугая, мне две порции полагалось в столовой, но я и тремя не брезговал. Наше отделение тогда не только в норму уложилось, а ещё и первое место в дивизии заняло. Комдив мне благодарность объявил и долго потом рассказывал о моём, так сказать, подвиге. А мне-то и нужно было, понимаешь, отпуск домой заслужить, вот я и постарался.

А выпил я сегодня потому, что однополчанина встретил по Волховскому фронту. Он тоже из того места, где я столько ребят похоронил. Вспомнил своих водителей... Сам их готовил. «ЗИСы», «полуторки» в рейс снаряжал, да и самому не однажды приходилось про-

меривать эти проклятые тридцать километров Ладоги, эту лютую дорогу жизни, а скольких она ребят на тот свет отправила?

Тимофеич помолчал. Глаза его затуманились слезою, пересилив внезапное волнение, продолжил:

— Ладога. Называют озером, но берега не видно. Едешь, а в колее чернеется. Кто знает, что там? Просто вода или промоина, это, ить, не на суше — там дыра в бездну. А сверху то «мессершмиты»-лапотники продыху не дают, то из орудий дальнобойных снаряды бросают, а подо льдом — тьма. Потом, правда, зениток по-над трассой наставили, да и «ястребки» фрицам хорошо брюхо вспарывали. Морячки с кораблей стали их батареи накрывать.

Но бывало и такое: гонит солдатик машину, газ до предела, брызги во все стороны фонтаном, и вдруг эта полуторка начинает опускаться. Понимаешь? Не сразу проваливается, а постепенно, плавно, но сначала её льдом зажмёт. Она ещё на плаву, а дверцы уже не открыть. Потом, позднее, приказ вышел: «Дверцы кабин при движении по льду озера СНИМАТЬ ОБЯЗАТЕЛЬНО!» А сколько ребят дотоле утонуло — живыми под лёд уходили. Да и так столько сгибло, не перечеть... Прокопчённые, обмороженные, опухшие от голода, матёрые мужики и совсем молодые пацаны. И всё для того, чтобы привезти полторы, две, три тонны продовольствия, чтоб спасти умирающих, но не сдающихся ленинградцев. Везли, чтоб накормить других, а сами впроголодь, солдатские пайки-то были скудные.

В мой автобат каждую неделю пополнение прибывало. Много их прошло через мои руки, всех и не признаешь, но двоих я особенно запомнил. Лучшие мои водители. Они и тонули, и горели, и на буксире их, полуживых, притаскивали. Дольше всех продержались, удачливые были — Косая их долго стороной обходила, всегда были в рейсе, не знаю, когда они и спали... но пришёл и их черёд, сгибли и они...

Тимофеич помолчал, как бы проглатывая комок, подкативший к горлу:

— Погибли позорно для нас, оставшихся в живых... Первый из них — Гриша Коновницын — детинушка, в кабине еле вмещался. Нас таких только двое было во всём батальоне, добрейшая душа. Вёз мясо на «ЗИСе». Перед рейсом свой-то паёк детишкам отдал, с голоду помирали. Сам голодный, сил нет, голова кружится, чтоб в обморок не упасть, остановился в дороге, отрезал двести грамм говядины, сварил на паяльной лампе... Привёз, стал сдавать — обнаружили крошечную недостачу. Трибунал. Расстреляли. Нас известили задним числом...

Другой — Миша Гуладзе, огневой грузин, весельчак, шутник, красавец. Случилось так, что не успел паёк в рейс получить, вёз сухари, от голода и усталости стал терять сознание. Взял четыреста граммов (так и в протоколе написано — «четыреста»), размочил, съел. Благополучно доехал до места на пробитых осколками скатах, в изрешеченной пулями кабине, пошутил с приёмщиками, мол, взял для себя капельку, чтоб привезти гору. Сразу же был арестован — что «тройка» решит. А у неё, известно, одно решение — «вышка». Назначили и меня в «тройку» как командира автобата — я ни в какую. А они:

— Да мы и без тебя его к стенке поставим, ты нам просто для проформы нужен, расписаться...

Тут ребята, водилы, ко мне заскочили:

— Соглашайся, говорят, Тимофеич. Ему ведь всё равно хана, а ты, может, чего и добьёшься. Жалко. Все ж как родные братья, вместе под смертью ходим.

Ну, согласился я на свою голову. Сели заседать. Они одно, я — своё. Они привязывают ему хищение, я доказываю, что он три тонны ценного груза под обстрелом привёз, спас. Сколько блокадников выживут. Как только ни доказывал, как только ни просил, как ни умолял, на колени становился. Это я да на коленях!? Представляешь, какое унижение для казака? Всё напрасно.

Их — двое, я — один. Оба бывшие прокуроры, плюгавая сволочь. Свои шкуры в тылу спасали. Во мне всё закипело. Не смог я удержаться, схватил их обоих за шкурки, лоб об лоб хрясь, они и наганы вынуть не успели... Коли б ребята меня не оттащили, убил бы, наверно, обоих...

К стенке меня поставить не успели, командир полка вырубил. Пока «шили» дело, отправил меня на Невскую Дубровку, к штрафничкам — было под Ленинградом такое местечко... Мол, там, если и убьют, так хоть «смертью храбрых», а тут тебя как опасного преступника грохнут, да ещё с позором.

А Мишу Гуладзе так и не успели расстрелять, я-то дело затянул. Он умер своей смертью от несварения, в страшных муках. Собирался после войны в грузинском ансамбле на одном пальчике танцевать...

Тимофеич надолго замолчал, словно, забыв про меня, видно, воспоминания терзали его сознание невыносимо. Очнувшись, он продолжил:

— Ну, Невская Дубровка — тоже не курорт. Плацдарм восточнее Ленинграда, узкая полоска суши и постоянный огонь фашистов. Впереди Нева, сзади болотина, а там, где посуше, землянки вырыты, нары проброшены, под ними вода хлюпает. От постоянных разрывов земля дрожит как в лихорадке и днём, и ночью. Немец сверху то бомбами сыплет, то из тяжёлых орудий обстреливает, а спрятаться некуда. В землю не зароешься: водой пропитана, и вонь болотная, там даже крысы не жили. В аду, наверно, легче было. А за нами город с миллионным населением. Бесилась немчура, что мы им десант не даём высадить, чтоб с белофиннами соединиться, вот и поливали нас огнём. Уж после войны я узнал, что там только на одном квадратном метре накопили больше десяти килограмм пуль, осколков снарядов, мин. Представляешь, какова была плотность огня. Ну и с едой было тоже хуже некуда, вся наша штрафная братия, одним словом, смертники, пухла с голодухи.

— Ты когда-нибудь кошек ел? Нет? Вкусное мясо, между прочим, а вот грачи — дрянь. Примерно раз в неделю к нам катер ночью прорывался, сухари доставлял, кой-какой еды да пополнение, свежих штрафничков — обратно убитых, раненых увозил. Вот и мне «повезло», будь там твёрдая земля, от меня б и мокрого места не осталось, а так только оглушило, контузило да слегка осколками посеколо...

Вот так я искупил свою вину... А за что? Коли б не моя ненаглядная, и не выжил бы. Он бессильно колотит по столу кулачищами и плачет...

г. Троицк

Александр Яхут

Крещение

из повести «На золотом краю России»

В 1942 году немцы вломились на Кубань, и в моём доме поселились чужие. Это были рядовые немцы, разлучённые войной со своими семьями. Один из них добродетельно относился к нам и пробовал даже беседовать.

— Арбайтен, — говорил он про себя и показывал жестами, чем он занимался. Похоже, что слесарил. Рабочий, стало быть.

Вытаскивал фотографию семьи со своими киндерами, долго смотрел и вздыхал:

— Гитлер — дурак, Сталин — дурак...

Иногда он брал меня на колени и спрашивал:

— Фатер... папка... где?

— Немса бьёт, — бойко отвечал я, а мать замирала и белела лицом.

Немец опускал меня на пол, вставал, подходил к окну, смотрел в зябкую белую даль и снова вздыхал:

— Гитлер — дурак, Сталин — дурак...

И вот этого незлобивого немца и его товарищей мать решила уничтожить. Теракт она собиралась совершить со своей подругой Марией. Маруся Шипицына была женщиной решительной и бойкой. По всей вероятности, от неё и исходила инициатива. Подруги шептались, секретничали — готовились. Присматривались, как и где постояльцы держат оружие и гранаты; как несут службу часовые; намечали пути своего отхода, т. е. побега. Назначили день «х»... и отказались от акции.

— Гранатой хотели взорвать, — рассказывала мать. — Да тебя жалко стало. Мы бы погибли — ладно, а вот ты...

Поразительно! Тридцатилетние женщины в расцвете и вот так лихо, жертвенно: «Мы-то ладно...» Старший сын находился в Армавире, у бабушки с дедушкой, от мужа уже полтора года ни слуху ни духу: пропал без вести, а немцы — причина всех несчастий — вот они. Да Шурика жалко...

Мы с матерью, Натальей Акимовной Мишутиной, спасли друг друга в этот раз.

На Бога надейся, а сам не плошай. На Бога в этот раз не надеялись.

Но как только прогнали немцев, мать решила заручиться и поддержкой Бога.

Зима сорок второго — сорок третьего года была снежной и морозной, а потому — долгой, необычной для Кубани. Выпросила Наталья Акимовна лошадёнку у начальства и по февральскому вьюжному снегу на санях отправилась в Армавир: Шурика крестить. Крёстной матерью быть попросила всё ту же неугомонную Марусю Шипицыну, а крёстным мать надеялась уговорить в Армавире старого товарища отца со смешной фамилией Резинка. Звали его Степан. Он был весел, хром и могуч. Санями правила будущая крёстная, а мать держала меня, закутанного в платки. Боевые подруги, уворачиваясь от ветра, беседовали, строили

планы. Немцы и полугодом не продержались, и, слава богу, впереди вторая военная весна, воды будет много, травы — тоже, сытым будет небольшое стадо, а им, дояркам, и на душе теплее от этих мыслей и разговоров.

Подпрыгивая на сугробах и колдобинах (война!), не заметили, как стрясли с меня один валенок.

— Ваенок! Ваенок! — верещал я закрытым платками ртом. За ветром за разговором вопли мои не достигали цели.

Наконец мать обратила внимание на меня.

— Стой! Маруся, стой, остановись! — толкала мать подругу. — Валенки потеряли!

— Тпру! — натянула поводья Шипицина. — Где?

— На дороге где-то.

— Под сеном поищи!

Охапки сена, брошенные в сани для мягкости и для корма лошадке, перерыли не один раз. Нету. Как черти с квасом съели.

— Поворачивай! Надо возвращаться.

— Плохая примета, — возразила Маруся.

Мать задумалась. В лихое время во что только не станешь верить. Но валенки ведь чужие.

— Нет. Что скажу Кононенчихе? Да и замёрзнет Шурик.

— Осталось пару километров до Армавира: не замёрзнет. А у Кононенчихи некому уже носить эти валенки. Ты же знаешь.

Мать знала: сына Галины Кононенко, восьмилетнего Витьку, убило осенью. Осколком рванула дурная, бесцельная бомба.

Мать села в сани, надела на мою ногу в шерстяном носке свою рукавичку, взяла меня на колени, укутала полкой пальто:

— Поехали.

По февральской дороге раздолбанной,
Где и мату родиться не грех,
Объезжая от взрывов колдобины,
Едет мать получить оберег:

От беды, от фашиста, от голода,
От соблазнов лукавой судьбы...
В оккупации — светлая молодость
И войною разрушенный быт.

А в саях — дорогое и важное:
Довоенного сева плод;
Трёх годов, потому и бесстрашное,
И продолжит подсеченный род.

На Кубани, по Дону, над Волгою
Оголтелые ветры снуют,
И кровавой сырою тревогою
В три погибели душу гнут.

И отбросив скрижали, где вилами
По воде был написан текст,
Мать со страшной языческой силою
Уповала на Бога и крест.

Затемнение всюду и сумерки.
Ещё сотни сумрачных дней...
«Открести, Иордань, от безумия,
От убоя своих детей.

Осени крестом, как защитою.
Раствори в купели грехи.
Сколько павших в земле, несчитанных —
Ты оставшихся сбереги.

Если правда ты праведный, Боже,
Жизнь безотчюю сохрани:
Потому что единственный может
Отче наш ты — на поле войны.

Пусть у мальчика будут даты
И хороший для жизни друг;
Может, он нарисует когда-то
Незабвенный солнечный круг».

В феврале дата мамы рожденья.
В феврале снятся летние сны.
В Армавире я принял крещение
Посреди ветров и войны.

От купели, от ветра ли хваткого
Но душа с той поры и болит...
Крестной матерью стала солдатка;
Крестным стал балагур-инвалид.

Жаворонок

Было тихо.

И казалось, что тишина усиливает июньский зной, проступая тёмными ржавыми пятнами на спине и под мышками.

— Надолго ли...

Кузьмич попыхивает козьей ножкой, сизый дым от которой плавно поднимается над траншеей.

— Смотри, Кузьмич, — демаскируешь. Пальнёт фриц.

— Он знает, что мы здесь. Потому и молчит. Думает.

Таких «кузмичей» на войне — в каждом взводе. Они как древко знамени или оберег: все — вокруг, рядом. Народ меняется: кто в госпиталь, кого пуля настигла — приходят другие солдатики, а «кузьмич» остаётся.

— Фриц на Ольховку пойдёт, мимо Марьино, а значит, и мимо нас.

Солдаты знают, что они на передовой, что за ними ещё одна линия обороны, и это придаёт им уверенности и силы. Два года войне: привычно как-то. А тут ещё и убеждённость Кузьмича. Только пить хочется.

Степан Дёмшин мнёт в руках землю, даже нюхает. Хороша, не чета уральской.

— А почему тебя кличут «Русская Теча»? — спрашивает Кузьмич Степана.

— Так я из села Русская Теча... Прилипло как-то.

— А что, есть и нерусская? — спросил пожилой солдат.

— Есть. Татарская.

— Ишь ты!

— Теча — это река. А на ней — сёла да деревни: русские, татарские, башкирские. Урал большой. У нас — так.

И вдруг всё переменялось: засвистели снаряды, забухали пушки, и над белым июльским полем чёрными веерами стала взлетать земля.

— Накаркал, Кузьмич! Докурился! — упрекнул пожилой Кузьмича.

— Ты сначала посмотри, откуда пуляют?

— Да немцы бьют, немцы!

— Значит, с нами хочет встретиться фриц...

— Взвод! Приготовиться!

Солдаты затягивали пряжки касок на потных головах, суровели, выходя из неги и спокойствия.

Наша артиллерия тоже всполошилась и добавила жару, и теперь стоял общий гул войны и неразличимых отдельных выстрелов.

И снова — вдруг — немцы прекратили артподготовку, а наша артиллерия продолжала подавлять огневые точки противника. А из клубов дыма по полю, вверх по склону холма, выкатилась серая волна вражеской пехоты. Вот тебе и Ольховка!

— Взво-од! Огонь!

Застрекотали автоматы, заговорили скороговоркой пулемёты, а немцы падали, но продолжали наступать.

Враг надвигался неостановимо, и от этой непреклонности становилось не по себе.

— Да что ж они... твою мать! Бог войны!

Наши артиллеристы будто бы услышали негодование солдатиков и перенесли огонь на пехоту противника.

— Вот это дело другое, братцы!

Взвод уже без команды лейтенанта палил по обнаглевшим фрицам.

И вот серая масса дрогнула, остановилась и залегла.

Слева и справа от взвода солдаты стали выскакивать из траншей.

— В атаку! За мной! — и взводный поднялся на бруствер.

— Покатился ганс колесом под горку! — это, кажется, Кузьмич.

Степан Дёмшин вместе со всеми бросился в атаку, крича что-то смелое и отчаянное.

И ничего уже не было: ни жары, ни лета, ни Кузьмича — только силуэты и внутренний звон. И не чувствовал Степан Дёмшин ничего и ничего не понимал в этом порыве. Он ещё бежал и кричал, а тело уже распласталось на земле и истекало кровью.

Степан лежал навзничь, лицом к небу. Лежал на земле и был ею. А перед ним — только небо.

...Уф! Хорошо!

Утолив жажду, Степан зачерпывает ладонями воду из ключа, ополаскивает лицо и ещё раз припадает к воде. Вот ведь жизнь: кажется, что вкуснее холодной ключевой воды ничего на свете нет!

Полдень, жара, сенокос. Косари, кто поближе, собрались здесь, у Маланьина ключа, в тени старой ивы, передохнуть. Говорят в народе, что молния ударила в это место, молонья. Так и назвали этот ключ — Молоньин. Постепенно Молоньин превратился в Маланьин.

...А в синеве жаворонок заливается.

— Ишь ты: подружку зовёт!

— Это почему? Может, она.

— Он хвастает! Это как ты на гармошке перед Капитолиной.

Это Витька перед Капой по вечерам трели закладывает. Капитолина — это да! Чернобровая, глазастая. Но Степану нравится Маша Ческидова: беленькая, хрупкая, чистенькая, как ситчик.

...А вот береговой лес и пеканы. Первая съедобная зелень для ребятишек. Степан с мальчишками срывают сочные листочки: и себе, и домой мамке для салата и супчика.

Июнь, ещё прохладно, и вода в Тече холодная, но разве это препятствие для теченской ребятни. Много её, ребятни. Рождённые после голода 1921—1922 года дети росли крепкими, здоровыми: будто впитали в себя всё недополученное во время всенародной беды. Степан — двадцать пятого года рождения. Осенью пойдёт в школу.

...Если посмотреть вниз, с высокого берега, на котором стоит село Русская Теча, то увидишь, какая она своевольная речка: такие коленца вяжет, столько излук, а то и направление меняет на прямо противоположное. Своенравная! А ближе к Лобаново так и скорость меняет, будто с горы катится. Тут её разбег и перехватывает мельница. Хорошо! Дух захватывает.

...Маша... Маша... Вот я здесь, в июне, а ты там... А небо одно и земля...

— А вот и я, миленький, — санитарка рассматривает Степана. — Так, так, так...

«Говорит пулемётчик...» — Степан мысленно заканчивает строку из песни.

— Так, так, так, говорит пулемёт, — не соглашается санитарка. — Сейчас мы тебя перевяжем, хлопчик, и забудешь ты про свою Машу.

«Откуда ты знаешь?» — удивляется Степан.

Санитарка ловко и быстро стала обрабатывать раны, а Степан удивлялся: «Откуда она знает?»

— Ты терпи, миленький, терпи.

Странно, но Степан не чувствовал ни своего тела, ни боли, а душа слушалась его и жила.

— Удивился, поди? А меня Машей зовут. У нас в Марьино полсела Маш. Ты не молчи: ты стони, думай, разговаривай!

Бездонная синева неба уходила в глаза Степана и не кончалась. А глаза всё полнились и полнились. И выкатилась слеза...

— Ты не плачь...

«Я радуюсь... у меня тоже Маша».

Степан удивился тому, что у санитарки был чистый белый подворотничок. Он сам носил такие, терпеть не мог грязных. Солдаты над ним подтрунивали из-за этого.

Вкусно пахло бензином, как дома, в поле. Танки, что ли?

— Потерпи ещё немного...

«Я радуюсь... Маша... Всю страну увидел: от Урала до Курска... Большая. А родина — маленькая... и милая...»

— Я сейчас, тут ещё один хлопчик, потерпи. Тебя подберут.

«Не уходи...»

— Терпи. Тебе осталось только жить.

Санитарка поднимается и сразу падает, сражённая осколком. Степан не слышал ни свиста осколка, ни самого взрыва. Он смотрел в небо. А там, высоко — над взрывами и войной — там, где и положено ему быть, заливался шальной жаворонок. И его Степан слышал!

«Я здесь! Я здесь! Ах ты, хохлатенький! С ума сошёл! Какие трели — как ледяные струйки: простуженные, с хрипотцей. Я здесь! Я — жив!»

г. Челябинск

Анатолий Кухтурский

Берёзовский редут

Признаюсь, для меня было большой неожиданностью узнать, что посёлок Берёзовский в нашем районе когда-то назывался Берёзовский второй. Было нечто такое в этой добавке, что вызывало явное неприятие, если не протест. Как так второй? Патриарх среди поселений района чуть ли не с 300-летней историей, оваянной казачьей славой, защитивший в своё время край от набегов дикой степи, и вдруг второй. Кто же в таком случае первый? Оказалось, таковой есть. Отыскался он среди семи десятков укреплений Оренбургской казачьей линии на берегах Урала, бывшего Яика. В прошлом тоже редут. Как же так случилось, что два военных укрепления, разделённые сотнями вёрст бескрайней степи, получили одно и то же имя.

Насчёт нумерации ещё можно согласиться. У них и степь пошире, и река поглубже, и Оренбург поближе. Но почему Берёзовский? Какая надобность повторяться? Ответ, что здесь растут берёзы, не подходит. Берёза на Южном Урале — самое распространённое дерево. Многие укрепления могли претендовать на это поэтическое название, а не только эта пара. Кстати, о парах. Это не единственное двойное наименование на линии. Парность наблюдается в названиях Подгорный, Чернореченский, Санарский, Новочеркасский, Зубочистенский и в других случаях. Выходит, это закономерность? Похоже, что так. Объяснение этому можно найти в исторических статьях о казачестве того времени.

Как уже было сказано ранее, строительство Уйской дистанции крепостей началось по указанию И. И. Неплюева практически одновременно в различных местах. Людей катастрофически не хватало. Приходилось отряды перебрасывать из одного укрепления в другое. Вновь построенному объекту давали наименование отряда, заложившего данное укрепление. Так появлялись сооружения с двойным названием, отличавшиеся нумерацией. В одних случаях номер сохранился до наших дней, в других был утрачен.

С момента возведения Берёзовский редут исправно исполнял свои функции. Жизнь протекала по утверждённому регламенту: охрана границы, военная подготовка, содержание в порядке вверенного оружия и лошадей. Время от времени, скрашивая монотонность службы, подворачивали в редут этапируемые военные подразделения по линии Троицк — Звериноголовское и обратно. Здесь казаки находили приют и отдых. Наведывалось и начальство, встречи с которым обременяли личный состав дополнительными работами и муштрой. Уезжали высокопоставленные гости, проходил очередной этап, и вновь редут погружался в постоянную обычную жизнь. Раньше беспокойные степные обитатели частенько нарушали прилинейные территории. С годами и они помалу угомонились, уяснив бесперспективность своих намерений.

Всё изменилось после 1836 года, когда Берёзовский редут оказался на переломе старого и нового линейных трактов. Открытие прилинейной дороги из Оренбурга в Сибирь вызвало оживлённый поток транспорта. Кареты и экипажи, повозки с летучей почтой, торговые фургоны следовали с завидным постоянством. Вскоре потребовались новые команды для поддержания и ремонта дороги, перевозки почты, содержания постоялого двора, а также огнеборцы для тушения участвовавших лесных пожаров, карантинные бригады по ликвидации заразных заболеваний и борьбе с кобылкой (саранчой), конвойные для этапирования проходящих ссыльных в Сибирь. Местные казаки несли кордонную службу по задержанию беглых крестьян и сопровождению их в уездный городской суд, следили за порядком в школах, на церковных праздниках, во время базарной торговли.

В Берёзовском редуте в это время зафиксированы следующие наиболее распространённые фамилии: Бизин, Верхотурцев, Воробьёв, Горохов, Гудошников, Зеленин, Клыков, Кузнецов, Лямзин, Меншиков, Печёркин, Попов, Портнягин, Рыбалёв, Слинкин, Трухин, Устинов, Чернышёв. Интересно этот список сравнить с перечнем имён нынешних жителей посёлка. Многие имена сохранились с тех лет.

В 1837 году редут был преобразован в отряд, более мобильное формирование. 12 декабря 1840 года вышло новое положение об Оренбургском казачьем войске, утверждённое императором Николаем I. По этому положению все земли войска делились на десять полковых округов. Берёзовский отряд вошёл в состав десятого полка (сюда же вошли казаки Каракульского и Крутоярского отрядов). В 1866 году Оренбургское казачье войско вновь было реорганизовано: его разделили на три округа, переименованные в дальнейшем в отдели. Берёзовский посёлок вошёл в третий военный отдел с центром в городе Троицке.

С этого времени он получил статус станицы, а это означало, что в посёлке формируется самоуправление — станичное правление.

Станичное правление состояло из атамана, его помощника, казначея и членов правления, выбранных на сходе из казаков. Станичные власти выполняли распоряжения вышестоящих органов: распределяли землю между казаками, собирали налоги, вели судебные дела. Станице отводились земли с находящимися внутри поселениями. По переписи 1916 года к Берёзовской станице относились посёлки Варваринский, Крутоярский, Лебединский, Уйско-Чебаркульский, Чистый; выселки Беляевский, Благовещенский, Дмитриевский, Козыревский, Круглоозёрский, Михайло-Архангельский, Морозовский, Новобарановский, Погорельский, Сухановский, Шипкинский.

Накануне революции в посёлке Берёзовский проживало 1264 человека, имелась школа, действовала Покровская церковь. Станичным атаманом был вахмистр Семён Малых.

с. Чудиново

Электронная версия альманаха размещена по адресам:
www.zenon74.ru/projects; www.mv74.ru

Графоман № 2(42)/2020

Литературный альманах

Редактор *А. А. Мишутин*

Корректор *Е. С. Меньшенина*

Верстка *В. Б. Феркель*

Подписано в печать 22.05.2020 г. Гарнитура «Constantia».

Бумага «Гознак». Печать офсетная.

Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 16,90.

Заказ № 152.

Тираж экз.

Цена договорная.

Отпечатано с готового оригинал-макета

в ООО «Фотохудожник»

454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155/1.